

ЖИЗНЬ В КАМЕРЕ
ПОД КАМЕРОЙ.

ДНЕВНИК СЕРВЕРА МУСТАФЛАЕВА

Жизнь в камере под камерой. Дневник Сервера Мустафаева.

Автор: Сервер Мустафаев

Иллюстрации: Вячеслав Юрченко

Редактор: Бекир Мамутов

Верстка и дизайн: Татьяна Кабакова

Все права защищены. Полное или частичное воспроизведение разрешено только при указании источника.

КрымSOS, 2020

СИЗО-документалистика Сервера Мустафаева

Согласно данным правозащитных организаций в 2020 году на полуострове произошло больше 412 задержаний, 119 политически мотивированных уголовных преследований, 85 из которых в отношении крымских татар

Лишение человека его естественного состояния – 1) свободы моральной, духовной и 2) свободы физической, биологической – наказание, что и говорить, тяжёлое. И каким бы последователем, приверженцем демократии не обозначило себя политически и конституционно то или иное сообщество, но если в нём за стремление к реализации первого состояния человека лишают обладания вторым, то неискренность и двуличность такого сообщества, несовершенство и порочность его устройства будут очевидны – чем дальше, тем больше.

Менее чем через год после совсем не по-весеннему катастрофичной «Крымской весны», начиная с января 2015 года, определённым образом маркированная часть мусульман, для которых полуостров родина их далёких и близких предков, стала, такими себе штормовыми накатами, преследоваться утвердившимися на полуострове де-факто российскими властями. Преследоваться грубо и жестоко, почти как 80 лет назад: никаких домашних арестов, никаких ходатайств, никаких «на поруки». Мера пресечения – убогая камера СИЗО и хлевный рацион до вынесения через энное количество лет приговора.

У кого-то из узников – не только вчерашних, но и сегодняшних, настоящих граждан Украины – трое-четверо, а то и больше (до тринадцати!) малолетних детей, у кого-то престарелые родители (далеко за восемьдесят), у кого-то серьёзные проблемы со здоровьем... Но среди выдающих и исполняющих от имени новой власти санкции нет тех, кому можно поплакать в жилетку. На участниках маскишоу они бронированы, а мантии судей скроены, пожалуй,

из ещё более холодного непроницаемого металла. К ним, без колебаний поменявших присягу, лезть с сантиментами категорически не по адресу, бродячий пёс – и тот сочувственней, и тот преданней...

Впрочем, все брошенные в камеры под предлогом принадлежности к террористической организации знают это априори и милостей от природы беспринципных, бездушных правоохранителей они не ждут. Не удивляются они и тому, что следствие намеренно длится годами, что всё это время приходится жить в подлинно скотских условиях, направленных на то, чтобы унижить, сломать, заставить раскаться и признать не просто не существующую – очевидно фантазмагорическую вину.

Не видя в физически ослабших узниках ни тени колебаний и малодушия, а, только убеждаясь в их всё крепнущей стойкости, система откормленных до безобразия внутренних органов болезненно раздражающегося государственного организма приходит в ярость и, теряя остатки здравого смысла, срыгивает пароксизмальные массы: на тебе 9, 12, 14! Стоп, этого мало, наверху могут принять за жалость. На, получай, на всякий случай: 15, 17, 19!

Эти цифры не имитация, они вполне реальны. И это не дни, не месяцы, а конкретно годы лагерей! Невообразимые, сродни сталинским сроки лепятся с таким упоением и азартом, будто маски-бронежилеты на пару с чёрными дьявольскими мантиями поймали за руку кровожадных западных диверсантов, когда они, заложив под кремлёвскую стену, недалеко от главного кабинета страны, центнер-другой динамита, уже подожгли шнур...

Хочется сказать: послушайте, неуважаемые! У них при обысках не обнаружено ни одной, даже старой мальчишеской рогатки, ни одной случайной пульки от пневматического ружья. Не найдено ни одного доказательства их, так называемой, подстрекательской деятельности. Нет ни одного примера сколь-нибудь самого слабенького, начального, зачаточного действия по переустройству власти – ладно ещё в Крыму,

но в Москве, окружённой гигантскими видимыми и невидимыми бастионами всех видов недовооружённых и перевооружённых сил?!

Подслушанные с применением современной техники, при немалых временных и материальных затратах, чьи-то кулуарные высказывания в мечети после пятничного намаза, или обсуждение по телефону, в частном разговоре сокровенной коллективной мечты о мусульманском «городе Солнца», о некоей стране исламского благоденствия, с последующим представлением этой некорректной «прослушки» суду, обществу, государству в виде чудовищной крамолы и неких ужасающих материалов (вот, мол, всё бдим и бдим, не щадя живота своего!) выдаётся так, как если бы это было жесточайшим преступлением против личности или нанесение многомиллионного ущерба и без того стагнирующей экономике страны.

... В данной книге представлены совершенно своеобразные, по школьному аккуратные и последовательно выполненные записи блогера и правозащитника, отца милейшего семейства и сына почтенных родителей Сервера Мустафаева. Чудом переданные на волю, эти старательные и предельно правдивые наброски воспроизводят 50-дневный фрагмент из многомесячного противостояния – противостояния 1) человека, во всех отношениях абсолютно далёкого от того, что ему с дикой настойчивостью, безапелляционно «шьёт» длиннорукая ФСБ, человека, абсолютно убеждённого в своей правоте, и, 2) вообще-то очень опасного, а по жизни элементарно неприятно выглядящего и ещё хуже пахнущего Молоха нынешней власти, которому сожрать кого-то – плёвое дело.

Дневник, который ведёт С. Мустафаев, извините за банальность, летопись его повседневной борьбы за своё человеческое достоинство и честь, против лжи и несправедности. Несладкая жизнь в СИЗО не то, что не убавляет, а, скорее, укрепляет его доброту, его веру, его упорство, его стремление помогать тем, рядом находящимся, кто нуждается в поддержке больше, чем он сам. В то же время, Сервер, как всякий адекватный,

нормальный человек, не может привыкнуть к нескончаемой несправедливости. В экстремальных условиях заточения в жуткую камеру-двухместку он мобилизует свои силы и знания, чтобы настойчиво, а порой и дерзко, протестовать против произвола.

И ещё: возможно, этот дневник – документальный набросок произведения, который в скором будущем станет вкладом автора в престижное направление литературы – лагерную прозу в его крымском варианте. Трудно сказать, устыдятся ли, прочитав её и увидев себя, словно в зеркале, казённые служаки в мантиях и без. Но что простые люди – и правильные, и заблудшие – ещё раз увидят, что так жить нельзя, что любая – большая и малая, политическая и бытовая – несправедливость есть гнусность, мерзость – это очевидно.

Сагъ олунъыз, Сервер бей!
Редактор.

Предисловие

Перед тем, как начать ежедневное повествование в виде дневника о новом этапе моего, незаконного по всем меркам, пребывания в Екатерининской тюрьме, в СИЗО-1 г. Симферополя, а именно – переводе в камеру усиленного контроля и последующей изоляции от всего мира, в том числе от самой тюрьмы, к тому же ещё и под круглосуточным видеонаблюдением, установленным в этом мрачном помещении, хочу рассказать предысторию того, как я попал в эту камеру, рассказать о том, что я знал об этой камере ранее, что знал о человеке, к которому меня подселили. А уже в процессе ежедневного описания жизни и течения событий в этой камере буду естественным образом и непосредственно опираться на факты.

Камера, о которой так много разговоров и тревог за тех, кто в ней находится – камера №58 Симферопольского СИЗО-1, расположенная на втором этаже его основного корпуса. Эта камера-двойник, т. е. для двух арестантов. Она расположена напротив «старшинки» – поста дежурного по этажу. Основным отличием этой камеры от других (даже спецблоком, где содержат не только особо опасных, буйных, но и, по заказу ФСБ, тех, кто, как в нашем случае, попал сюда по 205-й статье) – ведение круглосуточного наблюдения через видеокамеру, установленную внутри камеры. Только этих двух обстоятельств (камера+«старшинка») вполне достаточно, чтобы обеспечить максимальную изоляцию, максимальное психологическое давление, моральное подавление находящихся в ней обвиняемых. Я уже не говорю про максимальный контроль со стороны администрации, включая постоянные непосредственные наблюдения через дверь.

В тюрьме про эту камеру говорят, что это место, куда помещают тех, кто попал в немилость руководству, кто заказан для «уработки» (подавления духа, воли) или тех, кто склонен к суициду. Я об этой камере и реальной её изолированности узнал, когда туда для укрощения

был помещён Владимир Балух – всем известный политзаключённый Кремля. Владимир тогда, в знак протеста против сфабрикованного в отношении него второго уголовного дела, объявил голодовку. Естественно, что те, кто активен в борьбе за правду, свободу, да ещё и в политических делах, курируемых ФСБ, привлекают первостепенное внимание. И, как результат, даётся команда на «уработку» в камерах, подобных 58-й. О деле Володи Балуха я знал, будучи ещё на воле – посещая и освещая это беззаконие. Потом, находясь тут, в СИЗО, мы по возможности поддерживали друг друга, особенно когда он держал достаточно длинную голодовку.

Тюрьма, несмотря на условия, рассчитанные на изоляцию людей от мира и друг от друга, т. е. заключенными, к моему удивлению, имеет потрясающую особенность быстро передавать и получать информацию практически любого характера. Это обусловлено естественной реальностью: когда 1500-2000 человек ежедневно разъезжают по судам, конвоируются по этажам, этапам – как по Крыму, так и по колониям материка – они не могут не пересекаться друг с другом. В-общем, когда Володю в целях давления на него, перевели под усиленный контроль, в камеру №58, я узнал об этом очень скоро. И так же быстро понял, что поддерживать его в этой камере крайне сложно, почти невозможно. Мы, конечно, не из тех, кто сдаётся при первой же трудности. Тем более, когда речь идёт о политических делах, да ещё и связанных с ФСБ, когда жизнь, здоровье и судьба людей – как, впрочем, семей, народов – беспокоят современных чекистов в последнюю очередь. Поэтому мы крайне внимательны друг к другу. И бдительны: чтобы, не дай Бог, незаконные вывозы из СИЗО, особенно в прессыхаты; побои со стороны администрации и т. д., не проходили не замеченными.

Слава Богу, с Володей всё прошло относительно гладко и терпимо (конечно, каждый сам понимает, что имеется ввиду в таких смягченных формулировках). Сейчас даже не могу сразу вспомнить, были ли ещё инциденты, связанные с этой камерой и политзаключенными, но попадать в такое

положение не желал бы никому. Может, кто-то скажет: «Да что там, слышали – обычная камера-двойник. Только маленькая, тесная, душная, без условий и без санитарно-гигиенического минимума – таких, со спецпостами, в тюрьме много».

Да, почти верно. Если не считать тех двух моментов, на которые я указал ранее. Поверьте, это очень тяжело 24 часа в сутки находиться в таких условиях. Каждый, кто работал в офисах европейской планировки (без стен, с перегородками по пояс между креслами сотрудников) знает, как хочется иметь рабочее место, не попадающее под взгляды коллег. А спецпост и «двойники» настолько стали обыденными, особенно для политически мотивированных дел (Куку, Мамутов, Алиев, Аметов, Ваитов, братья Абдуллаевы, Сейфуллаев и т.д.), что уже почти не обсуждается. Хотя, как я говорил вначале, даже в такие камеры люди должны попадать ненадолго и только после мотивированных решений администрации – с целью исправления буйных или злостных нарушителей (преступников), но никак не для морального, психологического и т. д. подавления нормального человека. И никак не по чьему-либо звонку или распоряжению ФСБ.

Теперь несколько слов об Эдем агъа Бекирове. Человеке, которому, по предопределению Божьему, посчастливилось прожить короткую по сроку, но большую по значению, тюремную жизнь. К счастью или к сожалению, но об Эдем агъа я узнал только после очередного, как по мне, неудачного, сценария ФСБ РФ по предотвращению и поимке «особо опасного преступника, диверсанта, подрывника», пересекшего по пути следования из Украины в Крым пропускной пункт «Чонгар» 12 декабря 2018 г.. На видеокадрах официального задержания, осуществлённого ФСБ, очевидно, что человек далеко не молодого возраста, инвалид, на 2-х костылях, с трудом переставляющий вторую ногу-протез.

Только борцы с терроризмом/экстремизмом «мирового уровня» из ФСБ РФ могут каждую неделю/месяц

один за одним ликвидировать (ловить, разоблачать) «террористические ячейки или лидеров/организаторов таковых», в глубинках сёл или провинциальных городков, особенно на только что захваченных/колонизированных территориях, огульно обвинив многодетных отцов, общественных (народных) любимцев, положительных личностей в антироссийской, антиконституционной, военной(!!!) пропаганде и общественно опасной деятельности... В общем, и в случае с Эдем агъа всё аналогично: громко, «зрелищно», страшно. Но фальши, какой бы замаскированной под внешний антураж она ни была, нет оправдания. Я почему-то сразу понял, что, несмотря на возраст и инвалидность, этот новый политический узник Кремля, к сожалению, тоже в полной мере вкусит нечеловеческие условия содержания в СИЗО и всю «прелесть» отношений с ФСБ.

Так получилось, что с 12 на 13 декабря 2018 г., поздней (около двух часов) ночью, меня оповестили, чтобы я собирался на 28-дневную принудительную психиатрическую экспертизу (кстати, единственное за 8 месяцев на тот момент действие, которое со дня моего незаконного ареста решили провести в отношении меня в рамках политически мотивированного уголовного дела по второй бахчисарайской группе). Я понимал, что за этот срок моего отсутствия Эдем агъа уже пройдет транзитные камеры (в эти камеры помещают на срок 7-10 дней вновь поступивших подозреваемых/обвиняемых) и его распределят в одну из камер. В тюрьме, в целом, всех новых, особенно пожилых, больных арестантов принимают тепло (конечно, по возможности – с учётом специфики заведения, в котором мы находимся). Но с особенным трепетом и вниманием принимают новых узников режима политзаключенные.

Таким образом, ещё до того, как я покинул стены СИЗО 13 декабря, остальные ребята из «нашего» уголовного дела – да и не только – уже знали и были готовы встречать человека, абсолютно далекого от реалий и быта тюрьмы. Впрочем, как и все мы – в недалёком прошлом так же

неблизкие к ним. Но для больного человека эти реалии действительно сравнимы с испытанием/игрой на грани жизни и смерти.

В тот день, 10 января 2019 г., когда я вернулся с пыточной экспертизы с элементами карательной психиатрии, я был определенно шокирован (хотя, после сказанного выше, это оказалось лишь малой частью бесчинств и репрессий в РФ и удивляться уже нечему) теми изменениями и переводами из камеры в камеру ряда политзаключенных, да ещё и тех, кому за хорошо за 50. Имею ввиду перевод из общей камеры содержания, где относительно приемлемые, если так можно выразиться, условия и быт, в камеры двойники – сырые, без бытовых условий, направленные на моральное, психологическое давление и изоляцию, наших старших соотечественников – фигурантов «дела Веджие Кашка» Казима Аметова и Руслана Трубача. Причем последнего перевели в камеру №58. Затем мы с ужасом узнали, что Эдем Бекиров тоже помещён в эту мрачную, гнетущую камеру.

У нас внутри всё похолодело ещё и потому, что эта известная камера никак не относится к камерам санитарного блока СИЗО – а именно там, в худшем случае, должен находиться инвалид 1-й группы с сахарным диабетом, да ещё и после операции шунтирования сердца. Немного успокаивало то обстоятельство, что рядом с Эдемом Бекировым находится Руслан Трубач. Он, конечно, не врач, а Эдем агъа нужен именно постоянный, особый уход с его букетом серьёзных болезней, которые, даже под занавесь процесса, кощунственно проигнорировал Киевский районный суд г. Симферополя. Впрочем, как и все другие политические дела, включая вынесение приговора Сервер агъа Караметову (Аллах рахмет эйлесин – да упокоит Аллах его душу) и группе наших соотечественников старшего возраста по «делу Веджие Кашка». Сказать по правде, и в санблоке СИЗО, как показал опыт Асан агъа Чапуха и Бекир агъа Дегерменджи, ждать чего-то, кроме но-шпы, аспирина и ибупрофена нечего, но все же...

В тюрьме, как-то ко всему этому, мы верим, что временному бесчинству, привыкаешь и продолжаешь бороться и опекать друг друга, чему учит наша религия Ислам, которую пытаются демонизировать разными стереотипами, подменяя понятия... Старались по возможности держать руку на пульсе по каждому и по старикам и больным, в частности. Когда добились вывоза Эдема Бекирова в больницу им. Семашко 14 января 2019 г., я обрадовался. Потом последовало повторное обследование 25 января 2019 г.. Я уже было почти поверил, что в шерстяном сердце «власть имущих» что-то пробудилось и будет правильное/должное отношение к узнику-инвалиду.

24 января 2019 г. пришло ещё одно радостное (хотя пока и не до конца, потому что дело ещё не закрыто, людей не оправдали и не реабилитировали) сообщение о том, что фигурантов «дела Веджие Кашка» во время суда отпустили под домашний арест. Тут же в голову пришла мысль о нашем последнем (очень на это надеюсь) узнике Эдем агъа, ведь если Руслана Трубача отпустили, а Эдем агъа вернётся из больницы, то он будет один на один с кучей своих болезней и лишён необходимого ухода...

25 января меня вместе с Марленом (Сулейманом) Асановым и Меметом Беляловым с утра повезли в ФСБ на бульвар И. Франка, в бывшее здание СБУ (хотя и к работникам тоже) для ознакомления с результатами лингвистических, религиоведческих и др. экспертиз. Другими словами, составленными – на основе сфабрикованного этим ведомством заказа различным карманным экспертам – результатами, которые они наспех слепили из, возможно, наших, а большей частью додуманных и приписанных нам слов, мыслей, призывов и т. д..

Мой день прошёл на ура. Я повидался со своими друзьями, братьями, соотечественниками: Меметом, Сулейманом, адвокатами (и уже за эти 5 лет более чем адвокатами) Эдемом Семедляевым, Эмилом Курбединовым. Но лично я так и не успел по существу ознакомиться с содержанием лже-экспертиз, потому что вывели нас из камер в 8 утра, конвой ФСБ забрал из СИЗО в 10.30, доставили в ФСБ

в 10.45, а начали ознакомление, по очереди, после 12-ти часов дня. «Экспертные заключения», для пущей убедительности, постарались сделать как можно потолще (со слов ребят я понял, что около 400 страниц). В-общем, моя очередь пришла около 16.30 вечера. Это ещё при том, что ребята, особо не вчитываясь, просто подписывали. А по другому, на 400-500 страниц текста экспертиз, которые, по сути, решают твою дальнейшую жизнь в диапазоне от 10 до 20 лет, или пожизненно, пришлось бы потратить минимум 2-3 дня каждому. Но мы это оставили на потом, когда дело закроют и начнём ознакомление со всем делом в целом, хотя и там в судебном порядке ограничивают, доводя время для ознакомления до нереально короткого срока. Так вот, как говорится, «война войной», а работникам конторы надо закончить рабочий день не позже государством установленного времени – там, 17 или 18 часов. Поэтому следователь Д. С. Громашов, который ведёт наше уголовное дело, сказал, что для меня день был холостым, что ознакомлюсь в другой день. И плевать, что мы сидим под арестом, в неопределённости – я девять, другие участники по моему делу пятнадцать месяцев.

Вобщем, в 17.30 мы были в СИЗО, и в 19.00, после проверок, поднялись в свои камеры. Конечно, за весь день, проведенный на ногах, устаешь невероятно и в камеру заходишь из последних сил. Остаётся переодеться, умыться, помолиться и спать. Но! Не тут-то было. Буквально при входе в камеру подошёл дежурный инспектор и назвал мою фамилию. Я повернулся, улыбнулся и говорю: «Ну вот он я. Вы же меня заводите». На что услышал: »Собирай вещи, тебя переводят в другую камеру». Я, честно говоря, не понял – это сон или розыгрыш. Уточнив, куда и почему, услышал: «Сам не знаю, собирайся». Посчитав это какой-то ошибкой, я продолжил действия по своему плану (переодеться, умыться, покушать, помолиться и спать).

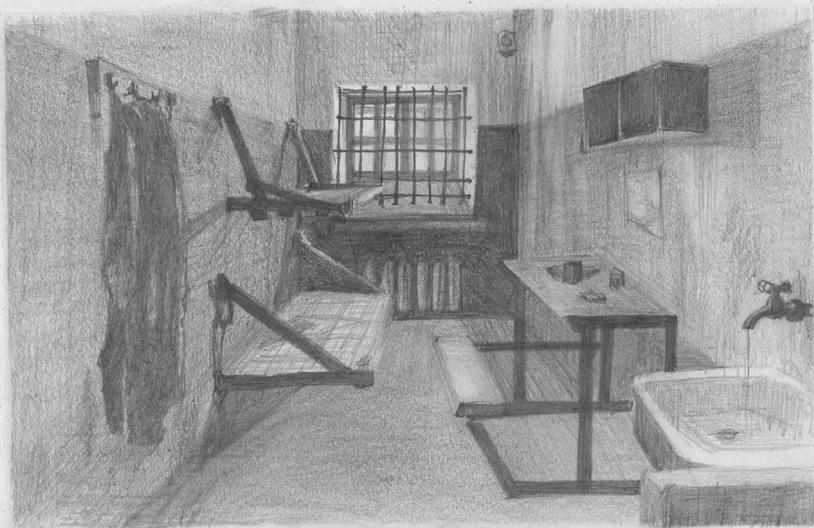
Через час за мной пришёл дежурный. Я, конечно, не спал, так как обеспокоился, что это за неожиданный ночной, под выходные (ночь пятницы) разворот событий. Попросил дать объяснения, но дежурный ничего сказать не смог. Тогда

попросил вызвать старшего по смене для объяснения данного вопроса. Конечно, для меня идеально было бы встретиться с начальником СИЗО С. В. Бережным, но ночью и под выходные это из области фантастики. Поэтому хотел со старшим по смене договориться об отложении до понедельника моего перевода, чтоб встретиться непосредственно с начальником и разобраться.

Ещё через час пришёл старший смены и пояснил, наконец, что есть приказ о моём переводе в ту самую камеру №58. Он тоже причин пояснить не смог и сказал, что до понедельника отложить не имеет права. Увидев определенную безвыходность, да и вспомнив, что это место, где содержится, в данный момент в одиночестве, Эдем агъа Бекиров, даже посчитал предоставленный Богом случай как возможность получить награду за опеку над больным человеком, к тому же соотечественником. Я попросил ещё немного времени, чтоб собрать вещи, так как стало ясно, что мой перевод неотвратим. А намерение встретиться с начальником СИЗО останется на понедельник, но уже из той злополучной камеры, в которую не желал попасть ни себе, ни другим.

Состояние моё было весьма неоднозначным. Однако я ловил себя на мысли, что благость помогать и быть рядом с нуждающимся стоит выше, чем личное благополучие и покой. Этому учит Ислам и так легче переживаются все жизненные невзгоды. Через несколько часов, собрав вещи, я не попрощался, а сказал сокамерникам из 101-й, в которой находился более 8 месяцев: »до свиданья». И со словами «Бисмилляхи рахманиррахим» (С именем Бога Милостивого и Милосердного) отправился перелистывать новые страницы своей жизни в СИЗО-1 г.Симферополя.

Пока мы спускались с 3 этажа, где находилась камера 101, на 2-й, где находится камера 58-я, несколькими словами обменялись с дежурной сменой на предмет того, почему? И за что меня решили так «уработать»? Я в СИЗО уже не первый день и не первый месяц, сотрудники знают меня и моё нормальное поведение; а также видели, как дружно, с переживанием и поддержкой, меня провожала 101-

Перевод в 58-ю
и знакомство
с новым
сокамерником
Эдем агъа
Бекировым

я, где более 20 человек арестантов. Поэтому, хотел бы понять, почему? За что? Кто за этим стоит?.. Мне пытались объяснить, что в 58-й ничего страшного, мол, больше накручивают о её статусе и т. д.. Но это лишь слова работников, которые не должны говорить по-другому. Я же, в свою очередь, не могу долго отчаиваться и находиться в апатии, угнетённом состоянии. Я вышел с именем Бога, ради Бога помогать больному, и нет места на земле, где нету Бога. Чему быть, того не миновать, а что Богом отведено, то никоим образом не коснётся меня, сколько бы этого не хотели враги. Поэтому в камеру я входил, как всегда, с улыбкой и максимально тёплым приветствием «Ассаламу алейкум ва рахматуллахи ва баракятуху, Эдем агъа...»

С одной стороны удивительно, но с другой стороны объяснимо. Эдем агъа, несмотря на позднюю ночь, сидел

на кровати в ожидании неизвестно чего. Возможно, переживал за своё сфабрикованное дело – как теперь всем доказать, что ты не верблюд. Увидев меня, Эдем агъа обрадовался, улыбнулся. Мы обнялись и поприветствовали друг друга.

Эдем агъа, оказывается, меня узнал сразу. Когда я хотел представиться, он сказал, что прекрасно знает, кто я ещё со времени, когда активно следил за моими эфирами в фейсбук (с мест обысков, судов и т. п.). Знает, что я оказался тут по моей правозащитной и общественной деятельности как координатора объединения семей политзаключенных РФ и преследуемых активистов «Крымской солидарности». И добавил: «Руслан Трубач много говорил о тебе.» Я, в свою очередь, начал узнавать Эдем агъа ближе лишь с данного момента встречи. Словно чувствуя, что мы можем скоро разойтись, просидели, общаясь и продолжая знакомство, не сомкнув глаз, до 9 часов утра. Затем я, не спавший более суток, просто отключился до 12 часов дня, когда принесли обед.

Описание камеры №58

Данная камера, как я говорил ранее, находится на втором этаже, возле «старшинки» – поста дежурного. Снаружи это обычная камера с обычной железной дверью с замком и 2-мя засовами (вверху и внизу) с проёмом в середине двери примерно 15x25 см для подачи пищи и передач, а также отверстия для наблюдения в верхней части двери на уровне глаз.

При входе, с позволения сказать, в помещение, на подсознание сразу давят размеры: около 1,5x5 м. Справа при входе в глаза бросается обычная полиэтиленовая ширма (занавес, как в ваннах), которая отделяет туалет (60x90 см), без перегородок от общей «комнаты». Естественно, в таких условиях уединиться в этом уголке не получится. Все звуки, запахи проникают во все поры и становятся «достоянием» всей крошечной камеры. Не говоря уже о том, что в этой же камере человек принимает пищу или пытается отдохнуть (спать). Стоит отметить: в

данном импровизированном WC установлен унитаз! Это большая редкость, я бы даже сказал исключительность, для этого учреждения (хоть тут, думаю, уважили больного человека). Правда, из-за тесных габаритов WC, если человек расположится на унитазе, то шторка оттопыривается так, что отверстия на входной двери позволяют полностью лицезреть всё, что происходит там, а ноги, поневоле, располагаются на пороге входа.

Дальше, сразу за WC, справа под стенкой маленькая раковина в диаметре около 35 см и кран с исключительно холодной водой. На уровне плеч (почему-то не уровне головы) вмонтировано в стену зеркало – примерно 15x20 см, над которым маленькая деревянная полка 18x50 см. Вдоль той же правой стены, через метра полтора, стоит приваренный к полу железный табурет, сидя на котором начинаешь ощущать внутренними органами холод уже через 3-4 минуты. Табурет расположен с торца железного, тоже намертво приваренного к стене и полу, стола – габаритами 50x180 см. В стене напротив входа, практически под потолком (кстати, высота потолка около 3,5м) виднеется окошко около 40x80 см. Подобные размеры окна имеют исключительно в камерах спецблока и некоторых двойниках.

Переходим к стене слева. Прямо под окном на стене слева в углу висит весьма ветхий деревянный шкаф для продуктов – примерно 40x70 см. Это, пожалуй, единственное место, где уже сам определяешься – хранить в нём продукты или сложить вещи. Мы выбрали продукты, а вещи положили в пакетах на пол. Дальше, вдоль той же стены слева, к стене плотно прикреплены две кровати (одна над другой). Кровати жесткие, железные, без выдержки уровня (особенно верхняя – перекошена так, что когда на ней лежишь, то тело оказывается под наклоном к левому углу по диагонали к ногам). Размеры кроватей стандартные – около 2мx0,7 м. Крайне неудобно подниматься на второй ярус, так как нет даже самодельно приваренной лестницы. Поэтому, поднимаясь или спускаясь, приходится ступать на лежак нижней кровати, что создает неудобства для того, кто на ней отдыхает. Тем более, если это больной человек,

который и так с трудом засыпает. Дальше, примерно в 1 м от кровати, ближе к входу, прикреплён чугунный радиатор на 7 секций. Правда, теплоноситель в системе отопления приходит до этой камеры с температурой 20-30° С – и то не всегда и только в верхней части батареи.

Вот, собственно говоря, и всё, что есть в камере и чем она оборудована для 24-часового в день и семи дней в неделю нахождения и проживания в ней двух человек – именно и в первую очередь людей, а потом уже подозреваемых, обвиняемых. Ах, да, чуть было не упустил главный атрибут, «изюминку» этой чудо-камеры №58: слева в углу, под потолком, при входе расположена камера видеонаблюдения, которая, не моргая, доблестно следит за всем происходящим в крохотном помещении. Одна камера не оставляет в другой камере ни уголка, ни квадратного сантиметра для уединения, для личной минутки – хотя бы даже для переодевания нижнего белья или обработки раны, в случае таковой, на интимных участках тела.

Понятно, что холодильник, телевизор, средства санитарно-гигиенических процедур отсутствуют. Веник, совок, тазик для стирки личных вещей принесли уже после наших жалоб и заявлений. Хотя, ёршик для уборки унитаза до нас так и не доехал. За отсутствием холодильника приходится лезть под потолок и выкладывать некоторые продукты за окно, чтоб хоть как-то продлить срок хранения – продуктов, с таким трудом и любовью передаваемых родными и народом в тюрьму, своим любимым героям. Но крымская погода такова, что, несмотря на зимние месяцы, на улице плюсовая температура, поэтому холодильник наш справляется со своей задачей максимум на троечку. А с другой стороны – было бы холоднее, думаю, такую низкую оценку пришлось бы ставить системе отопления. Вот и приходится довольствоваться тем, что есть.

Телевизор, оказывается, в этой камере прежде был, но потом, перед ремонтом, его сняли. Дальнейшая судьба, положенного по правилам содержания в СИЗО, утвержденного приказом Минюста РФ от 14 октября 2005 г. №189, телевизора оказалась не известной даже

начальнику СИЗО (по крайней мере, так он сказал в ответ на заявление по этому вопросу). А ремонтом назвали визуальную, для галочки, фрагментальную замазку очевидно грязных, темных участков стен, потолка (но краски, видать, было мало, и её разбавили, или лень было покрасить дважды, поэтому все рисунки и пятна на стене сохранились отчётливо). Коричневой краской залили холодный бетонный пол. Если постоять на одном месте несколько минут, холод уверенно пробирается к ногам.

Ну и последнее, весьма важное, что хотелось бы отметить из описания данной камеры – это полное отсутствие важного по санитарно-гигиеническим нормам (ГОСТ и СНИП) для любого помещения, и особенно того, где длительно пребывают люди – вентиляции. Знаю точно, как магистр специальности «тепло-, газоснабжение и вентиляция». От отсутствия вентиляции – и неудачно замазанные в правом углу под потолком возле наружной стены у окна следы сырости или грибковые образования, отсюда, естественно, и неудовлетворительное, вечно усталое состояние содержащихся в камере людей. На этот вопрос администрация лишь сказала: ждите, мол, этот вопрос стоит на очереди. Но мы ведь находимся в этой камере 24 часа в сутки, мы дышим этим воздухом уже сегодня! А вы презентуете эту камеру перед проверяющими (внешние проверки заведения) как камеру образцового уровня!

День 1

26.01.2019

Суббота

Как я сказал немногим ранее, лично у меня предыдущий день и прошлая ночь прошла весьма насыщенно и напряжённо – в бодрствовании, поэтому я, с позволения сокамерника Эдем агъа, в 9 утра, после пересчёта, совершив молитву (дуа намаз), прилёг немного набраться сил. Проснулся (точнее, разбудили) от стуков двери в 11.30, когда принесли обед. Встал и получил пищу на себя и Эдем агъа. На пищу жаловаться нельзя, но, честно, и хорошего про тюремное питание сказать нечего. В обед, обычно, на первое дают супы: борщ, рассольник, гречневый, макаронный – чередуя; на второе каши: гречневая, овсяная, гороховая, макароны – также чередуя. Так вот, я стараюсь брать хотя бы суп и, порой, через силу выпивать его, чтоб желудок получал раз в сутки жидкую пищу.

9:00

11:30

Потом мы с Эдем агъа брали, нарезали некоторые продукты из тех, что приносят в передачах, чтоб хоть как-то украсить трапезу и придать калорийность и питательность пище (последнее – только в моём случае, потому что Эдем агъа на диете). Желаем друг другу приятного аппетита, и к 13.00 с обедом заканчиваем; моем посуду и выпиваем чай. Общение наше не прекращается ни на минуту, за исключением моментов, когда я молюсь (намаз).

Примерно в 12.30 пришли инспектора, которые выводят на ежедневную прогулку. Плохо выспавшийся на новом месте (на каждом этаже разное время прогулок), да ещё и занятый обеденной трапезой, я поблагодарил инспекторов и вынужден был им отказать, сказав, что с завтрашнего дня обязательно буду выходить. Они меня хорошо знали, потому что за почти 9 месяцев нахождения в СИЗО я не пропустил ни дня положенной часовой прогулки (если только не был на судах, встрече с адвокатом и т. д.), так как это единственная возможность глотнуть относительно чистый воздух во двориках для прогулки, расположенных

12:30

на крыше здания СИЗО. А ещё это место, где можно хоть как-то поддержать физическое состояние здоровья элементарными гимнастическими упражнениями. Если же повезёт, отведут в спортдворик, где есть турник и брусья, на которых можно позаниматься. А мы с Эдем агъа продолжили общение и познание жизни до тюрьмы и уже в самой тюрьме.

Слушая Эдем агъа, я постоянно думал о сложившейся ситуации, что делать и как правильно дальше себя вести. Просто смириться и сидеть, подчиняясь всё новым и новым бесчинствам, я не буду – решено однозначно. То, что надо начать вести данный дневник, хронометрируя в нём события экстремальной части своей жизни, я тоже решил ещё ночью. Слушая Эдем агъа и историю его жизни, его борьбу со всеми трудностями, связанными с возвращением в родной Крым (а он оказался одним из тех, кто этот путь начал ещё мальчишкой в далёком 1967 г.), после немыслимо бесчеловечной насильственной высылки всего народа, обвинённого в предательстве, которого априори не могло быть, и развезённого в 1944 г. в вагонах-скотовозах далеко на север и восток от земли предков.

Потом он рассказывал про своё задержание, про первую ночь, проведённую в изоляторе временного содержания (ИВС), о суде, «избравшем» меру пресечения, доставке в СИЗО. Про то, как его, без обычной стандартной процедуры для новоприбывших – 7-10-дневного нахождения на первом этаже в карантинных камерах – сразу подняли в камеру 58, в которую за 30 минут до него уже был переведён Руслан Трубач (фигурант «Дела Веджие Кашка»). Те ужасы, боль и волнения, которые пришлось пережить ему, инвалиду 1-й группы, перенесшему операцию на сердце, человек после паралича, серьёзных проблем опорно-двигательной системы, имеющего сахарный диабет: более суток держали без пищи, лекарств и врача при задержании; первые недели в СИЗО сопровождалось убийственным отношением медсанчасти СИЗО и администрации.

Эдем агъа рассказывал, как ночами не мог спать, а лишь в сидячем положении дремал короткими урывками. Как

сахар у него в крови поднялся до 12-15 единиц, а давление упало до 100 мм рт. ст.. Слава Богу, давшему этому человеку столько сил и воли к жизни (он 20 раз прошёл наркоз с последующими операциями). Всякий раз Бог посылал ему в поддержку хороших спутников. Первой и незаменимой он называет свою жену Гульнару ханум. В СИЗО это был в первые дни Руслан Трубач. «Теперь, – говорит он, – Аллах мне дал тебя». Часть событий, связанных с историей задержания Эдем агъа на границе и фабрикацией уголовного дела, а также все детали пыточного, карательного отношения к нему, вплоть до содержания в жёсткой камере СИЗО вместе с Русланом Трубач и последующего моего перевода к нему, под диктовку (рассказ) самого Эдем агъа мы описали в отдельном документе и передали адвокатам.

Могу сказать, что всё, услышанное мной, где-то, как зеркало, отразило фрагменты моей жизни и борьбы за право на истину и её торжество – имею ввиду то, как наш народ боролся и возвращался в Крым, проходя через такие же лжесуды, предвзятость и навешивание ярлыков; где-то убеждало в том, что тот путь и метод ненасильственной борьбы, сопротивления, которую мы все сегодня, ведём против тиранического режима РФ, впитан нами с молоком наших матерей, с кровью наших далёких и близких предков. И дай Бог, как в прошлом, так и сегодня, вместе и в единстве с крепкой верой мы преодолеем и сегодняшние испытания и препятствия, иншаАллах. Поэтому очевидно, что я тут, находясь рядом с Эдем агъа, кроме заботы о нём и определения следственно-причинных связей по моему переводу в одну с ним камеру, должен приложить максимум усилий, чтоб перевести его, как минимум, в медсанчасть СИЗО. А в идеале – под домашний арест с дислокацией в одном из медучреждений на воле. Да, вот так, видите – идеалом называем домашний арест, а не закрытие сфабрикованного дела и реабилитацию инвалида. Как говорится, и смешно, и грешно...

Вечером в 16.30 открылось окошко для приёма пищи (во входной двери) и нам подали ужин. На ужин обычно рыба –

16:30

18:00

сельдь солёная тихоокеанская, или рыба, полуваренная-полужаренная, с гарниром: рагу-картошка, капуста + немного бульона; или пюре) Чай, кисель или компот, которые даются к завтраку, обеду, ужину – мы обычно не берём. Завариваем сами своё. Опять накрыли свой вечерний стол и в узкой дружной компании провели вечернюю трапезу. К 18.00 уже убрались, выпили чай и я пошёл помолиться.

22:00

Пообщавшись ещё немного, выпили чай с печенькой и сухофруктами, оставшимися с прошлой передачи (новую сможем получить только в новом месяце, так как январский вес мы уже выбрали – положено по 30 кг на человека в месяц). Время уже было начало одиннадцатого ночи. Поспав в прошлые сутки только 3 часа, я уже предельно хотел отдыхать. В общем, мы решили на сегодня общение закончить и после вечернего туалета легли спать.

День 2

27.01.2019
Воскресенье

5:00

Утро и подъём на этаже начинаются в 5.00 (хотя по распорядку дня отбой в 22.00, подъём в 6.00), потому что продольный инспектор ходит по всем камерам и собирает заявления, ходатайства, апелляционные жалобы и т. п..

6:00

Но сегодня с учётом того, что воскресенье, этой крайне неприятной в самый разгар сна процедуры нет. В 6.00 уже шкрябает окно приёма пищи и «баландер» (лицо, разносящее пищу по камерам; обычно это такой же заключенный, который для сокращения срока ареста идет работать на администрацию СИЗО, ФСИН) предлагает завтрак. Утром обычно подают молочные блюда: гречку, пшенку, овсянку, перловку + чай. Эти каши не очень съедобны, но из-за необходимости и пользы брали эти каши периодически. С добавлением сгущённого молока они становились более-менее съедобными. Но Эдем агъа из-за диабета опять в пролёте. Он ест запаренную овсянку/

геркулес/мюсли, а я иногда, чередуя молочку, составляю ему компанию. Выходные дни в тюрьме проходят относительно спокойно, так как нет «левитанши», которая разносит корреспонденцию, нет выводных на этап/суды инспекторов, а значит, на проходе относительно тихо и спокойно.

К 9.00 утра пришли новые дежурные инспекторы по этапу и корпусу, принимать смену. Они пересчитывают всех по камерам, проводят визуальный осмотр помещения, выслушивают, если есть, устные жалобы, предложения, и идут дальше на обход. В этот момент все выходят в коридор. В камере остаётся один дежурный (или старший). В нашем случае всё очевидно. Эдем агъа в камере.

9:00

Так же в этот момент и только тогда можно вынести в коридор мусор, собравшийся в камере. Дальше, к 11.30, опять открывается окошко в двери и баландер подаёт обед. В это время Эдем агъа как диабетик получает паёк молока и, если есть, 100 г сока яблочного и немного – отдельно – куриное или говяжье мясо. Как оказалось, в рацион диеты входит ещё много чего. В данное время, как обычно, всего остального нет. Зато считается, что диета выдаётся. Как бы там ни было, мы провели обеденную трапезу.

11:30

К 17.00 к двери подошёл выводной на прогулку инспектор, уточнил, пойдём ли мы гулять во дворик, я утвердительно сказал: «Конечно, но только сокамерник не сможет пойти на костылях по лестнице на пятый этаж (т. е. на крышу)». В ответ я услышал ожидаемо, что тогда прогулка не получится, так как на прогулку не водят по одному и в камере не оставляют по одному человеку. Почему «ожидаемо» – потому что я и ранее слышал, что по одному на прогулку не выводят, и если я в камере, в которой был до этого, не находил, с кем пойти на прогулку, то и сам оставался без прогулки. Поэтому инспектор предложил решить данный вопрос с руководством и пошёл дальше.

17:00

Тут Эдем агъа, к слову, поведал, что он уже полтора месяца с момента нахождения в СИЗО не видел ни прогулки, ни бани!!! Когда я спросил: «Как же так?», он ответил: «Мы с

Русланом грели воду в мисках и купались (правильнее, умывались) тут, перед раковиной, а потом Руслан протирал полы». А в банный день Руслан агъа ходил менять постельное бельё. С прогулкой, оказавшись в камере 58, Руслан агъа тоже был в пролёте. Меня такие перспективы абсолютно не устраивали и мой запал на борьбу с очевидной «уработкой» и несправедливостью с каждой минутой и новым фактом самоуправства беззаконного, ещё побуждал больше делать то, что задумал – для победы истины и справедливости.

15:00

Мы продолжили диалог с Эдем агъа и в воскресный день, всё так же – в тесноте да не в обиде. Правда, несмотря на выходной, в промежутке 15.00 – 16.30 дня к нам в камеру пришёл с личным визитом один из заместителей Бережного. По крайней мере, я так понял, хотя он сам не представился. Просто по своему тюремному опыту знаю, что ежедневно, в том числе и в выходные, есть ответственные по тюрьме, в основном, в лице замов начальника, а порой и сам начальник. Визит его был короткий, в основе направлен к Эдем агъа, от которого хотел узнать, что всё в порядке – жив-здоров и т. д.

17:00

Вечер прошёл дальше в целом, как и вчерашний. В 17.00 мы поужинали, в 19 часов я помолился. Потом ещё немного поговорили. Общение, как ни странно, у обоих активных с воли людей не имеет границ, истории и темы не имеют конца. Тем более, когда столько общих знакомых и взглядов, когда наши мнения на всё происходящее в Крыму и Украине, да и в мире в целом, сходились. Так вот, дальше, я сел и написал несколько заявлений на имя начальника СИЗО: 1) Просьба о личной встрече/приеме по личному вопросу – моему содержанию в СИЗО и причине перевода в 58-ю. 2) Просьба обеспечить меня и сокамерника положенной ежедневной часовой прогулкой и еженедельной баней.

Также написал ходатайство на имя следователя Грамашова Д. С. (ФСБ) с просьбой обеспечить мне реализацию права, которое есть у каждого гражданина на общение с семьей, родными и близкими. Указав список всех, кого желаю

увидеть на кратковременных свиданиях, попросил, в случае отказа, дать мотивированный законный ответ по каждой личности, прописанной в ходатайстве отдельно. Потому что там я указал и родителей, и сестру, и жену, и детей. Все они считаются близкими родственниками, с отдельным, но родным статусом. Стало нормой, что жён, по аналогии с прошлыми делами (Симферополь, Севастополь, Ялта), формально определяют как свидетелей обвинения, чтобы дальше, на весь период следствия, отказывать в свидании с ними. Так и у меня: уже более 8 месяцев я не имею никакой возможности встречи и общения с родными. Даже во время судебных заседаний – так как и их, для «уработки», по команде ФСБ судьи делают закрытыми, по надуманному, без аргументов, мотивам. Так я решил начать первый рабочий день и неделю после моего перевода в К58. Время уже близится к полуночи, завтра у меня апелляционный суд на решение Киевского районного суда от 05.12.2018 г.

00:00

День 3

28.01.2019

Понедельник

5:00

Итак, раннее утро (5.00) понедельника, стук в дверь и шум открывающегося окошка во входной двери. «Продольный» инспектор, разбудив нас от сладкого сна, интересуется, есть ли заявления, ходатайства. Я ответил утвердительно, спустился со второго яруса (спросонок это акробатический номер, так как нет лестницы и, помимо равновесия, надо не ступить на голову или ноги лежащего внизу сокамерника) и передал инспектору два заявления и ходатайство, о которых писал вчера вечером.

6:00

Не успел лечь вздремнуть, как очередной стук в дверь и открытое окошко – 6.00, пришёл баландер и принёс завтрак. Я забрал хлеб (кстати, хлеб в тюрьме – это отдельное произведение искусства пекарей, изюминка в питании арестантов, так как этот культовый продукт напоминает о себе только формой традиционного кирпичабуханки, а по факту его гастрономического состояния я склонен предполагать, что это мука 3-го сорта и ещё низшего качества+ дрожжи не по рецепту; а вместо приправы – кусок сырого теста внутри, и нам приходится довольствоваться горбушками хлеба, где тесто хоть как-то пропеклось). А молочная каша, которая сегодня по графику, не самая удачная; перловка – то ли из-за качества, то ли просто так, на скорую руку приготовлена – сырая, в еле тёплом молочном соусе с водой.

По понедельникам и четвергам по нашей религии рекомендовано держать пост, как если бы это был месяц Рамадан. И большинство мусульман в тюрьме особо придерживаются, кроме обязательных обрядов поклонения, дополнительных. Поэтому я совершил (необязательную) молитву до наступления времени утренней обязательной молитвы и немного поел, что было из запасов передачи перед началом поста.

В 7.00 пришёл фельдшер из медсанчасти СИЗО и принёс инсулин для Эдем агъа (после критического состояния здоровья и повышения уровня сахара в крови до невероятных показателей 15-18 mmol/l за период нечеловеческого отношения к нему при задержании и содержании в СИЗО, он вынужденно, для сохранения жизни, начал колоть инсулин, которого, пользуясь на воле народными средствами, он избегал). Это, кстати, теперь происходит три раза каждый день: в 7.00, в 12.00 и в 20.00.

6:00

Далее, между 7.30 и 8.30 пришла «левитанша» (сотрудник, в основном женского пола, отдела ОСУ СИЗО), которая разносит постановления, протоколы, приговоры судов и другую корреспонденцию по уголовному делу, в том числе обвиняемому, содержащемуся в СИЗО. Она принесла мне постановление апелляционного суда и протокол судебного заседания от 22.01.2019 г. на решение киевского районного суда от 05.10.2018 г.. Да, да, нечего удивляться: в российском судопроизводстве, особенно в Крыму, и, в частности, по политически мотивированным делам, формальностью стали как сами судебные процессы, так и сроки их рассмотрения. На этом примере очевидно, что данное заседание суда проходит с грубейшим нарушением сроков рассмотрения, когда его решение, по сути, уже не имеет никакого значения, так как после суда по принятию меры пресечения от 05.10.2018 г. уже прошёл следующий суд 05.12.2018 г., а до 09.02.2019 г. пройдёт ещё один очередной суд по продлению содержанию в неволе.

7:30

В 9.00 очередной грохот дверей. Это уже утренний обход и пересчёт новой смены дежурных и продольных, когда я уже привычно выхожу в коридор, а Эдем агъа остаётся в камере. Инспектор заходит для визуального осмотра помещения. Мы же ещё и мусор выносим. Процедура обхода недлительная, но рутинная. Кстати, как раз старшему смены я задал вопрос о проблеме с прогулкой и необходимости её решения. На что услышал, что есть такая проблема, когда нельзя оставлять в камере одного человека, дабы (вы только вдумайтесь!) не искушать его на суицид! Мы находимся в камере возле поста дежурного,

9:30

под круглосуточным видеонаблюдением с одной стороны, с другой стороны, и я, и Эдем агъа в психологическом плане абсолютно здоровые люди, которые находятся в тюрьме исключительно по политическим мотивам. А мы ещё и просим о положенном – об утверждённом минюстовскими правилами и положением прогулке, которую инвалид не видел уже более полутора месяцев. И не по своей прихоти, а из-за не предоставления для данной категории лиц возможности и необходимых условий. Потрясающе: арестовать и посадить могут, но обеспечить положенными (элементарно человеческими) условиями содержания не могут. Мое дело было всё это озвучить. В случае не решения я знал, что буду делать дальше.

12:00

Часам к 12-ти, как обычно, пришёл баландер с обедом. Я взял суп (по понедельникам мой любимый, ещё с воли, гороховый суп; в СИЗО это один из сносных по вкусу вариантов блюд) на себя (для вечера, так как днём поцусь) и для Эдем агъа. Также взял молоко, 100 г яблочного сока и кусочек диетического куриного мяса, положенного Эдем агъа. В 12.00 пришел фельдшер с очередным уколом инсулина, после которого надо поесть. И Эдем агъа как раз пообедал.

13:45

В 13.45 за мной пришёл «выводной» в кабинеты (инспектор, который выводит в админкорпус СИЗО для встречи с адвокатами либо для судов по видео-конференцсвязи – ВКС). Дело в том, что у меня на 14.00 назначен апелляционный суд на решение киевского районного суда о мере пресечения от 05.12.2018 г. в режиме ВКС. Да, этот режим установил Верховного суда Крыма, который расположен в 5 минутах езды от СИЗО, режим, вошедший в обыденность, хотя нормы УПК РФ предусматривают такую форму ведения судебного процесса как исключительную. Необходимо серьёзное обоснование для принятия решения на ведение заседания в форме ВКС. Но мы опять видим изнаночную «изюминку» особенности судилищ РФ, в том числе в Крыму.

14:05

В 14.05 я сижу в комнате, из которой по ВКС должен участвовать в суде, где меня ожидал мой адвокат

С. Ю. Легостов. Кстати, с недавних пор мы решили, что коль суды максимально лишают нас контактов с внешним миром, со слушателями (родственниками), которые приходят без устали к зданиям судов, но по надуманным, не обоснованным причинам, соблюдая непонятно что, из-за чего предпринимается усиление мер безопасности, когда российская фемида делает заседания закрытыми, так, ещё и, используя режим ВКС, мы лишались возможности общения и согласования позиций и стратегии по ходу суда с адвокатами – поэтому, когда суд назначался в режиме ВКС, договорились встречаться в здании СИЗО. Это ещё и возможность всё-таки обменяться некоторыми мыслями и дать информацию скрытого тюремной условиями содержания. Сегодня как раз эта встреча с адвокатом, которая, после непонятных действий в мой адрес со стороны администрации СИЗО, была крайне важной.

По ходу судебного заседания сказать нового нечего, так как самое стабильное во всех судилищах политического характера – это 100%-я предсказуемость не только решений, но даже текста постановления и мотивировочной части. Эта совершенно очевидная шаблонность уже неоднократно раскрывалась, разоблачалась и общественниками, и адвокатами, и мною лично, когда я ещё был на свободе, на примерах конкретных фактах настолько, что судьи порой, увлечённые процессом копирования, просто забывали менять фамилии. Или же до конца судебного заседания, уже по стечению обстоятельств, всплывали абсолютно готовые решения/ постановления ещё незаконченного суда (например, одно из заседаний по делу, которое вёл адвокат А. Ладин; если не ошибаюсь, это т. н. ялтинское дело). В общем, суд оставил всё без изменения, когда даже изменения, в принципе, уже никак не могли повлиять на результат.

После суда, где-то с 15.15 и до 15.40 было время перекинуться с адвокатом о событиях, произошедших со мной за последние три дня, начиная с 25.01.19 г.. Рассказать о планах встречи и общения с С. В. Бережным, передать приветы родным, благодарность неравнодушному народу,

15:15

а также передать привет от сокамерника Эдема Бекирова его родным, которые очень переживают за своего отца, мужа.

15:45

15.45. С. Легостова вывели из кабинета, а меня перевели в соседний кабинет для общения с С. В. Бережным. Он уже ждал меня. При встрече я сразу, с юмором, доложил, что: «обвиняемый Мустафаев в ночь на 25.01.19 г. заступил на пост опеки обвиняемого Э. Бекировым, сменив на почётном месте караула Р. Трубача, которого выпустили под домашний арест». Бережной улыбнулся и говорит: «Ну, я смотрю у тебя с чувством юмора вроде всё хорошо». Я продолжил: «На самом деле у меня во всех вопросах всё хорошо, и с вами, за более чем 8 месяцев нахождения под вашим надзором, у нас вроде бы не было инцидентов. В чём же причина моего перевода? Если надо присмотреть за больным Бекировым, я это сделаю с радостью, но:

1) Его, как минимум, надо определить в медсанчасть, а не то вы подставляете меня засвидетельствовать ненасильственную, но медленную пыточную смерть инвалида в этих условиях.

2) Можно мне хоть как-то такие действия предварительно объяснять?».

На что услышал примерно следующее: ты переведён в эту камеру, так как украинский омбудсмен Л. Денисова направила в адрес российского омбудсмена Т. Москальковой, которая в свою очередь переправила крымскому подчинённому Л. Лубиной, жалобу на условия содержания С. Мустафаева, копию которой прислали и мне. Сейчас по этому поводу придёт помощник Л. Лубиной для выяснения деталей жалобы. Ты же вроде в 101-й камере находился, и всё было нормально? Поэтому я решил создать тебе лучшие условия и в К58.

Я стоял и слушал весь этот бред с удивленными глазами и сказал: «Ну да, был 8 месяцев в 101-й камере, инцидентов не было. Денисову и Москалькову знаю, так как на воле, занимаясь общественной правозащитной деятельностью, приходилось достаточно плотно взаимодействовать с ними

в связи с делами товарищей, проходящих по аналогичным статьям. Собственно, за эту активность я и оказался тут, рядом с остальными политзаключенными. Но вы уверены, что вы не ошиблись? Ведь меня перевели в пятницу ночью, а в субботу и воскресенье я не мог встретиться с адвокатом для подачи жалобы. И только сегодня, в понедельник, встретился с адвокатом и с вами, чтоб выяснить из первоисточника всю следственно-причинную связь».

Бережной ответил: «Жалоба была ещё в декабре месяце». Что меня окончательно убедило в какой-то ошибке. В этот момент входит как раз помощник Л. Е. Лубиной (крымский омбудсмен) Вячеслав Шепетила и показывает поручение Т. Н. Москальковой (омбудсмен РФ) и копию жалобы Л. Денисовой от 18 декабря 218 г. о «принудительном помещении в психиатрическую больницу г. Симферополя для проведения психиатрической экспертизы, унижающей достоинство человека, при нечеловеческих условиях содержания». Прочитав данную бумагу, я вздохнул – мне стало всё ясно. Я сразу обратился к Бережному: «Вот смотрите, что и о чём тут написано – если вы говорили об этой жалобе. Она касается не СИЗО, а психиатрической больницы. И с данным заявлением я согласен. Ваши выводы, недочитка документа и действия в мой адрес оказались преждевременными. Ну что ж, все могут допускать ошибку. Главное, вовремя её признать и исправить. Ну, так что скажете?» Бережной взял данную бумагу, начал задумчиво вчитываться. Затем повернулся и ушёл. Я решил дать время ему и остановился.

Я остался в кабинете с В. Шепетилкой с которым мы обсудили в деталях все унижающие человека карательные элементы в принудительных психиатрических экспертизах. С большей частью моих нареканий, оказалось, он уже знаком, так как я не первый, кто обращался в офис омбудсмена с аналогичными заявлениями и жалобами, но «воз и ныне там». Как оказалось, он даже знал, что в новогодние зятяжные выходные в 15-м отделении психиатрической больницы на ул. А. Невского (Р. Люксембург) в г. Симферополе руководство приняло

абсолютно нерациональное решение по замене системы отопления, очевидно, понимая, что до выходных заменить не успеют, а значит и персонал, и испытуемые окажутся в холоде. Да, в конце года все пытаются освоить бюджет, чтоб не получить нагоняй от руководства, но какой ценой?!

Далее с В. Шепетилой мы обсудили мой необоснованный перевод в К58 и нахождение в этой камере инвалида 1-й группы Э. Бекирова, о котором, как оказалось, он знает. Я ему обозначил всю суть проблемы – как связанной с самим этим помещением (все то, что описал в начале данного дневника касательно камеры), а также опасную игру с жизнью и здоровьем Э. Бекирова – содержа его в таких условиях. Помощник омбудсмена при мне делал пометки у себя в журнале (опираясь на мое повествование), а в конце мы договорились, что в своем рапорте Т. Н. Москальковой он использует именно мои формулировки и фразы, а не речевые конструкции, характерные для отписки перед руководством, что отреагировали на жалобу. В. Шепетила сказал, что возьмет выписку из моего личного дела о направлении в психиатрическую экспертизу (основание) и выписку из дела Э. Бекирова о состоянии его здоровья и обстоятельствам уголовного дела.

Я попросил его также напомнить Бережному об исправлении ошибки с моим необоснованным переводом в 58-ю камеру. И пожелал в будущем, когда поступают жалобы, ограничиваться не только общением в кабинетах, где всё чисто и хорошо, а заходить непосредственно в камеры, где содержатся арестованные – тогда множество вопросов об условиях содержания сами отпадут, а, главное, не скроются под давлением, угрозами администрации СИЗО, проговариваемых арестанту в коридоре, пока его ведут в кабинет.

16:30

16.30. Моё общение закончилось, и выводные инспекторы повели меня обратно в камеру. Я посчитал, что на сегодня мой план борьбы за интересы и права выполнен на все 120% (за счёт неожиданной встречи с помощником омбудсмена). Не успел дойти до камеры, как пришёл баландер с ужином. Я взял немного ужина – картошку

(рагу) + жареную рыбу (сельдь). Немного – потому, что с обеда ещё ждал гороховый суп.

В 17.00 совершил предвечернюю молитву. К 18.00 подготовил стол к ужину (а у меня это вечернее разговение после поста) и вместе с Эдем агъа за трапезой обсудили все мои встречи и общение за сегодняшний день. В 19.00 я совершил вечернюю молитву. Дальше за чаепитием мы продолжили общение. Ближе к 22.00 я решил написать на имя Бережного по актуальным и нерешённым вопросам ещё несколько заявлений: 1) о решении вопроса с прогулкой; 2) о решении вопроса с баней.

Заявления содержали также требование решить эти вопросы и для Э. Бекирова; в случае же отказа содержалось требование дать письменный мотивированный ответ с печатью. Я понимал, что сегодня уже донёс эту проблему до нужных ушей, но страна настолько забюрократизирована, что без «бумажного террора» что-либо сдвинуть с места тяжело. Пока туда-сюда – где-то к полуночи мы добрались до постели.

Режим дело строгое, стабильное. В 5.00 продольный инспектор с шумом открыл окошко для приёма пищи – разбудил, чтобы узнать, есть ли заявления. Я спустился тихо, чтобы не разбудить, не беспокоить лежавшего на нижнем ярусе Эдем агъа, но громкий скрежет дверей. Это непрекращающееся явление: инспекторы абсолютно не стараются как-то спокойнее, тише открывать-закрывать и без того шумные железные двери камер; порой даже кажется, что они специально делают это показательно и громко; причем открывание-закрывание дверей происходит практически круглосуточно. Постоянно кого-то выводят на суды, кого-то заводят с судов/этапов и т. д.; это может быть и в 22.00, и в 00.00, и в 1.00 ночи. Этот шум до

17:00

22:00

00:00

День 4

29.01.2019
Вторник

5:00

меня разбудил Эдем агъа. В-общем, я передал инспектору накануне вечером написанные заявления (по поводу прогулки и бани).

- 6:00 Не успели прилечь, как в 6.00 очередной шум в двери – это уже баландер с завтраком. По вторникам на завтрак молочная каша с пшенкой (единственная из всех утренних блюд, достойная внимания и вкушения, правда, только если добавить немного сгущёнки). Поэтому я взял одну порцию, а Эдем агъа из-за своей диеты по утрам вынужден только запаривать овсянку или мюсли. Как обычно, по своему режиму я совершил молитву. Потом мы покушали.
- 7:00 Дальше в 7.00 пришёл фельдшер, принес инсулин для Эдем агъа. Потом я совершил утреннюю молитву, почитал Коран и прилёг ещё немного попытаться вздремнуть (если это вообще можно так назвать с утренней суетой).
- 8:15 8.15. Очередной шум (за 9 месяцев ставший противным и нервирующим) в дверях. Это пришла левитанша, чтобы сообщить исходящий номер моего ходатайства, адресованного следователю Д. С. Громашову о свидании с родными (№ М799 СО УФСБ РФ РК), которое я написал и отправил в понедельник. Да, очень удобно, что все документы, которые обвиняемые, помещённые в СИЗО, отправляют за его пределы, регистрируются, а исходящие номера документа сообщаются авторам. Печально только, что внутренние заявления и обращения, хотя по правилам и должны вноситься в журнал учета жалоб и обращений обвиняемых, но по факту получается ни реакции, ни номера регистрации заявления, ни выписку обращений из данного журнала не подают. Вот буду сегодня вечером опять писать подобную просьбу о выписке всех моих обращений в администрацию СИЗО.
- 8:45 8.45. Обход камер и пересчёт их обитателей новой сменой дежурных по этапу и СИЗО. Всё прошло, по обыкновению, быстро. День продолжается по стандарту прошлых дней. В тесной камере мы с Эдем агъа общаемся, читаем книги, пьём чай, разгадываем остатки кроссворда – в общем, коротаем время. В 11.45 баландер принёс обед. По вторникам обычно борщ (ну или суп, похожий на борщ),
- 11:45

короче этот суп я тоже ем, потому что без жидкого ну никак нельзя. На диету сегодня подали немного, грамм 50-70, говядины – тушенки отваренной (или разогретой), а также молоко и 100 г яблочного сока; остального из того, что положено по диете, пока тоже нет в наличии. В 12.00 пришёл фельдшер с уколом инсулина. К 13.00 мы уже пообедали. А я всё жду прогулку. Четвёртый день без прогулки в тесной, душной камере – при том, что привык каждый день ходить.

12:00

Ориентировочно 13-14 часов кормушку открыл продольный инспектор и сообщил, что в СИЗО пришла то ли проверка, то ли комиссия ОНК, а наша камера 58 попадает под проверку. Нас это определённо удивило, но мы с радостью (потому что кроме вопросов и возмущений за эти дни нет никаких ответов) сказали: конечно, пусть приходят. Продолжив заниматься своими делами, мы ожидали комиссию, прогулки и обсуждали, что делать дальше, если, как видим, на наши жалобы никто не реагирует.

13:00

Часов в 16 кормушку открыли инспекторы, которые выводят на прогулку, и те, что выводят в баню. На лице было видно, что прибежали они после разговора (судя по всему, неприятного) с начальством и оба, почти в один голос: «А что вы там жалуетесь, что вас не выводят на прогулку (сказал один), на баню (повторил второй)?» Я понял, что проверка начинает давать свои результаты. Честно говоря, за годы общественной деятельности по проблемам аналогичных бесчинств – в СИЗО и связанных с ФСБ, опыт говорил: кардинальных результатов, изменений не жди: все очевидные нарушения будут пытаться быстро скрыть или замаять. Я подошёл к кормушке, присел на корточки (потому что окно приёма пищи на уровне пояса) и решил внести ясность:

16:00

«Конечно не выводят, вы же сами прекрасно знаете. Эдем агъа уже полтора месяца сидит в этой камере, и в баню его не водили. Разве не так? Да и как вы его туда поведете, если он инвалид на костылях, а баня на 1-ом этаже – идти туда пешком, по лестнице? Что касается прогулки, то по Эдем агъа аналогичная проблема, так как прогулка на

крыше – а это 5-й этаж, на который подниматься тоже по лестнице – ещё и узкой, крутой. А по моей ситуации вы же сами три дня назад сказали, что по одному не водите, да и в камере нельзя одного оставлять. Вы предложили ставить этот вопрос выше. Я так и сказал утром в понедельник старшему смены, но вот уже вечер вторника, а вы только сейчас после проверки и нагоняя начальства прибежали с претензиями, мол, мы что-то наговариваем». Они ушли задумавшись. Я лишь добавил им вслед: «Ребята, к вам лично претензий нет. Я же понимаю, вы двигаетесь по своим правилам, а начальство пытается найти крайнего».

Минут через 30-40 опять приходит эта парочка инспекторов и уже предлагает варианты решения: 1) Прогулка: меня одного согласны водить, а по Эдем агъа вариантов нет. Если что, может тоже ходить. «Но понимаем, что это абсурд» – сказал я по ситуации с Эдем агъа. 2) Баня: водить мыться меня отдельно одного – проблем нет, но по Эдем агъа проблема пока не решается. Но попробуем, говорят они, поднять вопрос по поводу бани на вашем этаже. Раньше это была баня для пожизненников (ПЖ). Там есть всё, и бойлер висит, его надо только подключить. Эта весть нас приятно обрадовала.

17:10

На этом я уже думал, всё закончилось. Но ещё минут через 15-20 (около 17:10) пришли три инспектора выводных на прогулку, открыли дверь (не кормушку, как целый день) и под включенный видеорегистратор, официально, по фамилии пригласили на прогулку, хотя в это время уже прогулки по СИЗО заканчивались и не проводились. Сначала я подумал, что нас (точнее меня) выведут на прогулку, а в этот момент придёт та самая проверка (или комиссия) ОНК и меня тем самым лишат возможности вынести мои замечания и творимые в отношении меня бесчинства за пределы СИЗО. Но и отказ от прогулки (при включённой камере) сыграет им на руку: мол, вот он сам отказывается, а потом жалуется, что не выводят. В-общем, я оделся и пошёл.

Эти ребята, проводящие прогулку, за 8 месяцев мне уже более, чем знакомы, да и они меня хорошо знают – все-

таки каждый день выводили. По дороге на прогулку я попробовал узнать, что происходит и что это за цирк. Было заметно, что ребята (выводные) на нервах, из-за этой ситуации. Я им говорю: «Парни, вы же понимаете, что лично к вам претензий нет, вы выполняли свою работу по правилам, а начальство сейчас хочет сделать вас крайними в своих нарушениях; поэтому если я за вас, то, значит, не против». Меня завели во дворик, правда обычный (ещё есть дворики с турником и брусьями, редко, конечно, но и это в большую радость, и мы такие дворики называем «спортдвориками»). Я сразу возразил: «А что в обычный? (т. е. пустой, стены да пол – без оборудования). Разве сейчас другие дворики заняты? Может пройти в спорт дворик?». Ребята без настроения сказали: «На сегодня такой».

Минут через 10-15 открылась дверь дворика (обычно заводят в дворик и закрывают дверь, приходят через час-полтора) и старший по прогулке зовёт меня к себе в каптёрку. Просит написать, что претензий к прогулке не имею. При этом пообещал, что меня будут водить одного ежедневно и, по возможности, в спорт. дворик. Я, конечно, взял бумагу и полностью всё расписал – и чтобы ребят не подставить, и чтобы завтра не оказаться тем, кто сначала жалуется, а потом говорит «претензий нет»: 1) указал, что претензий к выводным нет; 2) указал, что проблема была из-за правила, гласящего, что одного не выводить и одного не оставлять; 3) указал, что конкретно сегодня (число) данная проблема решена, что меня будут выводить одного, и в том числе в спортдворики, не менее чем на 1 час; 4) указал, что остаётся открытым вопрос прогулки Эдема Бекирова, который по состоянию здоровья не может подниматься на 5-ый этаж; 5) предложил по Эдем агъа, чтоб дали инвалидную коляску и что я сам готов его сопровождать на прогулку.

Несколькими словами перекинулись про ситуации (они немного успокоились уже). Я объяснил, что сам не пойму, что за «уработка» в мой адрес, что Бережной вчера на встрече не смог убедить в причине такого отношения – более того, оказалось, что он ошибся. Но истинные

причины и заказчик моего прессования пока не понятны. На этом всё закончили, и я пошёл в камеру. Зайдя в неё, увидел, что Эдем агъа сидит и ждёт меня, чтобы я помог написать объяснение от его имени, потому что в моё отсутствие его попросили об этом. Конечно, я не откажу, тем более, только что уже подобное написал от себя. Правда, в его варианте есть несколько отличий: 1) Он не отказывается от прогулок, как это может показаться на регистраторе, когда нас выводили. 2) Он хочет и видит в прогулке пользу для своего здоровья, но условия, которые в СИЗО предоставляют для прогулки (лестница на 5-й этаж со второго), неприемлемы для состояния его здоровья. 3) У него нет претензий непосредственно к выводным на прогулку. Эти условия не они создали. 4) Просьба предоставить альтернативные варианты для прогулки с учетом состояния здоровья, так как существующий вариант скорее сработает во вред, чем на пользу. 5) Указал, что сокамерник С. Мустафаев готов помогать в прогулке Э. Бекирова.

Когда пришёл инспектор за бумагой, он возразил: «Зачем вы так всё расписываете? Хватило бы того, что отказываетесь». Но мы с улыбкой ответили: «Написали, как есть, и вас не обидели». Всё это закончилось к 18 часам. или даже немного позже. Мы, уже голодные, накрыли на стол, поужинали. Я помолился, потом попили чай и обсудили результаты сегодняшнего дня. Наши достижения, наши ошибки и планы действий в дальнейшем. Обсуждения длились до начала двенадцатого ночи.

Потом я решил продолжить по плану написание жалоб, заявлений по вопросам быта в камере и не обеспеченных условий в соответствии с правилами условий содержания в СИЗО: 1) Заявление на медсанчасть о необходимости приёма врачом-терапевтом в связи с удушающим сухим кашлем. 2) Заявление на выдачу теплого одеяла, так как зимний период, а в камере старое, порванное тонкое одеяло. 3) Заявление на выдачу тазика для стирки личных вещей. На этом силы дневные подошли к исходу, вечерний туалет и отбой. Время уже перевалило за полночь.

День 5

30.01.2019

Среда

Очередное раннее утро в пока ещё новых, весьма непривычных условиях камеры особого условия содержания. Просыпаясь – а я сплю на втором ярусе, так как внизу расположен инвалид Эдем агъа – и, открыв глаза, видеть сразу камеру видеонаблюдения, пялящуюся прямо на тебя, весьма дискомфортно, хотя официально это подаётся как в целях безопасности. Только от кого и для чего и что стало причиной постоянного наблюдения, до сих пор не понятно.

5.00. Шум в двери и вопрос продольного: «Заявления и жалобы есть?». Попытка не упасть с кровати пока спускаешься со второго этажа (без лестницы) спросонья и ответ: «Да, есть, минутку...». Накануне вечером написанные заявления переданы. Ну что, можно прилечь. Следующее беспокойство в 6 утра. Баландер открывает окошко, я вновь пробуждаюсь и стремлюсь получить дневной рацион хлеба. Так называемую молочную кашу сегодня не взяли.

7.00. Очередной шум двери – это уже фельдшер с медсанчасти пришел делать очередной укол инсулина Эдем агъа. После данного укола необходимо что-нибудь поесть. Эдем агъа запарил овсяную кашу, хотя каждый день одно и то же уже весьма приелось. За отсутствием домашних условий довольствуемся тем, что, слава Богу, есть. 7.50. Уже практически на нервах, но опять шум – на этот раз от левитанши, принесшей извещение или документы от суда, следователя и т. д.. 8.40. Подъём, выход в продол, построение и пересчёт. Новая смена дежурных проводит обход и проверку камер. Я вынес мусор. Все прошло, как обычно, быстро. И вроде можно немного прилечь.

11.30. Опять баландер, разносит обед. Мы получили по порции супа. От второго (каша или что-то похожее на это) мы отказались. Забрали то, что есть от положенной диеты Эдем агъа (молоко и жменька куриного мяса в морковном/луковом одеянии). К 12.00 накрыли обеденный стол. Как

5:00

7:00

7:50

8:40

11:30

раз пришёл фельдшер с очередной порцией инсулина. Провели трапезу, вспоминая вчерашний день и всю его суету.

14:00

К 14.00 в двери прозвучал вопрос – идём ли мы на прогулку. Мы ответили утвердительно, уточнив, через сколько времени можно выходить. Ответ: «10 минут». Я начал собираться на прогулку, ну, а Эдем агъа понимает, что в очередной раз останется в безвоздушном тесном помещении, лишаясь положенной прогулки, потому что препятствия на пути к дворику в виде лестницы никто не убрал.

14:30

К 14.30 приходит группа (три человека) инспекторов – выводные на прогулку. Открывают дверь и под запись видеорегистратора (всё ещё не могу поверить в такой непривычный для меня в контексте предшествующих восьми месяцев, абсолютно другой, более комфортный для психики, режим): «Выходим на прогулку». Дальше, увидев, что Эдем агъа остаётся в камере, иду только я, звучит вопрос: «Вы отказываетесь?». Эдем агъа пояснил, что вынужден отказаться, так как данный путь для его здоровья непреодолим. Под запись видеорегистратора, в сопровождении инспекторов я пошёл на 5-й этаж – слава Богу, в спортивный дворик.

Конечно, в предыдущие 8 месяцев, когда ты на прогулке минимум вдвоём, а зачастую 3-4 человека (так мы ходили, когда я был в камере №101), быть во дворике и мотивировать себя разминкой, минимальными спортивными упражнениями, в полном одиночестве, наедине со старыми, страшного вида, запаха и ауры стенами прогулочного дворика Екатерининской тюрьмы, через которые прошли тысячи людей – весьма непривычно, и даже моторошно. Ну что – пытаюсь не опускать руки, так как, судя по всему, это всё новая и пока не понятная своими следственно-причинными связями реальность. Прогулка длилась 1 час 15 минут и, показалось, очень долго (хотя раньше всё было мало). В голове по 3 раза прокрутились, как фильм, события последних 8 месяцев и отдельно последней недели.

15.50. Я вернулся в камеру. Неплохо развеялся, размял кости, мышцы. Эдем агъа (аж жалко человека, годившегося мне, да и многим из администрации, в отцы) сидит и по взгляду видно (несмотря на то, что уже почти 2 месяца) до сих пор не верит, что в тюрьме! Очевидно, что человек, проживший жизнь, возвращение на родину, переживший 20 наркозов и ряд серьёзных операций и даже реабилитацию после паралича – не может поверить, что такое может быть в 21 веке, да ещё с ним лично. Но я поставил себе задачу только положительно влиять на его моральное и психологическое состояние. А чтобы влиять на здоровье – при всём желании, я не врач. Хотя физическое здоровье во многом зависит и от душевного. Поэтому, после часовой разлуки, с улыбкой приветствую его: «Селям алейкум, Эдем агъа...»

Инспекторы вновь попросили написать объяснительную на отказ Эдем агъа от прогулки. Нам придумывать было нечего. Это не отказ от прогулки, а отказ от не нанесения вреда своему здоровью, коль СИЗО не может предоставить условия или альтернативные варианты прогулки. А суд, следствие, прокуратура, двулично прикрываясь законом, закрывая глаза и умертвляя свои сердца, считает, что препятствий для содержания такого человека как Эдем агъа (имею ввиду состояние здоровья) под арестом в СИЗО проблем нет. Поэтому пояснение написали аналогично вчерашнему. И опять услышали возмущение мол, зачем так много расписывать, достаточно было написать просто «отказался». Просто, да не просто. Мы ничего абсолютно не накручивали, не преувеличивали, никого не оговаривали, а пояснили по факту причину ситуации. Мы понимаем, что каждому надо прикрыть себя, чтобы при очередных проверках показать: вот, мол, предлагаем, а они сами отказываются. Мы должны всех понимать и молчать по доброте своей природной и жизненной, а нас никто не хочет понять и услышать.

В это время уже греется вода в подручных сосудах посредством маленького кипятильника (0,5 кВт) – единственного бытового прибора в камере, переданного

родными. Спасибо всем, кто на протяжении уже почти 5 лет проявляет солидарность и поддерживает незаконно обвинённых и удерживаемых узников Кремля и наши семьи. А воду греем потому, что как бы нас не хотели «уработать» и сломить наш дух, мы по религии и по жизни не можем позволить себе быть не ухоженными и будем следить за элементарной гигиеной своего тела, одежды и быта.

Согрев воду, импровизированно купаемся над раковиной диаметром около 35 см, оголившись по пояс и поливая друг друга по очереди. А в импровизированном WC, над унитазом, омываем ниже пояса. Конечно, полы все мокрые от воды и пены шампуня, но заодно провели влажную уборку полов в камере (делаю это каждые 2-3 дня). Хотелось бы чаще, да и по санитарному минимуму так положено, но в непроветриваемом, без вентиляции помещении, открывать окно, тем более после мытья головы, ещё и зимой – это не только прямая дорога к простуде, но и, через повышенную сырость, стимулирование появления грибка в помещении и, не дай Бог, заражения туберкулезом.

16:40

16.40. Третий и последний раз на сегодня баландер открывает окошко в двери и предлагает ужин. Картофельное рагу = 30% картошки+60% капусты/морковки+10% водички. Всё это в комбижире, который, думаю, далеко не безвредный для организма человека. Но кому это надо и кому интересно? Мы взяли ужин, как обычно, отобрали картошку, промыли кипятком комбижир, немного смазали сливочным маслом (опять же – спасибо за передачу родным и близким) + немного бараньего курдюка (тоже от родных), вот и = какой-никакой ужин, слава Богу.

Выпили чай. Опять обсуждение ещё одного прожитого дня: того, что было, почему и что делаем дальше на пути борьбы за свою свободу. Хотя, честно говоря, часто приходим к мысли, что мы и так абсолютно свободные люди. Да, может не в физическом, пространственном плане, но по духу, по жизни – поскольку подчинены и поклоняемся только Богу. А большинство тех, кто смотрит на свою успешную жизнь,

на погоны, должности и т. д., считая себя счастливыми, достигшими успеха, свободными людьми, на самом деле проживают жизнь и имеют положение весьма рабское – все они в значительной или полной мере зависят от начальства, от команды сверху. При этом они проявляют беспечность перед главным своим хозяином – Богом, от Которого мы все пришли на этот свет, Который дал нам наши таланты, способности, здоровье, пропитание и к Которому будет наше обязательное возвращение и непреременный, справедливый без взяток, без политических и других интриг и мотивов Суд.

Кстати, совсем забыл: сегодня, в промежутке 13-14 часов дня, к нам забежал дежурный фельдшер с вопросом-уточнением (хотя больше похожим на претензию): «А что, вам диету не дают? Разве молоко, сок яблочный, отдельно курицу или говядину не дают? Да, просто другого, положенного по диете, пока нет и когда будет, не могу сказать. Но всё же – дают ведь!» Эдем агъа ответил: «Ну, то, что ты перечислил, дают. Если это считается вопросом диеты для диабетика. Только мясо дают, залитое комбизиром, и на таком питании скорее умрешь, чем ...». Ответ: «Да, я всё понимаю, но это то, что есть. А то мне говорят, что вы жаловались: мол, не дают диету». Мы ответили: «К вам лично претензий нет. Вы даёте то, что есть. Но то, что вы даёте, диетическим назвать тяжело. И это не есть достаточным – не то, что для жизни и здоровья, а даже для выживания». Тут я понял, что это дошёл до «ушей» медсанчасти мой разговор в понедельник с начальником СИЗО С. Бережным, в котором я упомянул про проблему питания по диете Эдем агъа.

Время уже перевалило далеко за 21 час, а я ещё должен написать ряд заявлений на имя администрации СИЗО по бытовым вопросам нахождения в камере (телевизор, холодильник), заявление в медсанчасть, на имя начальника по поводу отсутствия писем с воли и мотивов данной проблемы (почему не пропускают), мотивы, почему вообще заявления остаются без ответа...

21:00

День 6

31.01.2019

Четверг

5:00

Хвала Господу Миров. Очередное утро. Очередной день. Мы живы. Мы проснулись. Правда, опять от шума возле двери. 5.00. Появился продольный – собирает заявки. Передал то, что успел вечером написать. 6.15. Немного повалявшись, опять иду к двери получить хлеб на сегодня. Кашу, по обыкновению, брать не стал. Сегодня четверг, а значит, буду держать пост (рекомендовано в понедельник/четверг). Поэтому быстренько чай, овсянка запарная и начинаем пост. 7.00. Помолился. В это время пришёл дежурный фельдшер с утренней дозой инсулина. 7.50. Левитанша разносит уведомления с судов, постановления, протоколы заседаний судебных и т.п. 8.45. Утренний пересчёт, пересменка, вынос мусора. Дальше, как обычно, есть время немного вздремнуть, почитать и пообщаться.

7:00

8:45

11:15

Около 11.15 пришёл сотрудник опер.части СИЗО, который принёс интересную бумажку. Сотрудники в СИЗО не имеют привычки представляться (какой отдел, ФИО). Более того, не отвечают, если даже спросишь. Максимум, скажут: «инспектор», «младший инспектор», «дежурный». Поэтому, к сожалению, приходится опытным путём узнавать, кто есть кто, или ориентироваться просто по званию, по форме. Этого, если не ошибаюсь, зовут Стасом. Так вот, он принес маленький корешок, на котором указана моя фамилия, моя статья ареста и пропечатано, что я поставлен на профучёт по экстремизму/терроризму. Оказывается, требуется моя подпись об ознакомлении – уже по факту деяния. Я решил уточнить, что это и к чему. На что услышал: мол, ничего особенного, просто статья у меня такая (205.5 УК РФ), что СИЗО обязано всех ставить на так называемый профучёт. «Ничего страшного, просто подпиши, что ты знаешь, что мы тебя поставили на такой учёт». Я сказал: «Так я ничего не сделал, и вы же ничего у меня не находили запрещённого!» «Да нет, это просто формальность из-за инкриминируемой тебе статьи».

Я, конечно, такое не понимаю, чтобы следственные органы настаивали на такой формальности, основанной на огульных обвинениях в мой адрес по статье терроризма. Я не люблю подписывать что-либо, если что-то не понимаю или если рядом нет адвоката. Но на данном корешке бумаги я, не прочитав ничего более предосудительного, не увидев звездочек или мелкого текста, скрытого внизу, подписал. Хотя сомнения меня не покинули. С другой же стороны, вижу и уже стараюсь не удивляться происходящему вокруг – в том числе таким формальностям, тем более за последнюю неделю, как если бы камера 58 была единственной в СИЗО.

К 12 часам по обычаю пришёл баландер и предложил обед. Я хоть и на посту, по обыкновению, забрал первое и диету для Эдем агъа – мясо + сок + молоко. Эдем агъа покушал сразу; да и инсулин принесли как раз. Свою часть обеда я оставил на вечер, на разговение после заката солнца.

12:00

Четверг на этом 2-м этаже, оказывается, банный день (на 3 этаже, где я был раньше это была пятница). Пока Эдем агъа поел, пришёл банщик – инспектор, выводящий в баню (она находится на 3-м этаже) и сообщил, чтобы готовились к бане. Ясно, что Эдем агъа, как бы ни хотел помыться, пусть даже баня здесь далеко не то, что может представить себе человек с воли, но все же горячая вода (бывает, конечно, иногда еле теплая) льётся не из кружки, как у нас над раковиной, а с куска трубы, торчащей над головой. Да и слив там тоже работает относительно, что местами лужи по щиколотку от смывов всех купающихся. Но это тоже не то, что в тесной камере: вода течёт на пол, и ты опасешься, чтобы не затопило и было поменьше потом убирать, так как слива вообще нет.

Так вот, я уверен, что за более чем полтора месяца очень захочется искупаться, освежить тело в любых, хотя бы и в таких условиях. Но когда путь в баню пролегает через этажи, по лестницам, где везде сквозняки... И ещё, пожалуй, главное: в протезе в такое место нельзя, так как механизм сустава протеза, если намокнет, придёт в негодность, а без протеза, на неприспособленных костылях, в скользком

месте можно упасть и травмироваться. В общем, опять мы понимаем всех, а нас никто не хочет – ни понять, ни услышать. Зато все уверенно заявляют, что причин, по которым нельзя в СИЗО содержать данную группу людей – попросту нет.

Так вот, в банный день происходит ещё и смена постельного белья. Конечно, это бельё по своему виду и состоянию уже больше похоже на ветошь – такое ощущение, что им пользуются с момента основания данного заведения. Но если даже принесёшь своё бельё, то стирать тоже надо самому. А это не везде в камерах возможно – это проблема сырости. Поэтому я собрал своё бельё и бельё Эдем агъа, чтобы хотя бы поменять эти простыни.

Минут через 15 пришёл банщик под камеру, я вышел с постельным бельём. У Эдем агъа опять спросили, отказывается ли он, но мы ответили, что дело не в отказе, а в условиях передвижения и преградах на пути к бане. По дороге в баню я попытался донести до инспекторов, что претензия по бане не к ним. Проблема в том, что инвалид не может пройти в баню на другом этаже. И я снова спросил: «А что с баней для ПЖ (пожизненники), которая на нашем этаже, где надо было только бойлер, уже висящий, подключить, и о которой говорили как альтернативе для решения проблемы?». Ответ удивил. Инспектор говорит, что после нашего разговора во вторник, когда он сам предложил такой вариант, он пошёл и ещё раз посмотрел эту баню. Оказалось, что уже и бойлера нет, хотя ещё недавно, неделю назад, он там висел. В общем, я понял: вопрос опять завис, а комиссия (проверка), услышав о планах решения проблемы с баней по Эдем агъа, спокойно ушла.

Пару слов о бане вообще и моём отношении к ней.

1. По моим религиозным убеждениям, принимать баню в общей комнате без разделительных перегородок, когда у всех купающихся интимные места на виду – это грех. Да, я сам купался в шортах, скрывая наготу, но взор мой, куда бы ни прятался, упирался в то, что моё воспитание считало постыдным.

2. Первый месяц своего содержания в СИЗО я ходил в баню, изыскивая варианты, чтобы предостеречь себя от греховного взгляда. Такого варианта не нашёл, потому что в камере, в которой я содержался, находилось человек 20 и больше. И когда всех вели в баню, как бы не старался зайти в неё быстрее всех или, наоборот, последним, или уйти в самый край, я не мог скрыться от нагого вида определённого числа арестантов. Зато я успел приобрести неприятный грибок, распространившийся по телу. А когда обратился к врачу-дерматологу (благо, хоть этот врач есть в медсанчасти, и мне повезло достаточно быстро попасть к нему на приём по заявлению), он, увидев мою проблему, сразу сказал: «Это грибок. Вы, наверное, ходите в баню».

Меня это шокировало!! Поскольку: а) я никогда не болел грибковыми заболеваниями, а наслышан много – какая это зараза, с которой тяжело бороться даже в условиях воли, не говоря уже про тюремные; б) оказывается, все знают, что в бане есть грибок, но в баню продолжают водить все около 1500 находящихся там человек; да, формально санитарные мероприятия проводятся, но ведь важен результат... в) лекарств, как оказалось, нет, но, благо, врач прописал, что надо для лечения, и дал разрешение, чтобы препарат пропустили по передаче; опять же спасибо родным и близким за заботу – даже не представляю, что делать тем, кто без таковой поддержки; ужас...

3. А еще 90% тех, кто ходит в баню через все этажи, заболевают, потому что везде сквозняки. Поэтому я твёрдо решил, что банная процедура в условиях СИЗО не для меня, и в ближайшие 6-7 месяцев я занимался выведением грибка. Скажу честно, последние его следы я смог устранить только в конце декабря, когда находился на принудительной, с элементами карательной психиатрии, экспертизе в отделении №15 Республиканской психиатрической больницы г. Симферополя (ул. А. Невского, прежняя Р. Люксембург). Кстати, об этом сказано несколько слов в моём прошлом дневнике, в процессе прохождения 28-дневной «проверки» на умственную дееспособность. Пожалуй, именно я там прошёл подготовку к сегодняшним условиям содержания в К58.

4. Поэтому я купался в WC камеры 101, где, относительно, всё к этому располагало:

а) там биде, а не унитаз; б) имеется бак над головой, в котором мы грели воду; в) этот уголок был покрыт кафелем. Вот один из весомых аргументов к тем лишениям, которые я испытал после перевода в камеру 58.

Продолжая свой диалог с банщиком и свой поход в баню, добавлю, что постельное бельё я благополучно поменял. Попросил банщика посмотреть, что там – и как баня выглядит через 6 месяцев моего отсутствия. Я рассказал ему, что со мной происходило, и почему я не ходил в баню. Про грибок он знал. Так как я пока буду ходить в баню один, он предложил приводить меня туда первым, поскольку уборка и обработка проводится в ней ежедневно. Меня это конечно обрадовало в свете последних изменений в условиях содержания. Но в этот раз я решил не купаться, и мы пошли обратно в камеру. Вернувшись в 58-ю, расстелил свежее белье. Мы выпили с Эдем агъа чаю. Я совершил обеденную молитву.

14:30

В 14.30 пришёл инспектор – выводной по кабинетам. Он сопровождает арестантов в админкорпус, где расположены кабинеты для общения с адвокатами, для встречи со следователем или администрацией СИЗО; кабинеты для свидания с близкими. Но по нашей статье и в делах ФСБ этот закон остаётся на бумаге, так как служба годами нам в этом отказывает, пытаюсь «уработать», сломить дух и т. д.. Инспектор сказал, чтобы готовились – кабинеты минут через пять откроются. Меня это удивило, но и обрадовало. За это время можно немного пройтись, встреча же будет, скорее всего, с адвокатом. А это словно воздуха свежего глоток. В последние годы, в силу общественной деятельности, контакты с адвокатским сообществом, специализирующимся по политически мотивированным делам, было одним из направлений моей деятельности. Все они для меня стали ближе и больше, чем просто адвокаты.

14:53

В 14.53 мне сказали, чтобы я прошёл в кабинет №6. Войдя в помещение, я крайне обрадовался, так как в кабинете меня

ожидала «железная леди-адвокат» Лиля Гемеджи. Она одна из немногих, чья помощь, совет и юридическая защита (думаю, не преувеличу, сказав это) доступны 24/7. Я сам на воле старался быть таким. Честно говоря, таких людей, было немного. Но они, слава Богу, есть и с каждой новой волной гонений и репрессий их становится всё больше, как бы это ни было ненавистно чекистам и тирану.

Конечно, меня сразу смутило, что время уже 15.00, а встреча (общение) в СИЗО возможна только до 17.00. Сказать, поделиться хочется очень многим, поэтому сразу определили наиболее срочное, важное. Сначала я рассказал всё, что происходило со мной в последние дни. Вспомнил все визиты и свои общения. Затем обсудили с ней стратегию действий и перспективу защиты от чинимого бесчинства, от фальши и этноцида.

Договорились о следующей встрече. Я передал слова благодарности за поддержку, опеку и солидарность всему народу. Приветствие родным, близким и ребятам в Ростов (симферопольская группа ребят, чьё дело было на стадии рассмотрения по существу). Два часа пролетели словно 10 минут. Но я словно полностью перезагрузился после недельного прессинга в новых условиях содержания. Спасибо Лиле, всем адвокатам и активистам за нескончаемый вулкан энергии и неустанную борьбу за справедливость, истину, за несломленную позицию достойных сыновей и дочерей прекрасного, многострадального народа. В единстве всех и с искренней верой все невзгоды и тревоги преодолеваются значительно легче.

17:10. Я вернулся в камеру. Как раз в это время принесли ужин. Мы с Эдем агъа накрыли скромный тюремный стол.
18:00. Пришло время вечернего разговения. Когда уже всё у нас было готово, вместе поели. Выпили чай, кофе. Обсудили результаты сегодняшнего дня. Я передал все слова приветствия, переданные Лилей от родных, близких и народа Эдем агъа. Он её знает тоже очень хорошо. В 2017 году они вместе совершали обряд паломничества в Благословенную Мекку и Лучезарную Медину.

17:10

18:00

День 7

01.02.2019

Пятница

В 20.00 пришёл фельдшер с ночной дозой инсулина Эдем агъа. Я занялся своей, может уже и не новой, но в данный момент актуальной работой – написанием заявлений, заполнением дневника и другими делами по общению с миром.

Сегодня пятница. Еженедельный день праздничного настроения у мусульман всего мира. В этот день по канонам религии (или накануне, в некоторых случаях) одевается чистая одежда, люди купаются, наносят благоухания, посещают больных... Утро начинается с чтения Священного Корана (в принципе, это всегда по возможности актуально, но в пятницу есть рекомендуемая к чтению глава).

Вместо обеденной молитвы все мужчины идут в соборную (Джума джами) мечеть на коллективные молитвы и проповедь. После чего, по возможности, ходят друг к другу в гости, пьют кофе/чай. Стараются приобрести сладости или угощения для семьи, детей... В общем, стараются отдать друг другу должное уважение и выделить этот день из всех рутинных дней недели. Но в нашем тюремном положении особо не выделишься, хотя и очень стараешься. 5.00. Как обычно, продольный – заявки. 6.15. Баландер – завтрак. 7.45. Левитанша – документы, корреспонденция. 8.50. Пересменка, пересчёт, вынос мусора.

5:00

8:50

Молитва утренняя, чтение Корана, завтрак, попытка вздремнуть после ранних пробуждений. Ночью приснилась моя маленькая дочка (впервые за 8 с лишним месяцев). Во сне она была ещё той же крохой в коляске, и я прогуливал с ней в Бахчисарае. Она молча смотрела и лежала. Потом я решил проверить, не замёрзла ли она, и когда пощупал её нос, он оказался холодным. Я одел ей шапочку, а сам говорю: «Что же ты молчишь, терпишь? Или ты не хотела

прерывать папину опеку и внимание, которого тебе не хватало в последнее время? Ты, наверное, хочешь показать мне, что ты достойная дочь своего отца. За сильными мужчинами стоят сильные женщины. И ты готова терпеть все трудности на пути истины и борьбы за справедливость, как сегодня твой отец и ещё несколько десятков достойных сыновей своего народа...»

На этом сон был прерван. Но я понял, к чему был этот сон. Ведь накануне я написал письмо своей младшей дочери Наджие (имя моей бабушки по отцу, которая вырастила меня и натолкнула на путь нашей религии. А моё имя Сервер – это имя моего дедушки по линии отца, который за несколько месяцев до моего рождения покинул этот мир). 31 января 2018 г. Бог нам с женой подарил 4-го ребенка – вторую дочь.

Скажу честно, я ещё с воли, занимаясь общественной деятельностью, понимал, что тюрьма - это меньшее зло,

которое может случиться при тираническом режиме РФ (имею ввиду ситуацию с Эрвином Ибрагимовым, Решатом Аметовым, Ренатом Параламовым и десятками других пропавших ребят и соотечественников), готовил себя и семью морально к тому, что разлука может прийти в любой момент. И мы должны принять то, что предопределено Всевышним должным образом. Ведь чему быть, того не миновать. А что ограждено от нас, то нас не коснётся. Итак, я прожил четыре с лишним года российской агрессии в Крыму с 2014 г. Так прожили большинство наших активистов и несломленная часть народа. Но ни за что семья, работа и любовь не должны стать на чашу весов вместе с борьбой за справедливость, служения Богу, интересам народа и говорить слово истины несправедливому тирану-правителю. Это разные вещи, нельзя ставить вопрос таким ребром: семья или народная позиция; мать или жена; работа или предательство... Поэтому, думаю, и домашние, и я сам с известной долей пониманием восприняли арест и разлуку. Я к этому побуждал и других активистов, и тех, кто боялся ставить на кон семью, работу, бизнес. Как мы говорили и говорим: нам не нужна свобода любой ценой, когда ФСБ предлагает сделки на случай оговора себя или других для меньшего срока и т. п., так же и не нужна хорошая работа, счастливая семья, успешный бизнес, если все люди вокруг стонут и кричат о помощи и если вокруг столько несправедливости и тирании...

14:00

После стольких дней интенсивного внимания к нашей камере, первая половина дня прошла спокойно. К 12 часам баландер привёз обед: суп-перловка (рассольник). Я забрал и диету – стандартный набор (молоко + сок + мясо). После очередной инъекции инсулина мы пообедали. Немного пообщались, а в 14 часов инспектор предупредил, чтобы готовились к прогулке.

Минут через 15 слышим за дверью, как пришли инспектора, тут же включается видеореги́стратор и до открытия двери проговаривается: «1 февраля 2019 года, камера 58. Выводим на прогулку». Открывается дверь и нас приглашают на прогулку. Я вышел, инспектор же на камеру

говорит: «А вы отказываетесь?» Эдем агъа ответил: «Я бы с радостью, но ведь вы так и не решили вопрос с лестницей». Дальше оказалось интересно. Я, по привычке, направился по продолу влево от выхода, но инспекторы меня остановили, сказав, что надо идти направо. Я удивился, но подумал: наверное, пойдём через правое крыло в прогулочные дворики, так как по архитектурному плану СИЗО к прогулочным дворикам можно подняться справа и слева.

Когда я подошёл к лестнице, мне сказали спускаться вниз – вместо того, чтобы подниматься наверх. Я возмущенно: «А что там?» В ответ: «Там дворики для пожизненников». Оказывается, пришёл приказ, чтобы впредь меня выводили в эти дворики. Я спрашиваю: »Там хоть турник есть?», на что услышал утвердительный ответ. Так я впервые оказался во дворике для ПЖ. Да уж, такой дворик, что, точно, спортом особо-то не займешься, только если подышать свежим воздухом. Размер дворика примерно 2.2х3.2м. Благо хоть брусья и турник есть. Ах, да. Ещё можно видеть небо над головой через решётку + сетку.

Во двориках обычных крыша над головой и летом, чтоб получить минимальный солнечный лучик и витамины на кожу, надо было попасть во дворик в определенное время, когда солнце на закате или восходе, чтоб под углом лучи пробрались во дворик. Обычные дворики (в частности, тот, где я пробыл 8 месяцев, размером около 5х6 м, и там я постоянно разминку начинал с пробежки 1 км = 70 кругов. Ну что ж, «маємо, що маємо», как говорят в Украине. И ещё, по приказу или правилам прогулки, над этими двориками есть специальный мостик, на котором во всё время прогулок находится инспектор и наблюдает за арестантом. Ну, хоть так скрасят моё одиночество. Через час прогулка и разминка тела (после тесной камеры) закончилась и меня так же под видеокамеру повели обратно.

15.45. Я вернулся в камеру, где встречает с улыбкой Эдем агъа. Я ему рассказал сегодняшние новости на прогулке. Мы посмеялись всё большему и большему маразму и повышенному вниманию к нашей камере и к нам лично, и

15:45

продолжили заниматься своими делами. 16.45. Баландер принес ужин. Мы поели и подытожили ещё один день и уже неделю совместной с Эдем агъа жизни. Кстати, как отмечает Эдем агъа, за почти 2 месяца его нахождения в этой камере такой активности и такого внимания ни к нему, ни к камере не было.

Я улыбнулся и сказал: «Это ещё не всё. Раньше не было меня тут. У нас статья политическая. Все репрессии и беззакония отрабатываются на нас. И никто это не видит и этому не препятствует. Потому что есть общее одобрение сверху. Многие исполнители этих горе-приказов, непосредственно соприкасаясь с нами, видят нас, нашу жизнь, наше поведение совсем с другой стороны. Не так, как клеймит суровый закон, его 205 статья или решение суда и установки сверху. Но приказ, как говорится, не обсуждается. Лишь искренние и чистые сердца, осознавая все беззаконие и алчность, не выдерживают и оставляют эту грязную работу, чтоб не марать руки в крови, слезах и не подвергать проклятию себя и свои семьи...».

Именно так живёт сегодняшний мир в целом, но РФ – наглядный и яркий пример упадка и беззакония. Аресты и судебные клейма в Татарстане и Башкирии, фальшивые КТО (контртеррористические операции) в Дагестане, Ингушетии, Чечне и т.д. Это маленькая часть всего мрака и бесчинств, на которых каждый получает своё: кто звезды и погоны; кто колоссальные бюджетные откаты – и всё это на крови, слезах и судьбах абсолютно мирных людей. В то время как истинные преступники продолжают свои преступления вместе со своими покровителями во власти... Кстати, уместно сказать, что когда я вернулся с прогулки, Эдем агъа сидел на кровати и разбирал пакеты с передачей. Увидев меня, он с улыбкой сказал: «Пока ты был на прогулке, я, вот, на рынок ходил, отоварился». Мы посмеялись и поблагодарили Бога и родных за помощь.

Сегодня уже заявления писать не буду, потому что завтра выходные, так что будем начинать и продолжать бороться с понедельника. А пока мы начинаем с Эдем агъа писать короткую справку-описание о том, что и как происходило

и происходит с нами в этой камере и в этом СИЗО – в общем и по условиям содержания, а также о нарушениях наших прав. Это один из обозначенных нами шагов по вопросу нашего вызволения из этой камеры, в частности, и ареста в целом. Иллюзий никто не питает, но, как ливень начинается с первой капли (в одном из писем народу так написал ещё один политузник Кремля по ялтинскому делу ХТ, Муслим Алиев), так и мы считаем, что шаг за шагом истина непременно преодолет ложь, ибо «поистине, ложь обречена на погибель, как бы этого не хотели беззаконники». Время уже давно прошло за 22 часа ночи. В 20.00 Эдем агъа получил инсулин. И я уже думаю: надо организму и сну отдать должное в свое время...

22:00

День 8

02.02.2019

Суббота

Это уже не первые выходные дни в новых условиях. Прошлые выходные были более суматошные, в голове сумбур после неожиданного ночного перевода. Сегодня уже начинает появляться определенная картинка того, что и почему происходит со мной. Думал, ну что ещё сделают со мной, коль уже посадили в тюрьму. Конечно, полной картины происходящего беспредела пока нет, но это вопрос времени. Главное, и я, и моё окружение, и мой народ в целом, и все солидарные с нами силы знаем точно одно: что бы ни делали и не предпринимали беззаконники, как бы ни ухищрялись в своих планах эти чекисты – нет на земле места, где бы не было Бога и Его поддержки. Никогда обман, гонения и агрессия не покорят истину, справедливость и мир.

Тем временем, начало 7-го, баландер развозит завтрак. Мы получили свой хлеб, а кашу отправили другим. Сбора заявок, жалоб продольным сегодня не было, не будет и левитанши – в выходные администрация отдыхает. Только в 9.00 - 9.30 утра следующий шум: это утренняя пересменка, пересчёт и вынос мусора. Ну, и в 7.10 принесли инсулин.

6:00

9:00

12:00

Дальше день идёт по стандарту будничного дня: обед в 12ч., инсулин, в 14.00-14.30 прогулка по новой установке, внедрённой вчера. Т. е. дворики для ПЖ + сопровождение + надзорный, чтоб не скучал. В 15.30 - 16.00 возвращаюсь с прогулки. Умылся, помолился, подошло время ужина. Приехал баландер, привёз рагу и рыбу. Кстати, если сельдь солёная, то из неё мы придумали интересное блюдо. Может на воле не очень по душе, но в наших условиях это некоторое разнообразие в блюдах, ну и приятное времяпровождение.

16:00

Несмотря на выходной, по СИЗО всегда есть дежурный ответственный. Это чины постарше, включая начальника С. Бережного. Наверное, сегодня его смена, потому что, когда принесли вечернюю дозу инсулина, не успел отойти фельдшер, как к камере подошёл начальник СИЗО и поинтересовался здоровьем Эдем агъа. Эдем агъа не ребенок, чтобы жаловаться постоянно. Тем более, уже сказано достаточно по поводу того, что нас беспокоит. С чем мы не согласны и что минимум, который СИЗО может и должно сделать, это перевести больного инвалида в медсанчасть СИЗО. Конечно, сказали и о бане, что вопрос так и не решился, и по прогулке, но реакция показала, что начальнический визит к 58-й камере нёс больше формальный характер, чем обсуждение реальных проблем и их решений.

Итого 3-5 минут разговора обо всём да ни о чем. и каждый продолжил заниматься своим делом. Тем временем, мы приступили к написанию подробного описания того, что и как происходило с Эдем агъа и со мной, что мы оказались в этих условиях содержания. За вечер это всё не опишешь, но с чего-то начинать надо...

3:45

Ночь сегодня была определено спокойной. В 03.45 Эдем агъа стал задыхаться. Давление 160, сахар 16.7 mmol/l. Выпил 2 таблетки, но я решил вызвать врача. Пробудили его ото сна только через 35 минут. Слава Богу, он оказался толковый. Сделал укол магнезии и Эдем агъа проспал до утра.

День 9

03.02.2019
Воскресенье

Из дневных и особенно нервных утром скрежетов дверей, по распорядку в 6.30 баландер с завтраком, из которого мы берём только хлеб. Как я уже говорил, хлеб, конечно, далёк от безопасного для здоровья употребления. Но за неимением другого, и этот, срезая корочки, едим.

6:30

9.00. Утренний пересчёт, проверка, пересменка. Все достаточно тихо, по-выходному. Сегодня у моей мамочки день рождения. Мы не выделяем этот день как-то особо, но в своих пожеланиях в письме и всегда в молитве произносим слова и за родителей, конечно. Мы с Эдем агъа решили, что после прогулки искупаемся, если это можно так назвать в наших условиях. Поэтому, ближе к 12 начали греть воду. Потому что этот процесс тоже занимает 3-4 часа. Ведь у нас из средств для обогрева только маленький кипятильник 0,5 кВт.

9:00

К 12 часам привезли обед. Мы взяли суп и, как обычно, то, что есть из списка для диеты (молоко +сок +100 г мяса). В это время пришёл и фельдшер с обеденным инсулином. После чего мы пообедали и выпили чаю. 14.30 – прогульщики инспекторы, открыв кормушку под видеорегистратор предупредили, что прогулка через 15 минут. Я начал собираться, а Эдем агъа в очередной раз лишь мечтает о прогулке на свежем воздухе, пусть даже в ограниченных условиях. Прогулка прошла уже в штатном режиме, т.е. под видеосопровождение + 3 инспектора выводных + дворик ПЖ + 1 инспектор над головой для полного соблюдения правил перемещения «особо опасных обвиняемых» в СИЗО. Ну, а я это воспринимаю только как почёт и уважение. У кого ещё есть столько бесплатной охраны и личный напарник (пусть даже молчаливый) и бесплатная одиночная фитнес-тренировка?

12:00

14:30

Хорошего понемногу. Через час я в камере. После прогулки самочувствие гораздо лучше, чем если сидеть безвылазно

в маленькой безвоздушной камере. Даже дыхание свободным становится после прогулки. А вот в камере, очевидно, есть грибок или что-то ещё – аллергический кашель и заложенность носа уже стали привычными. Эдем аѓа отрапортовал, что вода согрелась и можно приступать к банным процедурам.

17:00 К 17.00 мы уже умылись, поля промыли, я совершил предвечернюю молитву, как подъехал баландер с ужином: картофельное рагу и рыба. Мы промыли картошку от комбижира, немного смазали сливочным маслом (из передачи). Достали кусочек курдюка, лука. Заварили чай – и получился очень даже съедобный ужин. Трапеза сопровождается общением, обсуждением жизненных, судебных, крымских, религиозных вопросов – до 20.00, когда пришёл врач с инсулином. После укола ещё раз чай и короткий перекус (положено после инсулина). Далее вернулись к продолжению описания того, как попали в тюрьму, в эту камеру. Через что пришлось пройти и сколько нарушений элементарных прав человека и обвиняемого зафиксировано. Сегодня закончили по Эдем аѓа . Получилось 5 стр. А4, я был в роли журналиста, а Эдем аѓа два дня отвечал на мои вопросы и излагал свою историю. Потом я написал заявление на встречу с Бережным, так как ясности причин моего нахождения в 58-й так ещё и нет.

20:00

00:00 Время уже за полночь...

День 10

04.02.2019

Понедельник

5:00

5.00. Как обычно, шум дверей и сбор заявлений. Я передал заявление на личную встречу с начальником по вопросу условий содержания и выяснения причин перевода в эту камеру меня и Эдем аѓа. Повторное заявление по ряду бытовых нужд в камере, а также заявление, чтобы попасть на приём врача-терапевта по причине удушливого сухого кашля (возможно, аллергического). Заявления эти все

повторные, так как на предыдущие реакции так и не было. Дальше появление баландера в 6.20 утра, мой завтрак. Тут уже время молитвы, чтения Священного Корана. В 7.00 утра утренний инсулин Эдем агъа и его завтрак запаренным мюсли. Я уже не ел – рекомендован пост.

6:20

Левитанша нас сегодня пропустила, видать не было для нас ничего. В 9.00 подъём, пересчёт, пересменка, вынос мусора. Я решил опять прилечь, поскольку во время поста хочется сохранять энергию, чтоб до вечера были силы. Но день оказался с новыми приключениями. В 10.00 пришёл выводной и сказал: «Мустафаев, собирайся на кабинеты через 5 минут». Меня это удивило. Неужели так быстро начальник решил меня принять по заявлению? Знаю два варианта кабинетов: адвокат или администрация. ФСБ возит к себе в офис. Я быстро умылся, оделся. Открылась дверь – да только инспектор оказался далеко не выводной, а майор оперотдела. Он сказал: «Одень куртку – пойдем через двор, там прохладно». Я вообще не понял, что это и куда идти.

9:00

10:00

Как бы там ни было, со словами «Бисмилляхир-рахманиррахим» и ступив правой ногой, вышел из камеры. Поднявшись на второй этаж, где находятся кабинеты, мы проследовали в другой конец здания, где расположилась администрация. Прошли через дверь (с паролем), которую открыл майор, и здесь нас встретил один из замов Бережного с вопросом: «А он куда?» Майор ответил: «На полиграф». Тут-то я понял, наконец, куда меня ведут. Что такое полиграф я знал ещё по работе в компании «Евросеть» (в молодости, в 2006-2008 гг.) Но я знаю, что эта процедура проводится только с согласия лица, которому этот опрос предлагается пройти.

Зайдя в кабинет, в котором нас уже ждала девушка за ноутбуком, веб-камерой и кучей проводов на столе, мне предложили снять ветровку и расположиться на стуле перед столом и проводами. Я пока молчу и просто делаю, как говорят. Думаю, как далеко они захотят зайти в своих действиях без моего согласия. Тут майор и Ирина Олеговна (других данных оба не давали) по очереди стали объяснять,

что сейчас будет и что мне надо делать. Самое интересное, в один голос начали убеждать, чтобы я абсолютно не переживал за результаты этой процедуры. Мол, они не влияют на уголовное дело, не отражаются в личном деле в СИЗО, а просто необходимый формальный элемент. Мне их такое неумелое навязывание дела, которое «ни на что не влияет», но очень им нужен в рамках профработ, становится ещё более любопытным. Ведь я обвиняюсь по статье терроризм и уже поставлен на профучёт.

Вот тут я, наконец, понял, что происходит и зачем все это. А я-то думаю: и что же это было в прошлый четверг, когда совершенно необъяснимо с меня на клочке бумаги взяли подпись, что я обвиняюсь по 205-й статье и автоматически поставлен на профучёт по экстремизму/терроризму. Я говорю им: «Извините, но я не пойму, зачем вам такая процедура, если, как вы говорите, результаты никуда не пойдут и ни на что не повлияют. Более того, я ещё не обвинён и приговора нет, чтоб ко мне иметь подход, как к террористу. Объясните, на каком основании меня вообще поставили на этот непонятный профучёт, ведь у меня дома ничего не нашли и тут, в СИЗО, аналогично: никаких нареканий вот уже 9-й месяц?!». Майор начал объяснять: «Да, конечно, вы правы. Это просто формальность, потому что у вас такая статья. Никто вас ни в чём не обвиняет. Вообще-то, такое проводится каждые 6 месяцев. Это мы затянули, и вот только сейчас, почти через 9 месяцев, дошли до вас».

Дальше Ирина Олеговна пытается убедить, что вопросы абсолютно не будут касаться уголовного дела и не будут связаны с терроризмом/экстремизмом. И вообще, я, оказывается, могу не отвечать на те вопросы, которые не нравятся или непонятны. Этот диалог обнаружил много противоречий и очевидное навязывание прохождения через полиграф. Я решил уточнить: «Извините, но как вы, не спрашивая об уголовном деле, о терроризме и т. п., разговаривая со мной о погоде что ли, хотите понять, насколько я отношусь к тому, что огульно и нагло пытаются мне инкриминировать?!»

Майор вновь продолжил ересь: «Да нас не интересует то, что за пределами СИЗО. Для нас важно понять, не планировали ли вы теракт в СИЗО; может, знаете кого, кто планирует подобное». Я от такого маразма аж улыбнулся. Ирина Олеговна уже достала расписку, чтоб я подписал, и мы начали. Но я позволил себе последний проверочный вопрос: «А эта процедура добровольная или принудительная?». И вот на этом «добрые полицейские» закончились. Улыбка сошла с их лиц. Отвечают тихо (Ирина Олеговна): «Конечно, по вашему добровольному согласию». «Тогда я отказываюсь», – ответил я. «Почему?», – спросили в один голос они. «Потому что это мое право», – продолжил я. «Мы понимаем, что это ваше право. Но тогда это начинает вызывать сомнение», – продолжил майор и я начал ощущать некоторую угрозу и давление на моё решение.

Тут майор быстро вышел из кабинета, а через минуту вошёл с одним из замов Бережного. Артём Минько (или Мякин, ещё путаю), который войдя, задал тот же вопрос: «Почему отказываетесь?» Отвечаю, что это моё право и ничего больше. Молчание длилось мгновение. Мой уверенный взгляд в глаза зама, он повернулся и ушёл. Майор продолжил: «Ну, вы же понимаете, что такой отказ вызывает подозрения. Вот я сейчас уже сомневаюсь в ваших умыслах и планах». Я сказал, что абсолютно равнодушен к безосновательным предположениям и догадкам людей. Привёл пример того, что когда человек ссылается при задержании на 51-ю конституционную статью, это абсолютно не значит, что он виноват или что-то этим подтверждает/отрицает – это лишь право молчать. Когда на суде, вместо государственного я прошу адвоката по соглашению, или же прошу переводчика – это же не значит, что я не доверяю бесплатному (государственному) адвокату, или что я не знаю русского языка – просто это моё право, гарантированное государством. Если сотрудник ДПС просит дыхнуть в трубку, а я отказываюсь и готов пройти проверку в больнице – это значит, что я не доверяю сотруднику с трубкой и готов пройти проверку, но в специализированном учреждении. А поводов недоверия к ДПС более чем достаточно.

Тут майор говорит: «А я вот дышу в трубку, и считаю, если кто отказывается, значит он пьян». Я не стал спорить, это жизненный опыт каждого. Но тут майор завёлся: «Ты понимаешь, что твой отказ ляжет в личное дело и будет тебя преследовать по всем тюрьмам и лагерям. А люди с отметкой о профучёте изначально получают отдельный режим и соответствующее отношение во всех учреждениях ФСИН...». Я говорю: «Так вы же сказали, что результаты этой процедуры не пойдут в личное и уголовное дело! Так вы определитесь!». Тогда майор сказал: «Конечно, пойдут – в личное дело в СИЗО, в твою карточку», а Ирина Олеговна добавила: «И на суде, если у тебя будет положительный полиграф, то судья непременно это учтёт в приговоре». Ну, наконец-то, подумал я, вся правда вышла. «Тогда позвольте мне пообщаться с адвокатом и потом пройти полиграф?», спросил я у них. В ответ: «Ну, что же, ты думаешь, мы можем вот так каждый день собираться? Ирина Олеговна уже сегодня приехала». «Да ладно, что там. Куда нам торопиться. Всё равно уже на три месяца затащили», – продолжил я.

На это у моих разводил-собеседников слов уже не было. Ирина Олеговна протянула расписку и сказала: «Пишите тогда отказ». Я весьма культурно написал, что не просто отказываюсь, а: 1) Хочу посоветоваться с адвокатом. 2) Не совсем понял цели мероприятия, ибо сотрудники оказались весьма противоречивы в них. 3) Давно занимаясь защитой данной категории лиц, впервые слышу о такой процедуре и заочном беспричинном профучёте. Когда я вышел за дверь, майор задержался на минутку, и я невольно услышал: да, мол, они жили при Украине, не тужили, ходили в мечеть. А тут Россия пришла, и они до сих пор понять не могут, что всё стало по-другому. Потом вышел и сопровождал меня в камеру. По пути я хотел узнать, с кем имел честь общаться. Он ответил: «Это не важно, я через две недели на пенсию уйду». Ну, вот и весь утренний интересный поход, и бурное начало недели.

11:30

В камеру я вернулся в 11.30. Мне тут же предложили собираться на прогулку. Я быстро собрался и пошёл. С прогулкой всё уже стандартно. Лишь инспектор, который

уже давно меня знает, пока я занимался, поинтересовался, что такое произошло со мной, что теперь ко мне столько внимания и ужесточенное отношение. Я пояснил, что и как. Из чего было ясно лишь то, что политические преследования по национальным, религиозным и политическим мотивам не имеют границ и продолжаются даже в тюрьме. «Это Россия, детка», – завершил в конце с улыбкой. Уже через час я был в камере, где Эдем агъа получил обед, инсулин и начал трапезу. Я же умылся, совершил молитву и немного прилёг. Проснулся к ужину. К 18.00 столик был готов, и я завершил пост разговорием. Дальше вечер прошёл в привычном режиме кофе-брейков, общения, в котором мы с Эдем агъа всё больше и больше узнаём друг друга, находим всё новых и новых общих знакомых.

Конечно, параллельно Эдем агъа всё время пытается найти причины своего ареста, чтобы как быстрее выйти из этого несправедливого ареста и клейма, которое пытается поставить гестапо XXI века. Я же пытаюсь ему рассказать, что бороться непременно надо, и мы все это дружно делаем. Но иллюзий больших на освобождение в ближайшем суде по продлению меры пресечения (которое на днях) питать не стоит. Потому что суды в РФ, особенно в Крыму, это фикция, это инструмент узаконивания беззакония ФСБ. Но знайте одно, говорю я ему, что всё закончится так же быстро и неожиданно, в одну ночь (день), как и началось в феврале 2014 г.. Или как произошло в день вашего задержания. Подобных разговоров и тем с разными примерами, аргументами – это почти ежедневный диалог. Но очевидно, что положительная динамика в осознании Эдемом агъа положения, в котором мы все оказались, находит своё место в его голове.

Конечно, первые два месяца ареста – это очень тяжело. Ещё и с состоянием его здоровья – невероятно, но факт: в такой жуткой камере с такими жуткими условиями содержания. Наш вечерний диалог затянулся далеко за 22 часа ночи. А я ещё собираюсь дописать свою часть пояснений и обстоятельств моего перевода в эту камеру.

22:00

Уже за полночь я, наконец-то, тоже завершил эту работу. Много ли мало, получилось аналогично – две страницы А4. Это один из шагов, которые усмотрены в работе по обжалованию и выведению из этой унижающей ситуации с содержанием в камере 58. Я уверен, что ещё много интересного (насколько так можно говорить в условиях беззакония) произойдёт, но по-другому не получается. Главное, что мы в этой борьбе не одни. А в единстве все тяготы проходить намного легче. Прошёл день, а Бережной так и не отреагировал. Ну что ж, это тоже результат...

День 11

05.02.2019

Вторник

5:00

6:10

5.00. Продольного сегодня пропустили без заявлений. Вечер был занят другими делами. 6.10. У баландера взяли хлеб и молочную кашу-пшёнку – по вторникам это оптимальный вариант. Левитанша и сегодня нас пропустила, хотя уже должны бы были прислать уведомления о судах и мне и Эдем агъа. Ведь сроки наши вот-вот завершаются: 9.02 - мой; 11.02 - Эдем агъа. Но это и не удивительно. Их могут вообще не принести после суда – это Россия.

Инсулин и пересчёт прошёл четко по графику. Нервирующие утренние шумы в дверях по будням дошли до предела, хотя ещё только вторник. В обед от баландера получили обед и диету. Пока суп горячий, как обычно, организовали стол и пообедали. Далее прогулка – хоть какой-то глоток свежего воздуха. К Бережному до сих пор никто не вызывает (второй день после второго заявления).

16:10

В 16.10 дверь камеры открывает и входит собственной персоной начальник медсанчасти СИЗО товарищ Ищенко. Зашёл весь на позитиве. Оказывается, только сегодня вышел на работу после отпуска или больничного (не суть важна для нас) и – сразу в нашу камеру узнать, как дела у Бекирова. Мы стесняться не стали. Изложили всё как есть:

и про прогулки, и баню, которых Эдем агъа уже два месяца не видит, и про участвовавшие судороги, и про кашель удушливый сухой, и про питание под названием диета, точнее, её остаток: молоко +сок +мясо; и про морально убивающий круглосуточный взгляд камеры, и про врачей, которых вызываем по 20-40 минут.. На всё это Ищенко сказал: да-да, я в курсе, буду поднимать вопрос о переводе в санчасть, но, мол, вы тоже просите постоянно. Я спросил: а что это – терапевту пишем заявки, а он не реагирует? На что услышал: завтра будет. И он побежал дальше. Через полчаса сделали ужин, за которым обсудили день, возможность перевода в санчасть в контексте визита Ищенко и молчание Бережного.

18:15 Выводной инспектор предупредил, чтобы я готовился к кабинетам. Это вызвало удивление. Какие кабинеты? Адвокатов пускают максимум до 17.00. Может, это к Бережному? Вариантов было не много. Одедся, собрался и вперёд. Как оказалось, нас было два арестанта, которых вели в кабинеты. Пройдя в часть администрации и увидев Бережного, понял – все-таки он соизволил встретиться. Зашёл в кабинет, присел на стул и сразу ощутил доминирование в диалоге начальника: «Что там у тебя? Давай, излагай! Времени не много». Я спокойно спросил: «Так что с причиной моего перевода?». На что услышал опять: «Ну, говорил же, жалоба Денисовой и в списке была твоя фамилия». Я говорю: «Но мы же видели жалобу в прошлый понедельник – она была от 18 декабря по вопросу психиатрической принудительной экспертизы...».

Тут он меня перебивает и эмоционально: «Короче, что ты хочешь? Это моё решение и объяснять я не собираюсь. У тебя есть претензии к моему решению? Я так решил и всё. Понятно?». «Я понял. Вы не хотите объяснять причину», – спокойно ответил я. «Какие еще вопросы?» – продолжил Бережной. «Я хотел поговорить о сокамернике Бекирове – его надо перевести в санчасть. У него судороги, давление, сахар. Врача ждём по 20-30 минут. Сегодня был Ищенко, он в курсе всего. Я рад смотреть за больным – это дело благое, но я не врач. Или вы хотите, чтоб я констатировал

18:15

его смерть и был свидетелем, того, что он умер сам?» – продолжил я.

Тут Бережной сменил тон. Начал пояснять, что нечего рваться в санчасть, что проблем со здоровьем у Бекирова нет, так как в СИЗО от комиссии пришла бумага, что он вполне может содержаться в СИЗО, что камера, в которой мы находимся, даже лучше больнички (санчасти). Я удивленно спросил, откуда справка-заключение, о которой ни Эдем агъа, ни его адвокат не знают – она же только через 20 дней будет. Тут Бережной позвонил Ищенко и обязал назавтра ознакомить Бекирова с ней. Я продолжил: кроме всего прочего, морально и психологически убивает камера над головой, на что Бережной ответил: это для безопасности. Я уточнил, чьей безопасности, от чего? Тут он перевёл разговор на то, что по России камеры уже везде и давно. И что на нашу тюрьму выделено из бюджета для этих целей 12 миллионов рублей, освоение которых начато с корпуса содержания женщин и подростков и дальше пойдёт по всем этажам и основному корпусу.

Я вернулся к нашему разговору про мой перевод. На это он позвонил кому-то и попросил найти и принести завтра ему ту самую жалобу Денисовой, в которой среди прочего и моя фамилия. Тогда я спросил: «А почему со всего списка именно я оказался выбранным для перевода в эту камеру?». На что Бережной сказал «Ну, до тебя там был Трубач, он тоже из этого списка. А на сегодня из всего списка остался только ты». Последнее в его словах окончательно укрепило мои сомнения в искренности его слов, так как Руслану Трубачу, со слов Эдем агъа, Бережной говорил, что его перевод связан с жалобой дочери Казима Аметова – Наджие на условия содержания. Мне же сегодня говорит, что это список из жалобы Денисовой. Денисова, даже если и писала, подавала жалобу, то обо всех политузниках Кремля, а не избранных. А коль так, то в тюрьме на сегодня содержится ещё минимум 10-15 человек, за исключением тех, кто уже этапирован на материк. Поэтому, я очень хочу видеть эту жалобу, на которую ссылается Бережной, о чём его и попросил. Бережной разговорился – мы ещё многое

обсудили по другим делам и арестантам, в том числе стариков по «Делу В. Кашка» и про его участие через ВКС в сегодняшнем суде над симферопольскими ребятами в Ростове.

Дальше, я спросил, а что за беда с письмами, которые нам пишет народ, но которых мы не видим уже больше 5-6 месяцев. На что он с улыбкой уточни: а что там по содержанию, нет экстремизма? Я сразу сказал: «О чём вы говорите! Я сам, будучи на воле, был одним из инициаторов этой народной почты писем поддержки. Это обычные письма, открытки, слова поддержки». «А может они на татарском?» – продолжил он. Я возразил: «Ну что вы, в самом деле! Мы же не первый день опекаем своих героев. Конечно, на русском». Хотя, по закону, письма, на любом из государственных, коим является и крымскотатарский язык, должны проходить цензуру. Тут Бережной, уже второпях, обещал позвонить своему заму Минько, чтобы он разобрался.

На этом мы решили остановиться. Он дал моё заявление и просил подписать, что, мол, вопросы разобрали и решили. Но я указал, что на данный момент стороны услышали позиции друг друга. Пока вопросов нет. Поэтому, уходя, я сказал, что жду ту несчастную жалобу Денисовой, якобы из-за которой, меня перевели, что Эдем агъа успокоится только после перевода в санчасть, что я готов, если надо, пойти с ним в санчасть и ухаживать. Но находиться в К58 под присмотром видеокамер морально и психологически очень тяжело. Да и вопрос бани, прогулок остаётся открытым. На что Бережной сказал, что по бане вариантов пока нет. А прогулку – он специально сказал, чтобы нас водили на ПЖ дворики, так как там всего 1 этаж спускаться и Эдем агъа сможет – это не на три этажа подниматься. Я попытался возразить (не поверив про себя в эту чушь) но на этом мы разошлись. Он попросил одного из своих замов меня провести. Это был как раз тот Артём, который вчера заходил в кабинет полиграфа, когда я отказывался. Сегодня, провожая меня вниз, он с улыбкой сказал: «За эти дни ты, наверное, уже устал – находился сюда?». Я

ответил, что я за 9 месяцев столько не ходил и не общался с руководством СИЗО, сколько за последние 10 дней.

19:30

В камеру меня завели в 19.30. Эдем агъа всё думал, что же там происходит. За кружкой чая я рассказал ему всё, как было. Однозначно: есть то, что скрывается от нас под видом разных ложных причин, которые никак не вяжутся с реальностью. Такое возможно в ФСБ. Потому что очевидные нарушения правил и норм содержания в СИЗО как меня, так и Эдем агъа – политическая воля сверху. Нас это, конечно, не остановит. Земля под нами, а Бог над нами, ну и народ с нами. Обсуждение затянулось до 23 часов. К этому времени продольный инспектор обошёл этаж и предупредил меня, чтобы в 7 утра был готовым ехать на следственные действия. Я уточнил, а точно не суд. Он подтвердил: следственные действия. Ну, думаю, ещё дни есть: суд, наверное, позже, а сейчас повезут в ФСБ – наконец-то знакомить с результатами экспертиз...

23:00

День 12

06.02.2019

Среда

5:00

5.00. Передал продольному заявления, подготовленные с вечера: 1. Заявление на копию протокола апелляционного суда от 28.01.2019. Суд был по ВКС, поэтому писал с СИЗО. 2. Заявления на имя Бережного с просьбой разъяснить причины, по которым не получаем письма от народа в рамках инициативы «Яз, умметим». Не получаем уже 5-6 месяцев. Высказал просьбу: в случае отказа дать письменный мотивированный ответ, поскольку это уже третье заявление (несмотря на то, что вчера Бережной обещал решить).

6:20

6.20. Баландер привёз завтрак, из которого мы взяли хлеб. Дальше молитва. И начал собираться в дорогу. После очередной дозы инсулина Эдем агъа позавтракали. Взял с собой в дорогу немного молока и (в пакетик) немного

орешков с изюмом. Потому что вернусь не раньше вечера, а то и ночи и весь день пройдёт, как обычно, без питания и воды. Этот вопрос уже неоднократно озвучивался на суде, писал и заявления, но бюрократия и пробелы в законе решили вопрос так, что виновных, кроме арестанта нет. Потому что СИЗО даёт пайки только в случае поездки на более чем 4 часа пути (суд в Симферополе в 15 минутах езды), а конвой (структура МВД) не имеет такой опции, как кормление конвоируемых. Соответственно, и суд таких услуг не предоставляет.

Все правы, а голодает обвиняемый. Вопрос решается просто, если конвой будет увозить из СИЗО ко времени суда и привозить сразу после суда. Но то ли из-за лени, то ли экономии, а может по обеим причинам – утром увозят всех сразу, и вечером привозят всех вместе после последнего суда. Кроме этого, можно проторчать в так называемой «кишке» СИЗО, в подвальном месте, куда заводят всех, кто следует на этап утром, и вечером тех, кто вернулся. Оттуда забирают либо утром на суды, этапы, либо вечером в камеры.

«Кишка» – такое место, куда не желал бы никому попадать: подземный длинный (примерно 30-40 м при 1.5-2 м ширине) бункер, связывающий корпус с камерами и место посадки/высадки на этапы. Туда помещают от 30 100 человек, которые, как накурят, не то, что топор вешать – можно и самому вешаться. Вентиляции нет, проложены трубы коммуникаций и после дождей на улице там сыро и лужи. Знаю (выезжая в два месяца раз) 6-7 случаев, когда людям там становилось плохо, когда кто-то терял сознание. Отвлекаюсь на некоторые нехорошие детали (при выезде на суды, ФСБ, этапы и т. п.), потому что считаю важным, чтобы показать эти нарушения сродни элементам пыток. Чтобы г-жа Москалькова, прежде чем громко заявлять о том, что тюрьмы в РФ, в частности, в Крыму, могут дать фору европейским по своим условиям, хотя бы одной ногой ступила в подобные «кишке» места. И это не единственное место в СИЗО, в которое бы я, в отличие от всё скрывающего местного руководства, организовал увлекательную экскурсию.

Так вот, я собран в путь. Правда, пока только догадываюсь, куда он проляжет, так как мне до сих пор не вручали извещения о суде либо о том, что следователь дал ходатайство на продление. Есть только устное уведомление продольного инспектора, который вечером на мой вопрос «Куда этап?» ответил, посмотрев в бумаги, что на следственные действия. Я взял с собой так же молитвенный коврик и Коран. Потому что порой часами сидишь, как в ожидании чуда, каких-либо действий, а порой, как в прошлый раз, поездка в ФСБ на ознакомление оборачивается «чудом» ожидания весь день в боксиках СИЗО, потом в ФСБ. Никакого ознакомления, даже с одной страницей надуманных «ручных» экспертиз, не было. Посмотрим, что сегодня.

7:40

7.40. Выводные инспектора открыли двери и выводят всех, кого с вечера «заказали» на этап. Процедура проходит по всем четырём этажам СИЗО ежедневно, а потом всех ведут в «кишку» – ждать, когда приедет конвой (МВД, ФСИН, ФСБ). В «кишке» или на пути к ней можно увидеться с разными арестантами СИЗО. Я встретил Эдема Смаилова, фигуранта по моему уголовному делу. Стало ясно, что мы едем не в ФСБ, а в суд на продление меры пресечения. Эдем уже ознакомлен, а вместе нас могут повести только на суд. Вот как-то так: у нас оповещение, прописанное законом, работает, и лишь наблюдательность помогает быть на волне событий, а не за ними... Благо, симферопольский конвой приезжает рано, так как развозит людей во множество судов по городу, и уже к 9.30 нас позвали пройти проверку и располагаться в «комфортабельное авто» для доставки в суд – с охраной и сиреной.

9:30

10:30

К 10.30 мы приехали в Киевский районный суд. Время своего заседания не знаем. По тому, что на улице возле суда ещё не было представителей нашего равнодушного народа, которые уже 5-й год собираются для поддержки своих героев под судами, где шли процессы над всеми узниками Кремля, мы поняли, что заседание будет во второй половине дня. Так и вышло. Суд оказался назначенным на 14.00, а нас с Эдемом Смаиловым ещё и

разделили на отдельные заседания. Он пошёл первым, так как первый ознакомился с материалами дела. Я зашёл к 15 часам. Закончился суд в 17.35.

Несмотря на все те страсти, о которых писал выше: путь к суду, ожидание суда (проходит в подвале, в спецбоксах камерного типа, без окон; благо, боксы теплые, с вентиляцией), и даже несмотря на то, что суды специально делают закрытыми (специально, по двум причинам: а) чтобы никто не видел всю фальшь, ересь уголовных дел; б) чтобы было морально ещё тяжелее – без встречи с родными, близкими даже во время суда). Так вот, невзирая на всё это, для нас в два месяца раз это возможность прокатиться, увидеться с новыми людьми, пообщаться с адвокатом, переводчиком, хоть на мгновение увидеть родных и, главное, услышать громкие и невероятно заряжающие как солнце землю, как разряд молнии слова приветствия большого количества друзей, знакомых, родных почти в один голос. Только ради этого готов ездить на суды хоть каждый день. И чекисты это всё видят и понимают. Именно поэтому на апелляциянные суды нас вообще перестали возить, проводя заседания в режиме ВКС. Но это не останавливает народ собираться, а нас – ощущать сквозь расстояние их заботу, солидарность и поддержку под зданием суда.

Пересказывать ход судебного заседания, думаю, смысла нет. Так как адвокаты после суда на камеру проговаривают основные моменты. Я, в свою очередь, собираю протоколы судебных заседаний. Возможно, в будущем пригодятся. Эти тираны, даже в получении протоколов, пытаются отказывать или делать подвохи, исказить речь и т.д.. Основа и ход суда там всё же отмечены, и я смогу восстановить по ним историю и хронологию любого суда, если это будет угодно Богу. Но всё же вкратце опишу основные моменты.

1. В нарушение закона решение о закрытости суда принимается не при нас, а ещё до начала заседания и без указания причин. Таким образом, мы лишены права оспорить или дать свои аргументы; а суд не даёт

возможности что-либо обсуждать, когда уже есть решение о закрытости (примерно так же, как с решением ВС РФ от 2003 г., которое лежит в основе всех сегодняшних бед 205 ст. УК РФ). Но всё же в сегодняшнем суде, трудно поверить, судья О. Гурина как мотив закрытости указала, что во время суда будут разбираться и обсуждаться документы, содержащие государственную тайну(!!!). Суд закончился, а мы, естественно, так и не узрели документов, прячущих гостайну.

2. Судья О. Гурина, несмотря на наше предупреждение, что на её прошлое постановление от 05.12.18 г., где она указала, что я могу «иными путями воспрепятствовать следствию или скрыться», апелляционный суд РК 28.01.19 г. вынес постановление об исключении подобной формулировки, она и в постановлении от 06.02.19 г. в очередной раз, слово в слово, повторила шаблонный для всех дел и во все времена текст.

3. Подтверждением шаблонности, примитивного трафарета можно найти всё в том же постановлении от 06.02.19 г., где вместо моей фамилии указана фамилия Э. Аметова (ещё один фигурант по моему огульному уголовному делу). В прошлой постановке, от 05.12.18 г. такой опечаткой (как назвал это апелляционный суд 28.01.19 г.) в тексте явилось то, чего не было по факту в суде и деле – появились потерпевшие, очная ставка и подписка о невыезде. Конечно, эти и другие обстоятельства будут указаны в нашей апелляционной жалобе, но это больше для ЕСПЧ и истории.

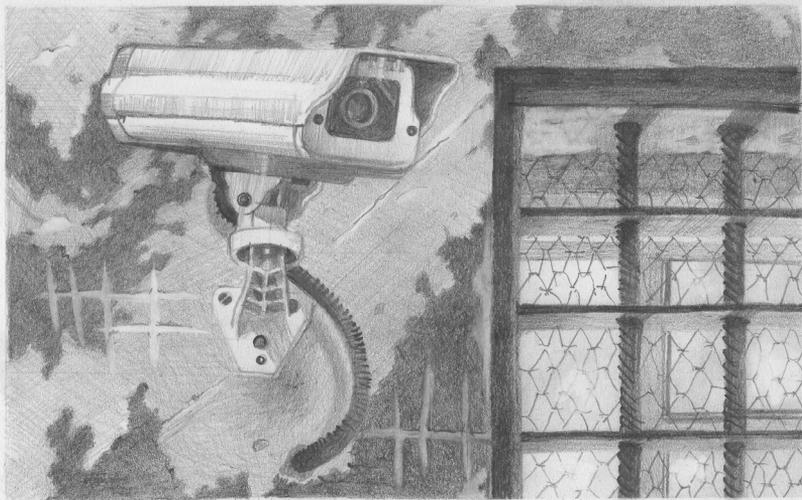
4. Ещё вспомнил, что также была нарушена норма УПК РФ, касающаяся самого судебного процесса, а именно: я был лишён возможности заявить все имеющиеся ходатайства и лишён в конце заседания последнего слова.

Хотел кратко, получилось опять длинно. В СИЗО приехали к 19 часам, а в камеру попали в 20.30. Эдем агъа, который уже разогрел ужин, встретил меня с радостью. Я, в свою очередь, тоже с такой радостью вошёл в камеру и обнял Эдем агъа, словно мы не виделись месяц. Хоть мы с ним

20:30

всего вторую неделю, но я успел привыкнуть к нему, а он, по его словам, ко мне. Да и это первое расставание на весь день. Я рассказал о своих делах и передал ему приветы. Он же – о том, что интересное произошло за часы моего отсутствия. А тут-то, оказалось, тоже было о чём сказать!

В общем, со слов Эдем агъа, примерно в обед, в камеру пришла целая делегация во главе с Л. Лубиной (омбудсмен Крыма), всё начальство СИЗО и кто-то ещё. Они все зашли в камеру. Лубина присела рядом и сказала, чтоб рассказали, что есть, какие вопросы, проблемы и т.д.. В этот момент продольный решил, как обычно, писать всё на видеорегистратор, но Лубина попросила убрать камеру и дать возможность спокойно поговорить с человеком. Вон оно, оказывается, как! Камера смущает всё-таки человека, а мы, понимаешь ли, 24/7 под камерой и постоянным надзором через отверстие двери с подслушиванием наших разговоров. В общем, Эдем агъа придумывать ничего не надо было. Просто повествовал всё, о чём мы говорим все прошлые недели по условиям содержания и т.д. Лубина

ничего не записывала, но внимательно слушала. Затем предложила Эдем агъа обратиться к какому-то знахарю-травнику, который живёт где-то под Севастополем. Но что она говорит – тут, элементарно, в санчасть СИЗО не выводят! В-общем, и эта делегация выслушала все наши крайне вопиющие, законные требования и пошла дальше. Чистое фарисейство!

14:00

После 14-ти часов Эдем агъа был вызван «на кабинеты». Он при его состоянии туда добрался – спустился с нашего 2-го этажа на 1-й, прошёл до админкорпуса 15-20 м, поднялся на второй этаж по очень крутой даже для здорового человека лестнице – совершил подвиг. Пока отдышался и пришёл в себя, к нему зашел адвокат Ислям агъа Велилляев, который тоже во дворе успел увидеть Лубину и Бережного. Ислям агъа тоже передал ему множество приветов. Они проговорили по уголовному делу. Он спешил обрадовать: вроде как Лубина озаботилась и просила Бережного о решении вопроса с телевизором в нашу камеру и о переводе Эдем агъа в медсанчасть (в этом месте мы оба улыбнулись, потому что везде в Крыму всё решает ФСБ – как они скажут, так и будет).

Затем Эдем агъа вернулся в камеру, совершив второй подвиг на таком нелёгком пути с лестничными преградами. К слову, Эдем агъа заметил, что сегодняшней визит Лубиной и компании был предпринят специально, когда не было меня. Потому что знают, что больной пожилой человек будет шуметь меньше, чем я... Мы посмеялись, и он продолжил. Также днём приходили инспектора прогульщики. Эдем агъа, конечно, не смог пойти. Но они опять просили, чтобы я, когда приеду, помог написать от его имени пояснительную, почему он не пошёл на прогулку. Честно, это уже похоже на издёвку. Просто бюрократия и игра на психике: человек хочет прогулку, но у него нет возможности – её попросту не обеспечивают. Это всё равно, что звать играть в футбол парализованного или без ног товарища. Я, конечно, написал – такую же пояснительную: почему Эдем агъа не смог (а не отказался!) пойти на прогулку...

Наш разговор затянулся до полуночи. Перед сном я написал ещё одно заявление на имя Бережного, чтобы он пояснил причину моего почти принудительного похода на полиграф и указал мотивы того, почему меня поставили на профучёт по экстремизму/терроризму. Кстати, пока мы общались, продольный инспектор сказал, что в 7 утра Эдем агъа должен быть готовым – на 16.00 у него суд по продлению меры пресечения...

День 13

07.02.2019

Четверг

5.00. Заявление, написанное вечером по поводу полиграфа и незаконному профучёту передал продольному. В 6.20 получили завтрак. Эдем агъа уже не спится – он весь на нервах, собирается на суд. Он очень верит, что всё-таки справедливость будет, и его выпустят под домашний арест, чтобы хотя бы начал лечение в больнице им. Семашко. В 7.00 ему сделали инсулин. Мы поели каши запарной. Я помолился за всех и за Эдем агъа, чтобы его быстрее освободили или перевели в больницу, потому что тяжело видеть, как мучается человек... Я начал думать, а как же будет Эдем агъа – весь день в пути на ногах, без питания и обеденного инсулина? Ведь это крайне опасно в его положении. Поэтому сказал Эдем агъа, чтобы обязательно высказал своё негодование и предупредил об ответственности как тех, кто будет выводить из работников СИЗО, так и тех, кто будет этапировать из числа конвоя МВД.

5:00

6:20

7:00

В 7.45 Эдем агъа вывели. Я убрался в камере. 8.20. Левитанша сообщила номер исходящего письма на апелляционный суд по вопросу копии протокола суда М1030 ВС РК от 06.02.2019 г.. Также она сказала, что на моё заявление о письмах от родных и близких (почему я не получаю 5-6 месяцев), ничем помочь не может, что надо обратиться к дежурному сотруднику опер.отдела

7:45

СИЗО по этажу, которые владеют этой информацией. Ну и на этом спасибо. Наконец-то, хоть маленький сдвиг в этом месяцами мёртвом вопросе.

9:00

9.00. Утренний пересчёт, вынос мусора. И сразу решил поинтересоваться у сотрудника опер.отдела по этажу про письма из свободы, но оказалось сегодня его среди тех, кто проводит пересчет, нет. Ладно, дождёмся завтра. Вспомнил, что сегодня четверг и что хотел держать пост уже по обычаю, но уже поздно. Это результат того, что сидишь в камере, где нет ни телевизора, ни радио, не видишь газет-журналов. Самое малое – тупеешь, а то и деградируешь. Плюс все эти суды, автозаки, разговоры... Готовлюсь к прогулке – коль уже пост не держу, то физические упражнения не помешают. Но в 10.20 мне говорят о бане. Тут я опять понимаю, что голова совсем перегрузилась. Ну, да, по четвергам на 2-м этаже банный день. Быстро собрал постельное бельё для обмена и банные принадлежности. В прошлый раз с инспектором вроде как договорились про условия купания, да и мне, честно говоря, за две недели уже просто не вмоготу искупаться в нормальных (конечно, относительно) условиях, а не в раковине кружкой воды. В-общем, взял вещи для стирки, и мы пошли. Всё прошло хорошо, я купался один. Хотя пошёл на свой страх и риск – вновь зацепить грибок. По возвращении развесил в камере постиранное, совершил дополнительную молитву в благодарность за здоровье. Заварил чай и немного перекусил в одиночку, думая, как же там Эдем агъа.

12:00

Обед сегодня немного затянулся. А в 12.00 в камеру пришли три человека в форме. Узнал их с трудом (потому что не представляются) – сотрудники медсанчасти Управления ФСИН (у одного успел прочитать «Павленко») и начальник медсанчасти СИЗО Ищенко. Зайдя в камеру, спросили Э. Бекирова. Я сказал, что он в суде. Они повернулись уходить, но я успел добавить, что переживаю за него, так как увезли его утром (7.40), суд должен быть вечером в 16.00, приедет он в СИЗО не раньше 19.20, будучи весь день без пищи и инсулина, что для диабетика опасно. На что, уходя, (тот самый Павленко) произнес: «Как-

то неправильно всё это получается». А Ищенко, уже за закрытыми дверьми, ответил: «Ну, а что он не взял с собой, кто виноват?». Да уж, подумал я, чего ещё ожидать...

Тут уже как раз приехал обед. Я взял сразу и диету, и суп на двоих, чтобы вечером, после дороги, Эдем агъа поел немного борща. А сам, пообедав, решил заняться немного своим дневником и остальными письменными работами. Потому что вчера не успел: и поздно приехали, и долго обсуждали события с Эдем агъа, и заявки на утро написать надо было. Вспомнил, что вечером, как только объявили об утренней отправке на суд Эдем агъа, он попросил помочь написать его речь, чтобы во время суда не растеряться. Воспроизводить речь здесь не буду, он её привезёт, и я просто приложу её к дневнику (как и текст речи Эдем агъа, переданный ранее на отдельном листке в клеточку формат А4).

Немного поработал в одиночестве над текстами, пока не принесли ужин. Я совершил молитву, немного перекусил. Сам же всё жду Эдем агъа и думаю: лишь бы в его состоянии, к тому же без лекарств и пищи, ему не стало плохо на суде. На столе всё приготовлено. Время 18, 19, потом 20.00, а его все нет. Я уже думаю: либо ему точно стало плохо, либо он все-таки вышел под домашний арест. Решил помолиться – за него и за всех. И вот, когда завершал молитву, услышал, как в коридоре цокают костыли Эдем агъа и его голос. Я-то уже стал думать, как одному тут с ума не сойти в этой камере, или кого мне сюда поделят...

20:00

20.40. Открывается дверь, входит Эдем агъа с улыбкой и радостью, увидев меня. У меня аналогичная радость от того, что он здоров. Ну, а что не отпустили — это не удивительно. Тем более для меня. Я-то уже давно с этим борюсь и, так сказать, в теме. Вот Эдем агъа, конечно, ещё временами падает духом, не видя выхода или рассчитывает, что вопрос могут решить адвокаты... Помыли руки, и сразу сели к трапезе и обсуждению. Он привёз множество приветов от народа. И сам хоть немного зарядился, повидав родных в суде. В то же время, перенервничал,

20:40

злясь на суд, следователя, на весь этот цирк. Похвалился, как он, достойно узника политических репрессий, выступил в суде. Правда, всё это как горох об стену...

Из всего рассказа удивило мало что, кроме одной маленькой, но важной детали: то, что суд был под председательствующей О. В. Гуриной. Та же, что и накануне у меня. Ясно, что данная неделя – её смена по судам продления (меры пресечения). Но то, что она сказал в начале суда Эдем агъа, лишний раз подтвердило всё то, что я писал во вчерашних своих наблюдениях и однозначно теперь укажу в своей апелляционной жалобе.

Итак, судья О. Гурина (которая по возрасту годится в дочери Э. Бекирову) позволила себе произнести вопиющей циничности фразу: «Я не удивлюсь, Бекиров, если вам станет плохо и нам придётся вызывать врача», – извращённо воспринимая состояние Эдем агъа как хитрость и притворность с его стороны, чтобы выйти на свободу. И это слова судьи, призванной быть нейтральной стороной, это человек, который, если только взгляд не замыленный, должен сразу видеть больного человека, тем более с такими явными признаками.

Вот это я называю тем, что ФСБ руководит всеми процессами в политически мотивированных делах. Судьи, прокуроры, СИЗО, МВД совершают, один за другим, преступления против человечества и преступают даже свои национальные законы, УПК, УК и т. д.. Через какое-то время они сами начинают верить во всю эту чушь и ересь, потом уже без всякого принуждения ведут себя как люди с открытыми глазами, но мертвыми сердцами. Эдем агъа ответил забывшей, каким должен быть судья, даме в мантии вполне доходчиво: «Кому и когда станет плохо, известно только Богу. Я не лезу в эту область, но помню всегда, что жизнь наша в Его руках и воле».

По пути туда и обратно Эдем агъа повидал Тимура Ибрагимова, Эрнеста Аметова, Диявера Гафарова и других. Передал от всех большой салам алейкум. Зарядился их стойкостью и позицией вести борьбу

до конца. Наш разговор опять затянулся до поздней ночи, а я ещё собирался написать (адвокат пишет свою) апелляционную жалобу на решение Киевского суда от 06.02.2019 г.. Несмотря на позднее время, чтобы не пропустить сроки, первую часть своих замечаний я отписал и подал. В основе это то, что я записал в дневнике вчера.

Время опять перевалило за полночь. Эдем агъа пытается заснуть, но после эмоционального дня сон не идёт. Он ёрзает из стороны в стороны, а в те промежутки, когда засыпает, разговаривает во сне... Я сижу рядом, пишу и вижу, как он болезненно переносит всю эту несправедливость. На глазах у всего мира в XXI веке, когда все громко кричат о международных нормах, правилах, о гуманности, человечности, агрессия и вопиющая наглость тирании РФ просто превращает в пыль все эти громкие лозунги, тома конвенций ЕС, ООН, ОБСЕ. Говорить что-то, что успокоило бы его и его мысли не могу, ибо возразить, противопоставить нечего – надо верить и ждать помощи Бога!

00:00

День 14

08.02.2019
Пятница

Очередная пятница. Особый день в еженедельном ритме жизни всех мусульман. Конечно, даже в наших ограниченных тюремных условиях мы пытаемся как-то выделять этот день, и если не можем посетить обязательный коллективный намаз – полуденную молитву в мечети (как это положено на воле), то остальные рекомендованные действия и обряды стараемся соблюсти.

В 5.20 по обыкновению, продольный собирает заявки. Я передал написанную накануне вечером апелляционную жалобу. В 6.30 баландер принес завтрак. В 7 часов инсулин. Левитанша нас сегодня пропустила, потому что внешних заявлений в среду не было, уведомлений о суде

5:20

6:30

9:00

тоже нет. 9.00 часов – пересменка, пересчет, вынос мусора. Я опять ищу оперативника, чтобы спросить о письмах (кстати, не только своих: если найду свои, то и письма остальных человек 10-ти, оставшихся в симферопольском СИЗО по 205 ст. УК РФ, ребят, также незаконно лишенных письменного общения с близкими). Но вот незадача, сотрудника опер. отдела СИЗО опять нет на пересчёте. Ну что ж, времени у нас много. Будем вылавливать сотрудников на работе.

9:10

Дальше день хоть и пятничный, но относительно тихий – нет прежних частых посещений и общения. В 9.10 выводной на кабинеты инспектор пришёл и предупредил, чтобы быть готовым. Через 10 минут я уже был в кабинете № 6 для встречи с адвокатами, где меня ждала «железная леди» – адвокат Лиля Гемеджи. Я, конечно, был по-пятничному неизмеримо обрадован такой встрече и возможности глотнуть свежего воздуха проявления активности на воле, возможности сообщить, передать приветы, информацию о событиях в СИЗО, визитах к нашим персонам. Несмотря на то, что во время этапов на суды мало кого интересует наше питание в течение всего дня (описывал ранее), на встрече с адвокатом администрация очень человеколюбива и заботлива. Уже в 11.45 нас предупредили, чтоб заканчивали, потому что в 12.00 обед (хотя, эта забота «о себе»: сотрудники не хотят пропустить свой обед). В общем, неполные два с половиной часа беседы пролетели как полчаса. Многое хотелось сказать, услышать, но огромное спасибо за эту встречу и визит Лиле. Она совершила очень благое дело, прошла через настоящие испытания на пути к своим подзащитным.

11:45

На самом деле: каждый адвокат, чтобы посетить своего клиента, должен в 6-7 утра явиться к СИЗО, записаться в очередь и умудриться попасть на свидание с нами (арестантами), так как в СИЗО около 1500 человек. А кабинетов для свиданий 6-8, приёмные дни Пн-Пт, но Пн и Чт только после обеда). Да, конечно, можно было после обеда продолжить общение с Лилей, коль уж она с утра прождала немалую очередь, но это аж с 14 часов – именно тогда заканчивается обед. И я знаю, сколько

дел у адвокатов, количество которых, по таким делам, к сожалению, единицы. А дел уголовных, административных, которые штампует государственная репрессивная машина, десятки, сотни... Поэтому мы наметили план действий, я взял некоторые ФЗ по СИЗО и профучёту, на который меня без меня поставили, и попрощался с ней до следующей недели.

12.10. Я уже в камере. 12.30. Принесли обед и диету. 13.00. За трапезой я рассказал Эдем агъа все новости из общения с Лилей, передал многочисленные приветы, которые принесла Лиля нам обоим. Это утреннее общение сполна зарядило нас с Эдем агъа, потому что в тюрьме самое простое малое слово приветствия в письме или через адвоката несёт в себе колоссальный заряд энергии, воодушевления на борьбу, дух единства и солидарности. В 14.40 прогулка. Как всегда, Эдем агъа остался мечтать о свежем воздухе, а я пошёл немного размять кости. Борьба продолжается. На воле ждут сотни, а может, не преувеличу, тысячи неравнодушных соотечественников, друзей, родных, и мы должны быть здоровы и полны сил, когда всё это беззаконие закончится. А это непременно случится – рано или поздно. Так было всегда в истории, и это обещано Милостивым, Справедливым Богом, Который во всем происходящем непременно заложил благо для нас, хоть сейчас нам это не ведомо и не понятно... И потом ещё предстоит много работы.

15.45. Вернулся в камеру, умылся. Помолился. Выпили чаю. Баландер привёз ужин. Не успели получить еду, как в двери опять раздался шум кормушки и меня позвали принять пятничные угощения от родных и близких. Наш вечерний стол стал поистине пятнично-праздничным. А тепло родных и народа, переданное в каждой вещи посылки, наполнили до верху сегодняшнюю чашу радости и позитива с воли. С Эдем агъа мы ещё долго разбирали и распределяли посылку, обсуждали насущные и уже до боли зажёванные реалии Крыма, народа, мира и... своих уголовных дел. В каждом эпизоде я пытался найти и показать позитив, чтоб Эдем агъа, падающий духом, не терял веру и надежду на

13:00

14:40

15:45

благой исход. Этот разговор у нас затянулся до поздней ночи. После чего я ещё заполнял дневник. Заявления сегодня писать бессмысленно, ибо впереди выходные и никто их забирать не будет. Время – далеко за час ночи...

1:00

День 15

09.02.2019

Суббота

6:20

Опять выходные – будет сравнительно тихо и спокойно, без будничной суетливой жизни тюрьмы, когда есть суды, следствия, кабинеты, комиссии. В радость, что в пять утра не прерывают сладкий сон, собирая заявления. И только в 6.20 пробудил баландер с завтраком. Поблагодарив за заботу, мы попросили передать наш паёк в более нуждающиеся камеры, где нет поддержки и передач с воли. Мне говорили (и остальные ребята по нашим делам подтвердили) – таких арестантов 80%. Им месяцами, годами никто ничего не передаёт. Причин этому много. Видеть такое положение людям с нашим пониманием жизни, очень тяжело... Конечно, помочь и поделиться со всеми нет возможности, но и стать черствым и бессердечным, видя такое и живя в таких условиях годами, тоже боишься, потому что во вчерашней передаче нам прислали свободской вкусный пропечённый хлеб. А это единственное, что мы брали по утрам у баландера...

Сегодня, 9 февраля, моему первенцу, которого я назвал в честь пророка Юнуса (а.с.) (библейский Иосиф), исполняется 8 лет. Мои мысли и воспоминания сегодня связаны с его рождением, воспитанием, походом в 1 класс (то, что я успел застать на воле) и множеством других разных событий. Несмотря на сложности с его здоровьем при рождении и первый год воспитания, когда нам говорили, что будут проблемы по всему периоду роста – слава Богу, он у меня умница во всех направлениях. Я немного успел ему дать и немного увидеть, так как сознательный его период жизни начался, когда меня уже рядом нет. Но я знаю, что гены в

нем достойные и окружают его сегодня лучшие родные: любящие мама, бабушки, дедушки и вообще, весь народ, который считает детей политузников своими детьми. А ему, как и более чем ста детям других узников тиранического режима РФ, действительно оказалось предписано раннее взрослое крымское детство.

Так назвал одну из своих выставок Антон Наумлюк. Ему отдельный привет и спасибо за всё, что делал и делает в освещении и посильной помощи в наших крымских делах. Последнее, что мы с ним успели сделать, когда я ещё был на свободе, 19.05.2018 г., за два дня до моего ареста, в очередной раз посетили и помогли Алие Ваитовой, матери Сафии Ваитовой, которые уже 4 года ждут своего мужа и отца – фигуранта севастопольской четвёрки «дела ХТ» Рустема Ваитова, который в числе первых ощутил на себе пресс и «мощь» силовиков РФ и её «надёжный» инструмент борьбы с инакомыслием – Фемиду местного пошиба.

Так вот, именно семилетнему Юсуфу были посвящены мои напутственные слова перед выходом из дома в день обыска и ареста. Именно он из всех остальных (Джемиле 5 лет, Наджие 4 месяца) ясно осознавал происходящее, сдерживал, как настоящий мужчина, слёзы и четко отвечал, что выполнит мои наставления и будет опекать семью и помогать взрослым с младшими в семье. Что будет усердствовать в учебе, спорте и не собьётся с жизненного пути, указанного миролюбивой, чистой и Божьей религией Ислам. Что никогда не примет ту ложь, что вешают на отца и других наших соотечественников, и не будет стесняться своего отца, этнической и религиозной принадлежности. Сегодня я не могу ему ничего сказать и передать, но я написал ему несколько строк до встречи с адвокатом, чтобы ему сообщили, что папа их помнит, любит и скоро вернётся. Что напоминаю ему о том нашем договоре и завете, который оставил ему 21.05.2018 г. перед выходом из дому. А я лишь могу, находясь тут, ежедневно поминать своих детей и семью и всех остальных узников, их семьи и народ в своих молитвах. Это минимум, который могу и должен сделать я и каждый, кто не находит сил на большее...

А здесь, тем временем, обед, а через час прогулка, после которой продолжение общения за чаепитием, когда мы пытаемся представить, что происходит дома, в Крыму и мире. Как в Украине заняты выборами, в Венесуэле переворотом, в РФ «чемоданами без ручек» – Крым и Восток Украины («ЛНР», «ДНР») и, в целом, весьма сомнительной, если не сказать самоубийственной, внутренней политики (впрочем, как и внешней). Так, в общении, с периодическими перерывами на ужин, молитву и т. п., провели мы остаток дня. В процессе разговора находили и нечто положительное в происходящем с крымскотатарским народом: очищение от лицемерия, усиление веры, ибо только она способна успокоить сердца, объединяя и усиливая этническую общность, отрицая навязанный термин «чужая война», если беда происходит с твоими, пусть даже не знакомыми или далёкими соотечественниками, единоверцами. Ибо, как передал пророк Мухаммад (с.а.в.), мусульмане подобны одному организму в своём единстве. Когда болит один орган или часть его, боль и тревога по всему телу отдается жаром.

Параллельно с этим думали, как бы решить вопрос с лекарствами, которые закончились у Эдем агъа. Без них, и так тяжёлое, существование в наших условиях может стать резко критическим. Раз в медсанчасти нам сказали, что препаратов у них нет, то и нам, без связи с родными, остаётся только терпеть и надеяться на Бога до понедельника. В четверг на суде родственников попросили привезли лекарства.

День 16

10.02.2019
Воскресенье

7:00

Проснулся аж в 7.00, когда пришел врач с дозой инсулина. Баландера в начале седьмого даже не услышал или что-то смутное сквозь сон помнится. Просто каждый день ложусь глубоко за полночь, не всегда сразу засыпаешь – бывает,

по полчаса-час крутишься, в голову лезут разные мысли, планы, стратегии, воспоминания, тревоги... И, как результат, в воскресный день, когда в продоле меньше возни, получается больше поспать. В последнее время сны очень разного содержания с разными участниками. Это не только семья, сегодняшние друзья, друзья детства, юности, но и встречи с правозащитниками, политиками, эпизоды обыска, суды, некие международные заседания, конференции, переговоры с ФСБ, их сворой, а также эпизоды глобальных геополитических мировых трансформаций. Конечно, это результат постоянных общений, размышлений, активного участия в общественных делах ещё в период, когда был на воле.

Да и сейчас, когда находишься в тюрьме и даже в супер изолированном уголке СИЗО-1 Симферополя, по причине, имеющей в основе очевидный политический подтекст и приказ свыше, облеченной в формально законную оболочку профучёта и вытекающего из него особого внимания к моей персоне, обвинённой в страшной террористической статье 205 УК РФ. Естественно, все события последних двух недель хорошо напрягая, оседают где-то там в голове. Конечно, я не сдаюсь, не показываю никому своё состояние и стараюсь быть, что называется, в боевой форме. Но все мы ограниченные в своих возможностях люди, у каждого свой предел прочности, свои периоды усталости и перезарядки. Да и жизнь наша в последние 5 лет насыщена исключительно тревожными, драматичными, превращающими в пыль всё международное право, мораль, меняющими расклады сил чередой событий. На нашу долю пала невероятная история человечества, которая после мировых войн, ядерных катастроф и т. п., казалась немыслимой. Взгляд немного вперёд показывает: то ли ещё будет...

Короче, всё это даёт свой эффект мгновенных послаблений. Но хочу всех заверить: не дождетесь. Слава Богу, Который наделил разум и сердце светом, неиссякаемым зарядом сил и энергии. Сила веры во все века и истории человечества давала, и даёт мне,

то, чего никогда не понять безбожнику или грешнику, поступающему беспечно и подло, в первую очередь, в отношении самого себя, своей семьи, своего народа, страны, в которой живёт; он не созидает, а действует как паразит, как трутень, он разрушает и убивает. Имея свет и мудрость веры, понимаешь, как низки в своем положении эти приспособленцы, коллаборационисты, лицемеры, безбожники. И как высока и достойна позиция верующего, страшасьегося Того, Кого не видно...

Как и вчера, день двигался своим чередом выходного дня. Обед, инъекция инсулина, прогулка, ужин, снова инсулин. И между всем этим общение, чтение, молитвы. Сегодня решили ещё и так называемую баню в наших скромных условиях устроить. Согрели воду. Я помог Эдем агъа помыться. После он побрился, и тело хоть частично задышало, а на душе появился какой-то маленький фрагмент удовлетворения и счастья. Дальше я решил подготовиться к понедельнику и написать очередные заявки на имя С. Бережного.

1. Заявление на подписку за мой счёт двух российских печатных изданий: а) «Новой газеты» (мне нравится форма и риторика статей); б) «Итоги недели. ру» – неплохо для обзора событий. У меня на лицевом счёте осталось 1200 рублей из 2000, которые родные положили ещё в мае, в первые дни ареста, чтоб я мог совершать покупки в магазине ФСИН СИЗО (помимо того, что приходит посылкой). Но в этой стране и данная услуга и опция работает с переменным успехом, так что я успел сделать лишь один раз заказ на 800 руб., а потом всё прекратилось. Так что вот уже 9 месяцев нет ничего и, вроде, не предвидится. Поэтому решил хоть так использовать то, что есть. Не им же дарить.

2. Очередное заявление с просьбой дать разъяснение по поводу моих входящих писем от родных, близких и народа, т. к. на все прошлые обращения ответа так и нет – как по этому вопросу, так и по другим. Думаю, поэтому и не ведётся журнал учёта жалоб и обращений обвиняемых, утвержденный Минюстом РФ от 14.10.205 N° 189,

приложение № 5. Как говорится, нет истории, нет и следа проблемы.

Это тоже повод продолжать правозащитную деятельность, впрочем, как и журналистскую. Хотя – это то, что должен делать любой человек с активной жизненной позицией, и то, к чему призывает моя религия: быть полезным и говорить правду, пусть даже несправедливому правителю. Ведь, поистине, это не уменьшит мой жизненный срок и не сохранит мой жизненный удел – всё это только в руках и воле Бога, Пресвят Он и Велик. В-общем, мы написали апелляционную жалобу для Эдем агъа на незаконное постановление Киевского районного суда от 07.02.2019 г. Результат заранее известен, но для Эдем агъа крайне приятна сама забота. Он и сам понимает, что всё это формальность. Но как говорит наша религия – от нас действия, а от Бога победа (результат). Да, конечно, это всё закончится и все эти действия когда-нибудь, надеюсь, скоро, заставят отвечать беззаконников, тиранов.

День 17

11.02.2019

Понедельник

5:20

8:15

5.20. Передал инспектору всё, что подготовил вчера для отправки в СИЗО (подписка на газету, письма от родных) и в апелляционный суд (жалоба Эдем агъа). Часов в 6, после завтрака я начал пост понедельника. Пришедшая в 8.15 Левитанша сообщила, что Киевский суд продлил меру пресечения до 9 апреля 2019 г. Но уведомлений о суде и ходатайстве следователя Д. Громашова я так и не получил, даже постфактум. Хотя на суде судья О. Гурина громко заявляла, что всех уведомили. Во время утренней пересменки дежурных я опять ищу сотрудника опер. Отдела СИЗО, которого нет с прошлого четверга. Всё же ищу его, чтобы сдвинуть с мертвой точки вопрос писем от родных (инициатива «Яз, умметим»), которых не получаем уже 6 месяцев.

- 10:15 В 10.15 пришли инспекторы по прогулке, но я отказался – не хочу насиловать организм во время поста физическими нагрузками, а просто для прогулки воздух холодноват. Когда баландер принёс обед (любимый гороховый суп), мы взяли, как обычно, первое и диету. Эдем агъа принял инсулин, пообедал, а я оставил своё на ужин к разговению.
- 13:10 В 13.10 продольный инспектор предупредил, что сейчас придёт комиссия ОНК – нужно подготовиться, привести всё в порядок. Вслед за ним через две минуты прибежал фельдшер медсанчасти – просил «чтобы всё было ровно». Я сказал Эдем агъа: «Мы ничего не придумываем и не преувеличиваем. Нас реально урабатывают и не слышат, почему мы должны молчать?». На что Эдем агъа говорит: «Да я уже устал от их проверок, экспертиз, судов. Сколько раз уже приходили, толку нет. Ничего не хочу говорить».
- 13:20 В 13.20 открывается дверь, и в камеру входят: сотрудник СИЗО с видеорегистратором в руках, начальник С. Бережной, представитель управления медсанчасти ФСИН Павленко, секретарь Бережного (девушка с чёрными волосами), два представителя ОНК. Одного знаю – это А. Козырев, он приходил, когда я ещё лежал в психиатрической больнице (декабрь 2018 – январь 2019). И он же реагировал, когда я был ещё на воле, 29-30 апреля 2018 г., и мы били тревогу по состоянию здоровья Узеира Абдуллаева. Второй из ОНК не представился – это пожилой мужчина в очках, кажется, его имя Раим (могу ошибаться).
- Козырев сразу обратился к Эдем агъа: «Ну что? Как вы тут? Какие жалобы?». Эдем агъа: «Да что вам сказать? Нечего мне сказать. Всё, как всегда. Лежим, ничего не меняется. Сахар держится». Представитель ОНК: «А результаты медэкспертизы получили? Согласны с ней?». Эдем агъа: «Получил, но не согласен. Экспертизу провели не корректно: и к диагнозу, и заключению подошли не с той стороны. Не выявив основы и причины, констатируются факты». ОНК: «Ну, а по условиям содержания?». Эдем агъа: «Да нет у меня претензий к администрации. Относятся хорошо, не оскорбляют».

Тут я был вынужден вмешаться, потому что: а) могли меня вообще не спросив, уйти; б) Эдем агъа из-за отчаяния не договаривает истины нашего, и, в частности, своего положения. Я: «Позвольте заметить, мы в камере под круглосуточным наблюдением камеры (видео). Это сильно давит и не дает личной жизни». Бережной: «Это по всей России, так и в СИЗО, будет везде так, я уже это тебе говорил». Козырев: «Ну да, это в России так принято».

Я: «Спорить не буду. Не согласен, что правильно. Дальше смотрите, в камере нет вытяжной/приточной вентиляции». Козырев и Бережной перебивают меня: «Вон, у вас окно, пожалуйста, открывайте, проветривайте». Я: «Вы меня не слышите, я говорю про отдельное инженерное решение, требуемое по санитарно-гигиеническим нормам СН и Па для обеспечения свежего воздуха в помещениях, где проживает человек, а форточку открыть, ещё и зимой — это заболеть или протянуть спину». Козырев: «А да, я вас понял. Ну да, получается, нету». Бережной: «Очередь дойдет – будет».

Я: «Так вот, в помещении есть грибок или что-то, что вызывает удушливую аллергическую реакцию и сухой кашель». Козырев, перебивая: «Бекиров, у вас есть жалобы на кашель?» Бережной в этот момент, параллельно: «Нету тут грибка». Эдем агъа отвечает: «Да есть кашель, я обращался в медчасть». Козырев: «Дело в том, что кашель может быть связан и с принимаемыми лекарствами от сердца. Я сам через это прошёл, так как были проблемы с сердцем. Пересмотрев средства, лекарства принимаемые, вопрос решил. А когда появляется кашель?». И попросил человека с управления ФСИН, предположительно Павленко, посмотреть лекарства, которые принимает Эдем агъа. Эдем агъа отвечает: «Кашель постоянно. А лекарства, чтобы определить то, о чем вы говорите, это нужна консультация кардиолога, а не решать самовольно». Я: «Кашель усиливается к вечеру. А терапевт, который осматривал на прошлой неделе Эдем агъа, сказал, что кашель аллергический, скорее всего, от аллергена или грибка в камере».

Козырев, обратившись ко мне: «А вы, собственно говоря, кто? Мы, кажется, виделись?». Я: «Я Мустафаев. Да, мы виделись, когда вы приходили в отделение 15 психиатрической больницы на А. Невского (Р. Люксембург)». Козырев: «Да, помню. Ну что вы скажете? Какие у вас вопросы?». Я: «Я уже начал говорить. Продолжу. В камере нет телевизора. Он должен быть вообще? И ещё: вы (СИЗО и ОНК) по каким нормам и правилам передвигаетесь, проверяете? Вот по этим?». И показываю распечатку «Правил внутреннего распорядка следственных изоляторов уголовно-исполнительной системы» (утв. Минюстом РФ от 14.10.2005г. №189). Козырев неуверенно кивнул головой. Бережной подтвердил утвердительно, но заметил, что нет возможности, так как на очереди женский и подростковые блоки СИЗО.

Я уже не стал дальше интересоваться про очередность, хотя в данной камере до нас телевизор был, и антенна осталась, и места крепления видны за краской, которой перед нами создали вид ремонта и свежести (пригодности) камеры к показательным встречам. Да и в других камерах (90%) есть ТВ. Я: «Если нет возможности у СИЗО, можно обсудить – может быть, наши родные помогут решить, это же другой вопрос». Бережной отмолчался. Козырев поддакнул: мол, ну, наверное, можно, надо обсудить потом. Я продолжил дальше, несмотря на то, что в мимике Бережного прослеживается уже определенная нервозность. Его речь и голос начали это подтверждать. А регистратор в руках инспектора (скорее всего, один из замов или приближённых Бережного), словно бешеная, крутится своим пишущим глазом между мной, Бережным и Козыревым.

Я: «Также мне до сих пор не известны причины моего перевода в эту камеру. Причины постановления, вслед за переводом, на профучёт и явно прослеживающаяся попытка морального и психологического давления на мою личность...». Бережной, перебивая меня, говорит Козыреву: «Ну, это потому, что писала Денисова». Потом поворачивается к девушке с черными волосами (назову её секретаршей): «Подними этот список и эту писанину

Денисовой». При мне, на этот мой вопрос о причине перевода Бережной уже третий раз даёт задачу все-таки поднять документ, потому что тот, который мне показали 28.01.2019 г., оказался о другом. С каждым разом я всё больше убеждаюсь, что такового нет или я в том в списке не один. А если так, почему выбрали именно меня? Ну что ж, подождём ещё, у нас времени много.

Дальше Бережной, отвечая на мои вопросы: «Ты по какой статье сидишь?». Я: «Причастность к терроризму, которая не доказана ещё судом». Бережной: «Ну вот ты сам и ответил. С такой статьей автоматом ставят на профучёт и всё». Я: «Во-первых, меня поставили на этот учёт почему-то аж на 9-й месяц содержания». Бережной, перебивая: «Да, это ошибка сотрудников. Они наказаны, а ты всё-таки поставлен на профучёт, как и все остальные». Я: «Во-вторых, не всех поставили и ставят на данный учёт. Я веду правозащитную деятельность и знаю, о чём говорю, именно за эту активность тут и оказался». Бережной, перебивая, нервничая, повышая голос и громко тыкая: «Все поставлены на учёт». Козырев пытается что-то вставить, но больше получается повторять последние слова-ответы Бережного или мои вопросы, а в результате поддакивать.

Я достал «Приказ Минюстиции РФ от 25.05.2013 г. № 72, г. Москва «Об утверждении инструкции по профилактике правонарушений среди лиц, содержащихся в учреждениях уголовно-исполнительной системы», а также ФЗ от 15 июля 1995 г. № 103 «О содержании под стражей подозреваемых и обвиняемых в совершении преступлений», и продолжил: «А эти документы вам знакомы? Вы согласно их действуете? Разве так обманно, тайно ставят на профучёт? Где основания, рапорт оперативника? Какие планы профработ запланированы? Какой срок нахождения тут? Когда следующая профкомиссия?». Козырев подхватил мои вопросы и обратился к Бережному: «Ну, тут, наверное, работа ведется? Сроки нахождения в этой камере и профучёте ограничены?». Коллега Козырева (в очках ОНКшник) перебивает его и говорит: «Это тут не обсуждается. Не лезь туда».

Бережной что-то выкрикивал, но очевидно злой и уже на эмоциях. Дальше все его ответы были односложные: «Я так решил», «Что тебе не понятно?», «Не обсуждается», «Твоё мнение не волнует», «Тебя спрашивать не собираемся» и т.д. и т.п... Мне лишь оставалось обращать внимание Козырева на риторичность ответов на мои вопросы и очевидное психологическое давление. Я всё же не остановился и продолжил: «Эдем агъа второй месяц не видит бани и прогулки. Что с этим делать?». Эдем агъа добавил: «К инспекторам нет претензий. Они приходят, зовут, но условия не поменялись и поход в баню или на прогулку чреват тяжелыми последствиями для моего здоровья». Козырев: «Ну да, как-то надо решать, будем обсуждать», и смотрит на Бережного. Бережной полушепотом: «Ну, я предложил, что есть».

Я: «В СИЗО не ведётся учёт жалоб, обращений и заявлений к администрации СИЗО». Бережной возразил, перебивая меня: «Мы что надо делаем и реагируем». Я: «Я неоднократно поднимал вопрос про то, что лишён общения с родными и народом. Не получаю письма уже 6 месяцев». Козырев с репликой: «А что там с письмами?», посмотрел на Бережного. Бережной сначала дал команду секретарю передать то, что есть письмо, а дальше говорит мне: «Как раз сегодня рассмотрели твои письма и нашли одно письмо. Тебе его передадут». Я: «То, что, наконец, поискали – хорошо, но писем, минимум, с десятком...». Бережной, опять перебив: «Ну, я не знаю, сколько тебе писали. У нас одно письмо, там, несколько открыток, возможно, они все в одном (твои десять писем) пришли». Я: «Нет, я знаю, сколько писем было, я знаю, что в некоторых конвертах по несколько открыток. Но у людей на руках уведомления от заказных писем, что они доставлены и получены СИЗО». Бережной: «Я не знаю, что у людей. Есть одно письмо, тебе его отдадут. Что не ясно?».

У меня в запасе ещё много вопросов, но, вижу, накал растёт, продуктивности нет, и я решил задать последний вопрос с претензией. «Я уже за период нахождения в СИЗО написал 5-6 заявок на прием врача-терапевта. Из них три

раза только с этой камеры. На последнее обращение лично Ищенко (начальник медсанчасти) сказал, что отреагирует, когда приходил в камеру сюда. Но я так и не увидел врача». Перебив меня, Бережной дал указ своим, чтобы терапевт меня принял, а Козырев, поддакнув мне, повторил: «Будет у вас приём терапевта». Я: «Так вот это и есть результат того, что в СИЗО не ведётся журнал учёта обращений установленного образца, согласно приложения № 5 из приказа 14.10.2015 г. № 189», и показал образец журнала из приказа. Бережной, очень нервно: «Это тебя не касается. Это моё право и моё решение – быть или не быть этому документу. Этот приказ – внутренний документ для меня! Понятно?». Мне лишь осталось кивнуть, развести руками и, посмотрев в сторону Козырева, сказать: «Ну, о чём дальше говорить?».

На этом визит в камеру грозной комиссии, пришедшей решить проблемы больного и обвиняемых, урatabываемых арестантов, завершился, не понятно, на чём. Хотя ожидать большего и не приходится, ведь они все исполнители и шестеренки одной общей политически мотивированной, контролирующей всё и вся агрессивной машины РФ. А ведь это далеко не первый подобный визит с аля-проверкой. Они настолько неумело играют свои роли, что даже не прикрывают формальности своей работы. Подходя к камере, эти – контролирующий и контролируемый типы людей, ещё в коридоре, не стесняясь, с ухмылкой договаривались, как будут говорить, о чём спрашивать и что отвечать. Вот она, вся суть этого мнимого общественного контроля.

Для справки: ОНК в РФ есть давно. Для того, чтобы стать членом ОНК, тебя должны представить правозащитные организации как кандидата – с пакетом документов, заявлениями и т. д.. Но самое важное, эти организации (которые подают своих кандидатов) должны действовать на территории субъекта РФ не менее 5 лет. А Крым только вот теперь отметит пятилетие нахождения в условиях тиранического режима (это незаконно по международному праву и резолюциям ООН). Так вот, для Крыма в 2017

году сделали определенные льготы и решили запустить ОНК в Крыму. Я и ряд других активистов тоже подавали свои кандидатуры, так как адвокатов, готовых входить в политические дела, мало, а репрессий много. Тем более после десятков пропавших, похищенных (яркий частный пример Эрвин Ибрагимов, Ренат Параламов).

Объективные, независимые члены ОНК нужны были в Крыму позарез. Но результат очевиден. На четыре места (именно столько выделили Крыму) на тот момент решили набрать 20 человек и все они абсолютно не известно, кто и где. По крайней мере, когда искали Параламова после его похищения из дома (в Нижнегорске) силовиками, мы членов ОНК так и не смогли приобщить к поискам. Потом в 2018 году был объявлен второй набор членов ОНК. Мы опять подали документы – и опять наша политическая активность, взгляды и т. д., возможно, подошли бы под истинные интересы ОНК, но не для контролируемой и управляемой этой же властью, и ФСБ ОНК. В-общем, для галочки и отчётности по институциональному наполнению Крыма и максимального контроля всё выглядело великолепно, а по факту – вот вам живой наглядный пример – сегодняшний визит ОНК ко мне с Эдем агъа.

К слову, день завершился, а врач-терапевт так и не вызвал меня и не явился сам. В прошлый раз обещал начальник медсанчасти СИЗО Ищенко, сегодня сам начальник СИЗО Бережной. А воз и ныне там... Скажу честно, мне бы очень хотелось, чтоб видеозапись регистратора данной встречи была опубликована или хотя бы изучена прокуратурой, омбудсменом и т. п. на предмет формы, формата и эмоционального наполнения в общении Бережного, ОНК и обвиняемых с их жалобами, где, как по мне, очевидно прослеживаются элементы невербального психологического и морального давления. Слава Богу, пока без физических действий. Хотя каково лично моё дальнейшее пребывание – известно только Богу. Ну, да ладно. День ведь ещё не закончился.

Где-то через час после ухода комиссии оперативный работник администрации СИЗО открыл кормушку и

пригласил меня для вручения письма с 5-6 открытками внутри. Я посмотрел на почтовые штемпеля: дата 31.01.19. Инспектор протянул мне журнал, где я должен расписаться о получении письма. Но, получается, моя роспись ставится задним числом, так как последняя запись в журнале уже далеко впереди. Но это и понятно, ведь сегодня 11.02.19г.. По остальным письмам сказал, что ничего нет. Я говорю ему: «А как же быть с уведомлениями на руках у отправителей о том, что письма доставлены в СИЗО?». На что короткий ответ: «Пусть приходят, будем разбираться», и инспектор опер. отдела пошёл дальше.

Мы с Эдем агъа активно обсуждали все за и против сегодняшней встречи и диалога, о том, что стоило говорить, а что нет. Я понимаю, что Эдем агъа просто устал и хочет домой; даже не домой, а на волю, чтобы лечь в больницу для прохождения тех процедур, которые, по-сути, были назначены уже на 16 декабря 2018 г., но незаконный арест 12 декабря 2018 г. всё сорвал. Эдем агъа в молодости много ходил и доказывал своё. Его семья одна из немногих, которая в 1967 г. вернулись в Крым – домой. После таких же незаконных действий советской власти – депортации и геноцида всего крымскотатарского народа, уже в Крыму заново вкусили все «прелести» возвращения и нового обустройства. Сегодня его здоровье не даёт ему уверенности, чтобы осилить очередной путь борьбы и доказывания, что ты не верблюду.

Да, 5 лет крымских реалий на глазах у всего мира не дали ни грану изменений, ни шагу назад не сделал тиран и агрессор в своей политике беззакония. Конечно, такое положение дел не очень воодушевляет верить в то, что вот-вот всё закончится. Но в то же время, я считаю, что опустить руки — это проиграть. Остановка — это движение назад, а то и смерть. Есть только два направления движения: вперёд — это борьба, и назад — это остановиться, молчать.

День 18

12.02.2019

Вторник

Второй будний день третьей недели моего перевода (незаконного) в К58 и совместной с Эдем агья Бекировым борьбы, в данном случае правильнее сказать с не правосудием (то, что правосудия в РФ нет, мы стали понимать с 2014г. лично), а с самоуправством администрации СИЗО г. Симферополя под началом полковника внутренней службы С. Бережного, который, уверен, действует где по просьбе, где по поручению чекистов ФСБ РФ. То, что у С. Бережного с ФСБ более чем ведомственные взаимоотношения, подтвердилось на недавнем суде в Ростове, где рассматривается дело симферопольских ребят по той же 205 ст. УК РФ, где Бережной по ВКС выступал свидетелем стороны обвинения.

5:00

6:15

5.00 – визит продольного инспектора (без заявлений). В 6.15 баландер принёс завтрак, мы взяли хлеб. 8.15 – утренний пересчёт, пересменка, вынос мусора. И тут случилось чудо: я наконец-то дождался сотрудника опер. отдела СИЗО. Им оказался тот же сотрудник, что вчера мне принёс то единственное письмо. Тут я сразу к нему с вопросом: «Так что там с остальными моими письмами?». Он ответил: «Да, мы нашли ещё одно, адресованное вам. Но оно не прошло цензуру, потому что хм... м... на вашем языке». Я: «Вы хотели сказать, что не на государственном языке?». Он: «Да, точно». Я: «Я правильно вас понимаю, что «ваш» вы имели ввиду крымскотатарский язык? И этот язык не является государственным?». Он: «Да, точно, крымскотатарский язык. Ну да, государственный язык – русский». Я: «Мне кажется, вы забыли, что мы живём в Крыму и крымскотатарский язык так же, как и украинский язык – государственный?». Он: «Вы что, Крым — это уже Россия (я в это время чуть не засмеялся вслух). И сейчас тут государственный язык – русский». Я: «Ну вы, конечно, извините, что смею вновь вам возразить: да, только в

Крым у при Украине крымскотатарский язык в последние годы не был государственным. А при России он снова стал, так же, как и украинский, государственным. И в ряде субъектов РФ государственным, кроме русского, ещё и другой. Вот и в Крыму так. И в суде у меня переводчик на государственный крымскотатарский язык». Он: «Вот пусть ваш переводчик, значит, приходит и переводит», – ответил он, перебив меня. Я: «А что с остальными письмами будем делать? Ведь у отправителей на руках уведомления с почты о том, что письма сюда доставлены?». Он: «Я не знаю. Пусть приходят, будем разбираться», – и пошёл из камеры, устав от диалога.

А я ещё раз увидел уровень образованности персонала СИЗО, очевидную предвзятость к нашему народу и опять вспомнил статью из российского издания «Итоги недели. ру» № 1 (157) от 3-11 января 2019 г.. На странице 4 «Запытали россиянку. В «демократических» США практикуют методы гестапо», автор В. Малышев «Столетие» (stoletie.ru). Рекомендую. Это про «бедняжку» М. Бутину; статья короткая; в ней, по сути, поднимается вопрос, словно автор прочитал мой дневник. Там же, кстати, и про письма говорится.

9.15. Выводной на кабинеты инспектор сообщил, что нужно готовиться к выходу. Через 15 минут я был в кабинете № 8 для встреч с адвокатами, где меня, с 7 утра простояв в зимнее время в очереди, приехав общественным транспортом, ждала наша «железная леди» Лиля Гемеджи. Про неё говорить можно много, тем более мне. Поэтому, сразу к сути.

1. Рассказал про вчерашний визит, спектакль ОНК, про температуру разговоров с Бережным. Обсудили, что с этой ситуацией и по нашему с Бекировым положению делаем дальше. Попросил её постараться получить от ОНК видео с регистратора по вчерашней встрече, чтобы прокуратура и специалисты могли дать профессиональную оценку лексике, манере и очевидному давлению – психологическому и моральному – оказываемому на меня со стороны Бережного и Ко. Но что-то мне подсказывает,

9:15

что данное видео по невероятным обстоятельствам и техническим причинам не записалось, стерлось или ещё что-то...

2. Перекинулись по вопросам уголовного дела. 3. Я узнал о ряде событий на воле: Крым, Украина, мир. 4. Передал приветствие и пожелания Эдем агъа. 5. Узнал, что вчера моя мамочка тоже приходила на прием к Бережному. Попала она к нему на приём после 13 часов, т. е., по сути, после того, как он посетил нашу камеру. Для меня вообще тревожно и дискомфортно, что мои родители вынуждены в своём возрасте, да ещё и за взрослым сыном до сих пор куда-то ходить, что-то доказывать, просить. Но когда узнал, что на этой встрече этот полковник/перебежчик, глядя в глаза матери, ещё и нагло врал и нёс полную ересь, я готов был плюнуть в лицо такому «мужчине».

Он сказал матери: «У него всё хорошо, жалоб нет, я только что от него». По претензиям мамы, он стал уточнять, откуда у неё эта информация. Узнав, что от адвоката, бесстыдно сказал: «Врёт ваш адвокат, он просто отрабатывает деньги. Не верьте ему». А кому же верить? Тебе, предателю, что ли?», – подумал я эмоционально, когда Лиля мне обо всём этом рассказывала. В-общем, опять эти, немногим более двух часов, пролетели почти мгновенно. Сказать, услышать хочется очень много, но спасибо и за этот заряд энергии, активности, настрой на борьбу.

12:10

В 12:10 я снова в камере. Передал все приветствия с воли Эдем агъа. В 12:30 баландер принёс обед и диету. Мы, как обычно, взяли первое. Сразу, пока еда тёплая, решили потрапезничать. Я подробно рассказал о визите мамы в СИЗО и о своём возмущении. Часа полтора мы пообщались. Я жду уже по привычке прогулку, но тут Эдем агъа сообщает, что выводящие инспектора были в 10 часов, когда я ушёл на встречу с адвокатом. Остаться без прогулки было менее предпочтительно, чем без положительных эмоций от общения с Лилей.

Потом мы немного отдохнули, почитали доступную прессу, книги. Так и дождались ужина, после которого продолжили

общение. А оно каждый день имеет всё новые и новые темы, истории, параллели. Вечером продолжил свой дневник. А напоследок написал заявление с просьбой выдать иголки с нитками, чтобы зашить порванную одежду. Эта услуга прописана правилами содержания заключенных. Начало первого ночи – можно ложиться.

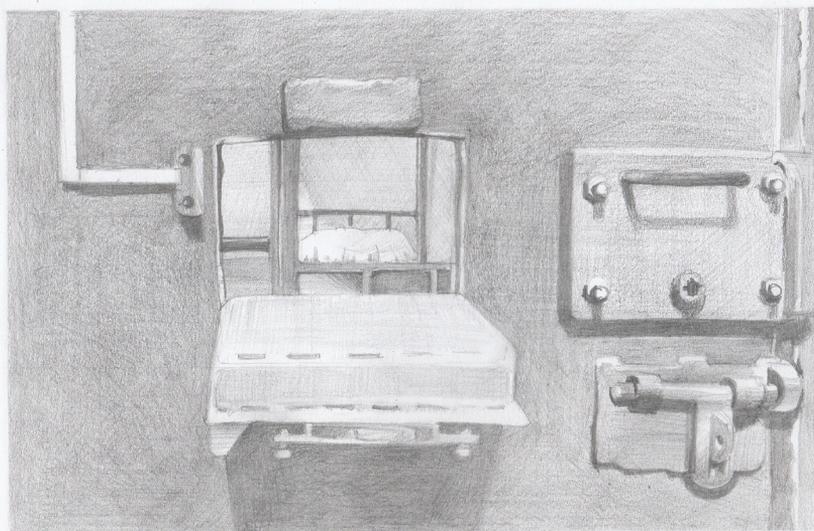
День 19

13.02.2019

Среда

Сегодня утром то ли мы с Эдем агъа спали крепко, то ли продольный не собирал заявки, в-общем, отдать документы я не успел. В 6.00 утра у разбудившего шумом в двери баландера взяли хлеб. Пришедшему через час для инъекции инсулина фельдшеру Эдем агъа сказал, что нужно вызвать врачей, так как показатель сахара

6:00

в крови в последние 4-5 дней катастрофически высок и продемонстрировал память глюкометра, в которой сохраняются данные за 90 дней. Несмотря на приём инсулина, показатель сахара у Эдем агъа 12.5 mmol/l, при норме 5.5-6 (max) у здорового человека. На воле, без инсулина, но посредством диеты этот показатель держался у Эдем агъа на уровне 8 max 1 mmol/l. Фельдшер обещал передать начальству.

8:45

Левитанши сегодня не было — значит с судов и следствия нам ничего нет, ну и мы вчера ничего не отправляли, чтоб сказать, где исходящие. Но я до сих пор не получил извещений о суде, который прошёл 06.02.2019 г. И это не первый случай, хотя обычно приходило после суда на 2-3-й день. Видать, теперь вообще решили не тратить госсредства... В 8.45 очередная пересменка и пересчёт. К нашему удивлению, в составе инспекторов и тот сотрудник опер. отдела, который вчера блеснул отсутствием знаний о государственных языках Крыма. Я спросил его о письменном ответе об отказе администрации СИЗО, якобы из-за цензуры, посчитавшей, что письма на крымскотатарском, т. е. не государственном. Он обещал предоставить письменный отказ в ближайшие дни.

12:20

Дальше день, несмотря на наши ожидания новых приключений, уработок и т. п., шёл невероятно тихо. За дверью зашумело лишь в 12.20. Получая от баландера обед, я увидел новое правило, которого при подаче пищи прежде не было: видеорегистратор с предварительным проговариванием даты, процедуры и номера камеры. Даже баландер удивился: «Ого, тут всё так жёстко». Для нас то открытие двери, выходы-входы из камеры под запись регистратора уже как бы в норму вошли. Но по приёму пищи такой возни не было. Видать, это эхо моего «качания прав» в понедельник, при визите ОНК.

Обед мы получили. Инсулин приняли и напомнили о врачах и высоком уровне сахара. Фельдшер только и сказал: 1) начальник медсанчасти Ищенко в отпуске на неделю (как, опять отпуск?). «Он же только на прошлой неделе вышел! — возразили мы, и продолжили — Ну, ждать его у нас времени

нет. Он может месяцами гулять, а у нас тут серьёзная проблема». 2) «Сегодня врачей нет. Утром при сдаче смены обязательно сообщу», – пообещал фельдшер, пытаясь интонацией и эмоциями показать, что прекрасно нас понимает. Затем мы пообедали и занялись своими делами – кто читать, кто писать. Решили, что сегодня будем купаться и начали греть воду. Этот процесс в наших условиях занимает 3-4 часа.

В 13.30 открылась кормушка, и меня вызвали. Оказалось, по поводу моих заявлений от 08.02.2019 г. 1) о разъяснении законности и причин постановки меня на профучёт по экстремизму/терроризму; 2) о требовании разъяснить, почему в СИЗО отсутствует журнал регистрации заявлений, жалоб и как решать вопросы, когда на жалобы нет реакции. Инспектор объяснил вежливо и доходчиво: 1) эти жалобы попали к нему, но они не относятся к его компетенции; 2) о профучёте сказал, чтобы переписал заявление на имя начальника отдела режима майора Д. В. Луценко – это его направление; 3) об отсутствии журнала предложил написать по следующим адресам: ФСИН, прокуратура, суд, ФСБ; 4) сам же он представился старшим инспектором по воспитательной части Дмитрием Владимировичем Щуриным. Я поблагодарил его за внимание, пояснение и зафиксировал себе для повторного написания.

В 14.20 прогульные инспекторы предупредили, что через 20 минут на прогулку. Я быстро собрался, и тут слышу, как в коридоре за дверью инспекторы ищут команду из 3-4 человек для того, чтобы «вывести на прогулку Сервера». Пытаются решить, «кто будет с Сервером» час стоять на вахте. Слушаю эту суету вокруг меня. Конечно, радуется, что все знают меня по имени, но ведь суть в том, что такой подход ко мне вызван статьёй терроризма и дополнительной командой работать со спецконтингентом, к которому мы с нашей статьёй относимся, по протоколу. Это просто маразм. Как-то конвойный, этапирующий в суды, тоже рассказал, что в те дни, когда на борту их машин есть мы (205 ст. УК РФ), то у них и оплата, и стаж идут по усиленному режиму.

14:20

Собственно, на такой маразм и тратятся колоссальные деньги налогоплательщиков, которым якобы «обеспечивается безопасная жизнь». Но только «террористы» сидят в камерах, а студенты техникумов массово расстреливаются (я про Керчь), дома рушатся, вооружения испытываются на мирных людях. Всё это прикрывают «защитой от терроризма». И ещё: именно такие «успешные» ликвидации «террористических ячеек» типа нашей инициативы, позволяют РФ гордо бить себя в грудь и громко кричать на саммитах БРИКЗ, ШОС и других подобных, какие они передовики в организации антитеррора. Поэтому, мол, давайте, ребята, дружить, а РФ как передовик будет рулить...

16:30

Выводные меня знают уже более 9-ти месяцев. Они сами в шоке от происходящего. Но, работая под регистратором, всё приходится делать по уставу/приказу. С прогулки я вернулся в 16.30 – после 2-х пропущенных дней получилось от души. Тем временем, вода была уже готова. Эдем агъа, оказывается, выводили в санчасть для сдачи крови на анализ. Мы снова оригинальным способом искупались, потом «стандартно» поужинали, произвели влажную уборку полов и уголка WC, организовали маленькую стирку и – пообсуждали с Эдем агъа жизнь и политику. Поговорили об Украине, которой в этом году вряд ли будет до своих политзаключенных в РФ. Год-то у «неньки» весьма бурный – и президентские, и парламентские выборы. Очевидно, что Эдем агъа всё ещё тяжело осознавать своё тюремное положение и понять, что законом в РФ в политически мотивированных делах ничего не докажешь. В-общем, продолжаем уроки психологии и заряд исламской веры и надежды. Когда время приближалось к полуночи, я написал заявление, как днём указал Д. Щурин, заполнил дневник и лёг. Завтра четверг – очередной пост...

00:00

В пять передал продольному то, что подготовил с вечера. Через час запарил овсянку, чтоб успеть немного перекусить перед днём поста. Пришёл баландер «с завтраком под видеореги́ратор». А левитанша не беспокоила, хотя 06.02.19. у меня и 07.02.19. у Эдем агъа состоялись очередные суды по продлению меры пресечения, на которые мы написали апелляционные жалобы с законными требованиями об отмене данного постановления в силу множества как процессуальных, так и собственно правовых оснований для этого. По УПК РФ нам на обжалование даётся 3 дня. Это нормально, ведь если суд 1-й инстанции (в наших случаях Киевский районный суд г. Симферополя) вынес незаконное постановление, то суд апелляционной инстанции как бы должен это исправить, и мы должны увидеть справедливость Фемиды. Но уже так вошло в обычай, что в лучшем случае эти суды (апелляционные) проходят в конце срока в два месяца, на которые продлил суд 1-й инстанции.

Пример: на мою апелляционную жалобу от 5.12.18 г. апелляция прошла 28.01.19 г., а уже через неделю было очередное продление. В худшем же случае данная жалоба (апелляционная) может быть рассмотрена тогда, когда получится. Например, постановление Киевского районного суда от 05.10.18 г. было рассмотрено 22.01.19 г., когда фактически уже смысла в этом абсолютно не было, так как 05.12.18 г. было очередное продление. Это ещё одно доказательство того, что все эти суды фикция, заказные. Их решения, как, впрочем, и остальных судов по политическим преследованиям, заранее предрешены, и гнать лошадей, чтоб в законные сроки вести свою работу смысла нет. Вердикты продиктованы сверху, ругать никто не будет, но упразднить все эти формальности, предусмотренные законом, будет очевидным подталкиванием общества к восстанию. А так – мы вроде живём в правовом государстве...

До сих пор нет и ответа следователя ФСБ Д. С. Громашова на моё ходатайство о предоставлении разрешения – моего законного права на встречу с семьёй, родными. Это разрешение мы не получаем годами. Пока нет ответа и от администрации СИЗО на все те множество заявления по условиям содержания, быту и объяснения обстоятельств усиленного контроля за мной и моей изоляции. Ну, что ж, коль уж обвиняют меня в терроризме, значит надо соответствовать: буду им устраивать бумажный, почтовый «терроризм». Наше дело лёгкое, будем писать...

Во время утренней пересменки, пересчёта я жду режимника опер. отдела с его письменным ответом о причине, по которой письмо, отправленное от общественности в тюрьму, не прошло цензуру (напомню, он мне официально сказал: «потому что на вашем языке, а не на государственном, русском»). Оказалось, сегодня пришёл другой опер, наверно тот всё ещё составляет текст своего незаконного ответа. Но мне есть, что сказать и новому оперу. Я обратил его внимание на то, что в камере есть унитаз, но нет ёршика и средства для чистки и санитарно-гигиенической обработки и уборки этого, огражденного полиэтиленовой занавеской, уголка в камере, именуемого WC (туалет). Кстати, после неоднократных жалоб и заявлений, наконец-то принесли новую занавеску на этот WC, т. к. старая была очень страшная и грязная. Принесли веник и совок – их не было вообще; принесли ведро из-под рыбы вместо запрашиваемого тазика для стирки личных вещей.

Мой вопрос о ёршике почему-то озадачил оперативника. Я ему для убедительности сказал: «Мы, надев несколько пакетов на руку, по возможности проводим уборку и обработку унитаза, но это же неправильно!». На что он, ещё думая, сказал: «Да, это не вариант. А вам передачи делают?». «Да, делают, но такие вещи не пропускают», ответил я. На что он сказал: «Напиши заявление, я подпишу и пропустят». Ну, думаю, хорошо. Тоже вариант, хотя СИЗО должно эти вещи само обеспечивать по закону от 14.1.2005 г. № 189 – ведь сами урабатывают нас в этих

условиях содержания и давления: мол не по личной неприязни, а по зову закона...

Тут же инспектор, которому днём ранее говорил об иголке с ниткой, ответил, что, к сожалению, на данный момент на этаже у него в распоряжении нет иголки с ниткой, а когда будет неизвестно. Ладно, подумал я, и этот вопрос включим в следующие свои жалобы и борьбу за жизнь по закону. По правилам внутреннего содержания от 14.10.2005 г. именно у продольного инспектора должны быть иголка, нитка, нож, ножницы и по первому требованию обвиняемых предоставляться во временное пользование.

Пересчет прошёл, а наш с Эдем агъа день начался. У меня это день поста, такой вялотекущий по активности, так сказать, в режиме энергосбережения. Тем временем, нам привезли обед и диету. Мы всё получили. Из длинного списка диеты, предусмотренного законом, Эдем агъа выдавали молоко + сок 100 мл + мясо (курица/говядина 50 г); по остальному уже давно говорят, что пока нет. Но сегодня, не знаю как надолго, появилось масло. Ура, подумал я. Масла два куса по 15 г. Однако стоило попробовать это масло, как иллюзии пропали. Потому что маслом это не назовёшь. В лучшем случае маргарин, а то и комбижир или что ещё из достижений органической химии XXI века. Да уж, думаю, такой диетой не то, чтобы выжить в этих нечеловеческих условиях, а не вогнать бы – медленно или быстро – себя в могилу, на радость тем, кто фабрикует следствие и уголовное дело... Эдем агъа пообедал (без масла, конечно) супом. Я оставил на вечернее разговение сегодняшней, похожий на борщ, суп. На борщ – потому что он красный, а так: картошка, водичка и, кажется, кормовой буряк.

В 13.30 пришёл инспектор-банщик и сказал, чтобы готовился к бане. Я собрал постельное бельё – своё и Эдем агъа, банные принадлежности, и на свой страх и риск, боясь снова подцепить грибок, пошёл в баню (если это можно так назвать). В 14.00 я уже в камере раскладывал вещи и расстилал белье «свежее» – по крайней мере, так себя успокаиваем, что «свежее». Я совершил молитву.

13:30

14:00

Решили немного почитать. А там, глядишь, и вздремнуть. В 16.45 прибежал кормилец с ужином. Мы взяли рагу и рыбу. Пост заканчивается в 18.17, поэтому ждём.

Кстати, пока я был в бане, Эдем агъа водили на 3-й этаж для сдачи крови. Видать, наши жалобы о поднятии сахара в крови, на артериальное давление (150-160 верхний показатель) дали результат. Да, врачей нет, начальник санчасти в отпуске, но, наверное, на понедельник что-то хотят подготовить, торопиться им некуда. Ведь это не их родной или близкий человек. Собственно, даже не человек вольный, а всего-навсего какой-то обвиняемый в опасном для общества преступлении, к тому же, крымский татарин, с «бандеровской» Украины заехал. Ну и что, что он после шунтирования на сердце, с диабетом, без одной ноги, на костылях! Раз доблестное ФСБ сказала, значит он страшный преступник. А послушать вас всех тут, так вы все не виновные...

Как-то так успокаивают себя все эти марионетки – судьи, врачи, прокуроры, преступно выполняя приказы ФСБ, с которым спорить или сомневаться в том, что белое называют (приказывают называть) чёрным — это только себе во вред. Ведь у каждого свои большие и малые грешки, которыми, в случае чего, так прижмут, что мало не покажется... Закат прошёл, можно трапезничать. Накрыли стол, согрели ужин, выпили чай. Я помолился. Потом немного пообщались и я решил приступить к написанию обращений.

Во-первых, к своему любимому несломленному народу, чтобы призвать его не опускать руки и продолжать свой ненасильственный протест против несправедливости и борьбу. А тех, кто ещё смотрит на реальность последних 5 лет современных крымских реалий через призму предателей и коллаборантов, или по принципу «моя хата с краю, я ничего не знаю», «лично ко мне не приходят и не беспокоят» и т. д. (которых, кстати, с каждым новым актом тирании и агрессии ФСБ и российской власти в Крыму – особенно когда в лапы «зверя» попадают далёкие и от политики и от религии, и молодые и старшие,

и мужчины и женщины – всё меньше и меньше, т. к. мнимый/обманный тезис «у нас всё хорошо» становится шатким и сомнительным) – я призвал просыпаться, пока не получилось, как в том анекдоте, когда «меня это не касается» привело к тому, что когда пришли за ним, прийти на помощь уже было некому, т. к. всех их уже посадили.

Во-вторых, письмо Украине – как простым украинцам, так и политикам и власти. Поприветствовал тех, кого знаю: за 6 лет учёбы, работы до 2014 г и с 2014 г до ареста в 2018 г, занимаясь правозащитной, журналистской и общественной деятельностью (которая стала для власти красной тряпкой), успел познакомиться и сблизиться с большим количеством замечательных, отзывчивых, солидарных с нашей ситуацией, людей. Так же хотелось обратиться и ко всем остальным с призывом не быть беспечными, бесчувственными и безразличными к тому, что происходит в их доме – в Украине и украинском Крыму, Донбассе и т. д. – ведь именно так считает мир и сами украинцы. Да и мы имеем паспорта граждан Украины. Но все ждут чуда, что кто-то что-то сделает для нас, при этом обвиняя власть и т. д. Да, много можно найти причин и отговорок, но также много путей и способов, чтобы каждому самому быть полезным обществу, соседу, стране. И с этого надо начинать.

А власти украинской я своё говорил, когда был на воле, и сейчас повторил тоже самое: давайте, наконец, что-то делать реальное, достижимое и посильное в это нелёгкое для всех время. И призвал не увлечься двумя выборами в стране настолько, чтобы потерять 2019 г. Это если вкратце. Ну, а к мировому сообществу в силу своей прошлой активной общественной деятельности, у меня тоже есть к кому и лично, и в целом написать. Там тоже много придумывать не хотел, повторил то, что предлагал ранее. Чтоб кроме громких слов и высокой политики было стремление к конкретным достижимым действиям. Что 5 лет наблюдений со стороны показывает, как на глазах у всего мира РФ превращает в пыль международные правила, нормы и законы...

День 21

15.02.2019

Пятница

Очередная благословенная пятница. Ну и что, что мы в тюрьме. Победу или поражение, праздник или печаль мы создаём себе сами, в своей голове, сознании. Поэтому и я тут, как и остальные узники, пытаемся каждому дню, событию находить свое радостное, благое значение, образ, смысл.

5:00 Пришедший в 5.00 инспектор спрашивает заявки, а я ему, наверное, впервые, говорю нет. Я, конечно, написал заявку на туалетные средства для уборки – то, о чём мы вчера договорились с режимным опером – поэтому мне надо завизировать именно у него. Где-то через час приходит кормилец, но я только заснул, поэтому Эдем агъа сам забрал хлеб. В 8.10 левитанша принесла мне уведомление, что апелляционный суд обязал Киевский районный суд предоставить копию протокола апелляционного суда от 28.01.19 г., хотя я ещё и копию протокола Киевского суда по последнему заседанию от 06.02.19 г. не получил. В 8.45 пересменка, пересчёт. Я вышел в коридор, Эдем агъа, как обычно, остался в камере. И, тоже обычное, один инспектор зашёл, проверил камеру на предмет наличия запретов, порядка и т.д. А я ищу режимника, чтобы подписать своё заявление. Но вот незадача, опять его нет.

11:00 Может они уже боятся приходить в нашу камеру из-за наших постоянных заявлений и требований – уже после завершения обхода обсуждаем с юмором мы с Эдем агъа ситуацию. А пока стоял в коридоре, увидел другого инспектора, который должен был принести официальный отказ о не пропуске моего письма. Но он, увидев меня, решил как-то обойти. Вот, думаю, незадача, и с ним не смог поговорить. Мы зашли в камеру и, думаю, надо прилечь - всего 2-2.5 часа смог сегодня отдохнуть. В 11.00 дверь резко и громко открылась: 4 сотрудника СИЗО просят покинуть помещение для проведения обыска в камере.

Обыски в камере — плановые постоянные мероприятия для выявления тех или иных запретов, т. е. наличия запрещённых вещей в камере (колющее, режущее, плиты электрические, карты игральные и т. д. и т. п.).

В некоторых случаях, при таких мероприятиях нечистые на руку «шмонщики» (те, кто проводит обыск) могут подбрасывать нечто запрещённое. Такие случаи известны, и они не редки, особенно в политических делах, и наших в том числе. Более того, в наших делах даже все рукописи и документы тщательно проверяются и изымаются, а потом, как бы случайно, они появляются в материалах уголовного дела, а «шмонщик» идет свидетелем обвинения, с вымышленной историей про опасного радикального «террориста». Такое случилось недавно в Ростовском суде над симферопольскими ребятами, в частности, пострадали братья Абдуллаевы.

Слава Богу, Эдем агъа разрешили остаться в камере. Минут 30 продолжался этот обыск. Перевернули всё, пытались зацепиться за разные вещи, но всё удалось сохранить, да и что может быть-то у нас запрещённого, когда мы находимся под круглосуточной камерой наблюдения, к тому же каждые 20-30 минут к двери приходит инспектор и смотрит в глазок. Инспекторы-шмонщики обычно говорят: «Ну хоть что-то мы должны вынести». В общем, мне пришлось ещё минут 15-20 наводить порядок. Как и на воле, после обысков в домах, полный бардак, как и на воле, надо быть начеку — могут подбросить, что угодно.

Эдем агъа говорит, что это первый раз. Никогда тут ранее такого не было и, вроде, говорили, мол, в камере с камерой, да ещё под полным контролем, изоляцией и размером 2x5, всё видно, как на ладони, и обыски подобные не проводят. Я посмел его поправить: «Эдем агъа, всё нормально. Раньше тут не было «особо опасного террориста», раньше тут не было видеорегистраторов при всех открываниях двери, раньше отсюда не водили гулять в ПЖ-дворики. Это раньше, пока не подселили к вам меня». Пока навели порядок, подошло время обеда. Сегодня по пятничному режиму положен рассольник, который мы и вкусили.

- 13:00 В 13.00 за мной пришли прогульные инспекторы. Погода сухая, прогулка удалась. Так один в этом маленьком дворике и занимался. Представлял мечеть, коллективный намаз – как раз время проповеди и собирания людей.
- 14:20 В 14.20 вернулся в камеру, где меня ждал Эдем агъа. Заварили чай. Потом я помолился. Потом решили немного почитать. 15.40. Открылась кормушка в двери и начали подавать продукты передачи, которую принесла дочь Эдем агъа Наджие. Вот и стол наш преобразился в праздничный пятничный. Вообще, кажется, обычная посылка/передача, по сути, каждый раз одни и те же вещи и продукты (с ассортиментом особо не разбежишься), но скажу честно, как маленькие дети радуются одной и той же шоколадке каждый раз, так и в тюрьме любое внимание и самая скромная передача весьма поднимают настроение. Воспоминания и ностальгия накрывают, и сознание ощущает запах родных, которые ещё немногим ранее были где-то рядом, за стеной. Спасибо всем за заботу...
- 16:00 Пока мы разложили всё по местам из передачи, в 16.00 открылась опять кормушка и баландер принес пятничные блюда – пюре, рыбу. Ну, мы и решили, не отходя от стола и пока всё тёплое, совершить трапезу. Хотя сегодня она почему-то получилась ранней. Только сели за стол, как выводной на кабинеты инспектор сказал Бекирову, чтобы он собирался. В это время обычно приходит адвокат Эдем агъа – Ислям агъа Велилляев. Я продолжил трапезу. Эдем агъа, истосковавшийся по общению с волей, родными и в ожидании, что люди из органов не могут не видеть его состояния здоровья и скоро отпустят, извинившись за глупую ошибку, быстро собрался на встречу к адвокату, который наверняка принёс хорошие вести.
- Я понимаю, что это дело политическое и тут нет места гуманности, справедливости. Только воля Всевышнего и политические изменения могут поменять наш статус с виновных/обвиняемых на невиновных и вряд ли реабилитированных. Об этом постоянно, корректно пытаюсь донести до Эдем агъа, но пока с переменным успехом. К 17.00 Эдем агъа вернулся в камеру – частично

воодушевленный приветами с воли, коротким движением до кабинета и обратно (он так и не может совершать прогулки в условиях СИЗО уже более двух месяцев), но и немного поникший: новостей о предстоящем освобождении пока нет. Да и адвокат только вернулся из Москвы после встречи с украинскими моряками. Так, в бурном обсуждении сегодняшнего дня, уголовных наших дел и политической ситуации в мире мы скоротали вечер. В 23.00 я сел писать дневник...

23:00

День 22

16.02.2019

Суббота

Сегодня выходной, и утром опять меньше беспокойства в дверях. Продольный инспектор не собирает заявок, левитанша тоже на выходных, как и весь состав администрации СИЗО. Этапов, судов нет; кабинетов тоже нет. В 6.00 пришёл наш кормилец, которому мы сказали: спасибо, сегодня ничего не берём (обычно это был хлеб). Вчера с воли передали вкусный, пропечённый батон. Поэтому праздничный стол с вчера продолжается. В 7.00 пришёл медбрат с инсулином для Эдем агъа, но почему-то впервые попросил его выйти из камеры и пройти в помещение старшинки (место/комната также под камерами, где расположено оборудование охранное, щитки и где собираются дежурные с продольными инспекторами). Это в 2-3 метрах от нашей камеры. Правильней сказать, Эдем агъа сам себе делает инъекцию, а фельдшер лишь выполняет роль передатчика инсулинового шприца из медсанчасти к нам в камеру. Со слов фельдшера, это приказ начальства – выводить теперь в «старшинку» и там проводить процедуру. Для здорового проблем нет, но лежачему человеку встать, одеть протез, выйти на костылях как-то не особо удобно. Ну что ж, посмотрим, и тут, наверняка, есть свой подвох или какая-то причина.

6:00

7:00

Тем временем, в 9 утра очередной пересчёт, пересменка, и я опять ищу дежурного опера, чтоб передать, точнее,

9:00

завизировать заявление на разрешение получения через передачу туалетного ершика и средства для санчистки. Его опять нет. Ну что ж, завтра будем пробовать опять. А пока скучный выходной начался. Мы перекусили, немного почитали газеты, книги; пообщались на разные темы. Думали, к чему бы такое изменение в приёме инсулина. В 11:30 баландер принёс перловый суп и диету. После приёма пищи продолжили чтение и общение. В 12.30 очередной инсулин в «старшинке». В 13.00 прогулка. Погода сегодня ветреная и прохладная. Я попросил, чтоб минут через 30-40 завели меня обратно. Не хочу заболеть. В 13.30 уже в камере совершил молитву и прилёг. В 16.00 баландер привёз рагу и рыбу. Сегодня как-то рано. Ну что ж, пока теплое, отмыли картошку с рагу кипятком от комбижира, нарезали лук, колбасы и вместе с рыбой (тюремная, жареная) поужинали. В 19.00 фельдшер повёл Эдем агъа в «старшинку», на инсулин.

Пообщавшись ещё немного, решил пораньше лечь спать, т. к. в последние дни ложусь очень поздно, а завтра надо написать кучу всего на новую неделю борьбы за свои права и справедливость. В 22.00 лёг. Проснулся в 01.15. Всю ночь не мог заснуть. Лезут абсолютно разные мысли: и о семье, и об уголовном деле, и администрации СИЗО, и об Украине, и России, и мировой политике... Заснул только после 7-ми утра, когда помолился. Даже отоспался.

День 23

17.02.2019
Воскресенье

8:50 В 08.50 пересчёт, проверка камер. Как и вчера, ищу дежурного опера. Но опять безрезультатно. В 9.30 запарил овсяную кашу и заварил чай. Затем продолжил чтение книги. В 11.30 принял обед от баландера. Эдем агъа решил обедать, а я почему-то ещё не хотел. В 12.10 пришли инспекторы на прогулку. Хорошо, что не поел, а то бы тренировка не получилась. Погода вроде сегодня

в норме. Решил сегодня вымотаться в прогулочном ПЖ дворике 2х3 м. Так и получилось. Инспекторы забрали меня обратно аж через два часа, поэтому я максимум выжал от подтягивания, от упражнений на брусьях, отжиманий и приседаний. Пытался на воздухе отвлечь себя от непонятной туманности в голове, загруженности разными мыслями, но не очень получалось.

В 14.05 вернулся в камеру. Прогулка удалась на славу. Тем более, что завтра пост – грузить себя на прогулке не буду. Эдем агъа заваривал чай и говорит: «Ты сегодня от души погулял». За чаепитием Эдем агъа рассказал, откуда растут ноги у этих изменений в приёме инсулина. Он тоже дотошный и не выяснив, не успокоится. Оказывается, на днях, когда ему принесли инсулин и Эдем агъа при враче делал укол, шприц отсоединился от иглы и часть инсулина вылилась. Это всё при враче. Эдем агъа понял, что врач, который набирал инсулин, плохо зафиксировал иглу на шприце, но не стал его гонять наверх в санчасть за частью дозы инсулина, что вылилась. А этот чудо-врач, хотя его по-другому следует назвать, решил выслужиться – доложил начальству, что нашёл причину, по которой у Э. Бекирова высокий сахар, несмотря на приём инсулина. Мол, он не колет инсулин, а пускает мимо. Более глупую чушь трудно представить.

Даже если допустить, что человек может на такое пойти (хотя это значит убивать себя, ведь сахар в крови 13-15-18 mmol/l это не шутки), то ведь все эти уколы делаются при враче вплотную (20-30 см). Разве можно это скрыть? В общем, полный маразм. Но Эдем агъа со вчерашнего дня пытался найти объяснение изменению в месте приёма инсулина. И когда спросил у фельдшера, тот подтвердил. Да уж, подумал Эдем агъа, и на видеорегистратор, который тоже теперь присутствует при процедуре укола (видать, камеры в нашей камере недостаточно), он чётко произнес врачу и инспектору: «Запомните, я никогда не занимался и не занимаюсь этим. Это запрещено». А вечером он оповестил дежурного фельдшера, чтобы утром, перед инсулином он вместе с врачом, под камеру, сделали

14:05

натошак замер сахара у него и сами убедились в маразме, который придумали и в который поверили...

16:00 Кушать я ещё не хотел. Решил прилечь и почитать: может, усну с десятой попытки (с прошлой ночи). Тут мы вспомнили, что сегодня по графику душевые процедуры, если это можно так назвать, и Эдем агъа взялся греть воду. Я поворочался до 16.00 и встал, чтобы поесть. Пока разогрел суп, нарезал курдюк, колбасу, почистил лук с чесноком, привезли ужин – селедку солёную тихоокеанскую (по крайней мере, так написано на ведрах). Её не было недели две. Селёдку мы день отмачиваем, меняя воду каждые 1-2 часа.

17:30 В 17.30 вода согрелась. Я помыл голову и тело по пояс в раковине. Помолился. Потом помог Эдем агъа умыться. Я промыл полы. Постирал одежду в ведре из-под рыбы, которую как раз дали вместо тазика. Затем сделал настойку иммунную (имбирь, лимон, мёд). Потом написал ряд заявлений, ходатайств и жалоб. Время 01.45, а подъём в 5 утра...

01:45

День 24

18.02.2019

Понедельник

Всем доброе утро. Ну вот очередной (уже 4-ый) понедельник в номере №58 ФКУ СИЗО-1 г. Симферополь в глобальной изоляции, тотальном контроле со стороны администрации СИЗО и всё это пока без каких-либо аргументированных, мотивированных, подтвержденных документально причин и т.п. Пока только и слышу, что меня в такие условия загнали якобы за какую-то жалобу на прошлые условия содержания (в К-101) от омбудсмена Денисовой (Укр) к омбудсмену Москальковой (Рос) неизвестного содержания и даты, так как кроме слов я ничего в глаза не видел хоть и уже 4-5 раз просил письменно и 3 раза устно лично начальника СИЗО-1

полковника вн. гл. Бережного С.В. (кстати, переводчика с укр. присяги и службы). Выглядит все это как месть на жалобы, хотя, даже если всё предположить так, как подается, то действия наоборот должны быть направлены на улучшение или хотя бы приведение в соответствие с утвержденными нормами и законами, но никак не перевод на «уработку».

А иначе как объяснить, что меня перевели в камеру с круглосуточным видеонаблюдением; плюс постоянным физическим контролем в отверстие двери (каждые 20-30 мин.), не смотря на пост инспектора по этажу прямо под дверь; перевод с общей прогулки на индивидуальную прогулку (и то после боя, а то вообще хотели лишить таковой, писал в первые дни дневника) в дворики для ПЖ арестантов (2х3 м размер дворика); помещение без телевизор, радио, холодильника и без возможности приема душа (пусть даже импровизированного); все остальное описывал ранее повторять не хочу - это все то, чего лишили. И весь этот беспредел и самоуправство на глазах у всего мира, членов ООН, омбудсмена Лубиной лично, обращений в прокуратуру и т.д. - вот она в лучшем облике «человеколюбящая», «гуманная», несущая «мир всему миру» – РОССИЯ и ее тираническая, репрессивная политика...

Слава Богу, ночь сегодня прошла так, что я смог заснуть и немного набраться сил, т.к. прошлые и ночь, и день прошли без сна. В голове был сумбур, шли разные беспокойные мысли. Утро проспал, проснулся в 6.30 утра, за 5 минут до начала поста. Успел попить воду, съесть финик и ложку меда (спасибо родным и людям, что постоянно присылают продукты). В 5.00, спасибо Эдем агъа, успели передать написанные мной ночью заявления:

1. В ФСБ РК на имя старшего следователя Д. Громашова повторное ходатайство о предоставлении свидания в соответствии со ст. 23 Конституции РФ и ст. 8 ЕКПЧ. 2. Повторное ходатайство (несмотря на уже поданное на суде 06.02.2019 г.) в Киевский районный суд г. Симферополя о получении копии протокола судебного заседания.

6:30

3. Жалоба в Киевский районный суд г. Симферополь о том, что суд не оповещает меня о судебных заседаниях (например, последний суд 06.02.2019 г., уведомление/извещение о котором я не получил по сей день). 4. Заявление в администрацию медсанчасти ФКУ СИЗО-1 на приём врача-дерматолога, ибо опять появилась сыпь на коже, похожая на грибок (ранее, в июле 2018 г. уже была такая проблема после посещения бани СИЗО. Врач-терапевт тоже меня до сих пор не принял – даже после обещания С. Бережного). 5. Заявление на имя начальника ФКУ СИЗО-1 по поводу личного приёма в связи с условиями содержания и моего незаконного перевода.

7:00

В 7.00 пришёл фельдшер с инсулином, правда, уже не выводил в «старшинку»: видите ли, регистратор поломался. В 8:15 левитанша принесла уведомление от СО ФСБ РК Д. Громашова – старшего следователя по моему уголовному делу о том, что мне (как и всем, кто идёт по нему) продлили арест до 18 месяцев – т. е. до 09.04.2019 г. Вот наша оперативность и формальность: суд прошёл 06.02.2019 г., данная бумага была отправлена или подготовлена 29.01.2019 г., а получил я её 18.02.2019 г. 8.55. Пересменка, пересчёт. Я опять ищу инспектора опер. отдела, чтобы передать заявление (о разрешении передачи родными предметов уборки/гигиены санузла), согласованное ещё 14.02.2019 г.. Но его опять нет. Был другой опер, который обещал дать письменный отказ в /передаче писем от родных и соотечественников (по причине того, что письма на «вашем», приёма негосударственным языке. Но он и сегодня этот отказ не принёс (с 12.02.2019 г.).

8:15

11:45

Я решил немного прилечь, т. к. поздно лёг. Вчера не спал и впереди день поста. В 11.45 наш кормилец-баландер принёс обед понедельника – суп гороховый и диету, или то, что от неё есть. Эдем агъа в 12.00 принял инсулин и сразу пообедал, а я отложил суп на вечернюю трапезу. Инсулин опять кололи в камере, т. к. регистратор так и не работает. От прогулки я сегодня из-за поста отказался. Поэтому мы с Эдем агъа немного пообщались, потом решили заняться чтением книг, газет (то, что есть). Сегодня должен зайти

адвокат Ислям агъа Велилляев. Для нас, при тотальной изоляции от мира сего (ни радио, ни телевизора) это глоток свежего воздуха и новости с воли. Время уже 16.00, а адвоката пока нет. Хотя до конца поста ещё почти 3 часа, я всё же решил заняться подготовкой к ужину.

Во время поста, как ни странно, фантазия по приготовлению пищи, сервировке стола оживает – всё это делается с особым желанием. Кто держал пост, тот меня поймёт. Помню, как опасно было выходить на рынок или в магазин, когда держал пост. Всё казалось вкусным, нереально нужным к вечернему разговению. Так и здесь, в тюрьме – аналогично. Тем более, что с вчера мы получили солёную селёдку, которая второй день вымачивается в воде (меняется каждые 1-2 часа, чтобы не испортилась без холодильника и удалить соль). Теперь надо очистить от всех косточек, шкурки, нарезать кусочками 1x1см, и всё это в миску. Туда же нарезаю головку лука, выжимаю половинку среднего лимона (вместо уксуса) и добавляю немного оливкового масла. Затем перемешиваю и даю немного настояться (15-20 мин).

Пока я чистил рыбу, принесли ужин (рагу и опять рыбу – сельдь, значит, завтра повторим наш салат иншаАллах). Эдем агъа промыл 2-3 раза кипятком картошку, чтобы смыть комбиджир. Я нарезал её на куски 2x2см и замешал в рыбу. Вот и получился салат, о котором говорил ранее. Когда был в камере 101, я ещё отваривал морковь и, если получалось привезти буряк, то его тоже. Все это нарезал мелко, и лук тоже. Выкладывая слоями, плюс майонез, делали сельдь под шубой made in СИЗО. 18.20. Я разогреваю кипятивльником гороховый суп, накрываем стол, и в 18.45 фиником, водичкой начинаю разговорение, а затем и саму трапезу.

В 20.00 пришёл фельдшер и сделали ночной инсулин. Вспомнил, что в 10.30 выводной на больничку инспектор пригласил меня к врачу-дерматологу. К нему и в прошлый раз нареканий не было. Она умничка и оперативно реагирует на заявки и весьма профессионально делает назначения. Такое впечатление сложилось у меня в

18:20

18:45

20:00

прошлый раз. Этот поход был коротким: она осмотрела меня и успокоила, что грибка нет, а беспокоит уже проходящая естественным образом фолликула. Ну, и слава Богу, подумал я, поблагодарил её. Заметил, что не могу встретиться с терапевтом, и вернулся в камеру.

22:00

Чтобы не растягивать дневную хронику, стараюсь не детализировать наши с Эдем агъа многочасовые разговоры о жизни, политике, истории и перспективах. Но какие-то фрагменты всё же хочется здесь представить...
Время уже за 22 часа, и я сел писать жалобу в прокуратуру по надзору исправительных учреждений для изложения всех тех фактических нарушений, чинимых в мой адрес, в адрес Эдем агъа и других узников Кремля. Эта аргументированная, подкреплённая ФЗ РФ и др. нормами, разбитая по пунктам жалоба вышла на четыре страницы А4. Сам удивился. Ну вот, столько собралось, хотя ещё на полстраницы осталось точно. Но время уже 01.30, я решил лечь. Завтра прогулка будет пораньше. И правильный режим, ночной сон не стоит нарушать. Эдем агъа до этого проснулся, и мы заснули аж в 03.20...

3:20

День 25

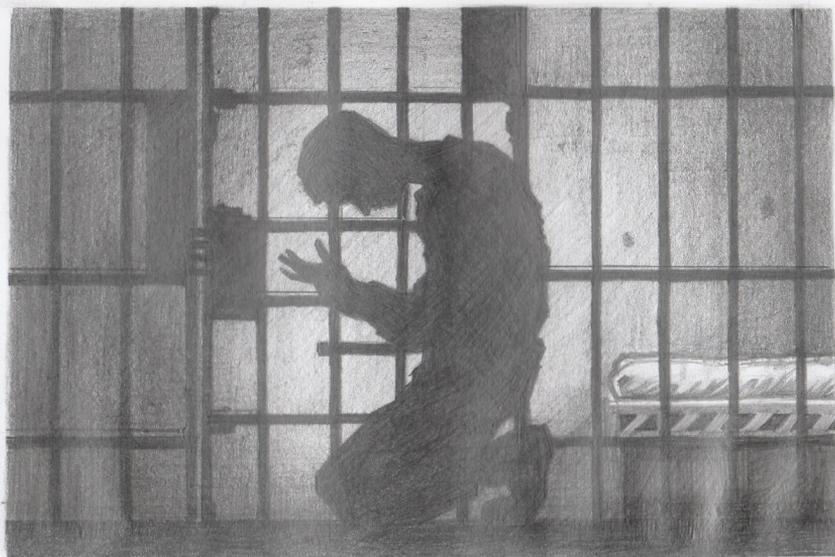
19.02.2019
Вторник

7:00

Приход фельдшера в 7.00 разбудил меня. И в это же время через окно услышал утренний азан (призыв к молитве). Встал, совершил намаз, выпил масло чёрного тмина. Эдем агъа запарил овсянку, я достал с импровизированного холодильника (подоконник за окном) колбаски и сыра, позавтракал. В 9.15 левитанша принесла исходящие с регистрационными номерами в Киевский р/с Симферополя (М1371; М1373 от 18.02) и на СОФСБ РК (М1372 от 18.02), которые передал вчера. В 9.30 пришла пересменка. Я был рад увидеть опера, которого жду с 14.02.19 г., чтоб дать завизировать заявку для туалетных предметов уборки и на машинку для стрижки волос без шнура на АКБ, так как

9:15

9:30

в камере одна розетка, а машинка со шнуром не достаёт до зеркала и раковины. Он молча забрал заявку. Параллельно заполнял бланк/ведомость, где учитывается наличие в камере ТВ, холодильника, шкафа и т. д. Удивился, что у нас этого нет. Мы же удивились тому, куда ушли наши все прошлые заявки с указанием всего этого. Пока шёл пересчёт, была открыта дверь в камеру – к нам заглянул проходящий мимо старший инспектор по воспитательной части Дмитрий Щурин, о котором я упоминал 11 - 12 числа. Он посмотрел чистоту в камере, похвалил за безупречный порядок, я с улыбкой сказал, что это наш образ жизни такой и даже кофе сделаем, если зайдет. А он в ответ улыбкой наказал мне побриться. Я же ему возразил с той же улыбкой, что мол о чем вы говорите (у меня была еле заметная щетина, так как наношу спец. средство на лицо пока все сбрываю), закончу с лекарством, вот тогда будет может быть ибо религия требует (правильнее

рекомендует) и мужчина этим красится. В общем, вот так еще перекинулись.

9:40 Закончив пересчет, не успели зайти в камеру, как 9.40 выводной инспектор оповестил, что Бекиров Э. готовится на кабинеты. «Ну вот и пришел вчерашний пропажа» - подумали мы и Эдем агъа на радостях узнать, что-то новое, начал собираться. Тут же выводной инструктор на прогулку пришел и оповестил, что минут через 15 на прогулку.

Ну думаю, день начался прямо весь в суете :) и главное скажу, у меня состояние почему-то сегодня абсолютно выспанного, бодрого и полного сил и энергии человека. А главное ощущение, что происходит что-то хорошее, о чем скоро узнаю.

10:05 Эдем агъа пошёл, я передал приветы на волю. Надеюсь, скоро о них услышите. А сам начал собираться на прогулку. В 10.05 за мной пришли и я пошёл полон сил потратить их на железный турник и брусья. Кстати, если есть предложения по программам тренировкам, буду рад. Тренировка получилась весьма занятой и аж 2 часа.

12:05 12.05 вернулся в камеру, где уже сидел и ждал Эдем агъа. Он рассказал, как прошла встреча с адвокатом. Передал все приветы. Он был рад весточкам от родных и, очевидно, освежился сам, словно был на воле. Действительно, для нас в тюрьме в общем, а в наших последних обстоятельствах в частности, весьма важны данные встречи с адвокатами, ибо это единственный, и пока, слава Богу, не перекрытый мостик связи с волей, родными и миром. В 12.30 принесли обед: борщ и диету. Мы сразу отобедали, выпили чаю. Я помолился и решил немного почитать и вздремнуть. В 16.00 Эдем агъа заварил кофе, разбудил меня. Стали готовиться к ужину: вчерашняя, уже вымоченная селёдка, пюре и тушёно-жареная рыба.

12:30 К 18.00 мы уже поужинали, убрались, помыли посуду, и я решил доставать свой «рабочий инвентарь» по написанию дневника, жалоб и заявлений.

18:00 Тут увлеклись очередным разговором. На этот раз Эдем агъа рассказывал про свою службу в армии, в ракетных

войсках СССР на границе с Ираном. О том, что это были хорошие времена, да и с уважением, с заслугами вернулся из армии и т. д.. А сейчас думает над тем, почему правопреемница той страны, которую он защищал - Россия, снова и снова (1783 г, 1944 г, 2014 г. по сей час) повторяет свои преступления против целого народа и инакомыслия в целом. Я добавил, что действительно то, что видели наши предки, рассказывали очевидцы – вся наша история для нас, современной молодежи, стала уроком. А мы, в свою очередь, очевидцы сегодняшних неопортационных и репрессивных процессов.

Я вспомнил, как мой отец, когда ФСБ, при обыске у меня дома 21.05.18 г., скрутив ему руки (и повредив даже), упёрла его в пол лицом, сказал им в ответ как воин, ветеран-интернационалист (служил принуждённо в горячей точке, где СССР вела войну – в Афганистане, тоже, кстати, действия, аналогичные сегодняшним в Украине): «Интересная вы страна: вчера мне как ветерану ордена выдавали, благодарили, а сегодня скручиваете и лицом в пол»... Этот разговор мы закончили к 23.30. Теперь пишу дневник. 01.30: надо спать.

23:30

День 26

20.02.2019

Среда

Очередной день, очередные ожидания чего-то нового ещё неизвестного, но, абсолютно уверен, с большими благими умыслами уготованного Господом Небес и Земли, Который знает, а мы не знаем, в чём для нас благо, а в чём зло... Вчера С. Бережной так и не вызвал, ну, что ж, посмотрим сегодня. Хотя вполне очевидно, что сказать-то нового нечего, а старое – даже ребёнка бы своей чужью не удовлетворило. Да и я-то, по сути, хочу предложить выход из складывающегося тупика в наших взаимоотношениях (с 25.01.19 г.), как-то разрядить и остановить весь этот спектакль. У меня есть конкретные предложения. И я хочу

сделать это до того, как отправлю свои аргументированные жалобы в прокуратуру и т. д.. Сначала в крымскую, которая, наверное, сделает «звонок другу» (Бережному), потому что этот начальник корнями впился в СИЗО ещё с 90-х годов (он сам этим хвастался), а потом в московскую (т.е. российскую) – при всем моём недоверии системе РФ, всё же законы жизни и помощь Бога может дать свой результат.

Ведь наше дело — это вера и действие, а конечный результат в Божьей воле. Просто потом, думаю, переговоры с Бережным будут уже бессмысленны. Но из 4-х обращений к нему с 25.01.19 г., он лишь однажды (на второе заявление о встрече личной) отреагировал, и остались открытые вопросы. Возможно, я себе что-то накрутил, но мне хочется в это верить, я прошу Бога помочь всем нам в этой несправедливой борьбе зла, беззакония и тирании с истиной, чистотой и мирным народом. Аминь. И дай Бог наказание каждому усердствующему тирану, творящему нечестие и беззаконие, а тем, кто ещё не погряз в этой крови и слезах жертв режима, опомниться и встать на путь истины, быть с народом за народ и за мир. Аминь.

- 5:00 5.00. Передал продольному инспектору заявки на необходимость одеяла (т.к. имеющееся порвано, в дырках и не пригодно), а также заявку на иголку и нитки для приведения личной одежды в порядок. Эти заявки повторные, ну что ж, «вода камень точит».
- 6:10 6.10. Кормилец привёз завтрак. 7.00. Очередная доза инсулина. При фельдшере провели замер сахара в крови, чтобы они видели состояние здоровья по факту, а не по сфальсифицированным экспертным заключениям симферопольской больницы им. Семашко (трудно поверить, что среди 67 человек так называемых экспертов трое – мусульмане, не побоявшиеся Бога, но испугавшиеся то ли ФСБ, то ли потери «сладкого» места в кресле). В-общем, показатель 12.7 mmol/l (норма 6-7; max 8). Дальше мы с Эдем агъа поели запаренную овсянку.
- 8:50 8.50. Пересчёт, пересменка. Я вынес мусор. У оперативника уточнил, можно ли сказать родным, чтобы отправляя указанное в заявке (ершик, дезинфицирующее средство

для унитаза, машинка для стрижки волос), на что услышал вялое невразумительное «пусть попробуют». 9.15. Выводной инспектор предупредил о кабинете. Судя по всему, пришёл адвокат. 9.40. Я в кабинке № 4, где меня уже ждала незаменимая Лиля Гемеджи. По пути увидел Сейрана Салиева (проходит со мной в одном уголовном деле), который тоже шёл на встречу с адвокатом Мамбетовым Мамметом. Сейрану пришло извещение, что следователь ФСБ Д. Громашов открыл в отношении него ещё одно уголовное дело по ст.205.2 УПК РФ (пропаганда терроризма через СМИ/интернет). А по факту, ФСБ каким-то чудом восстановило удаленную давно страничку Сейрана ВКонтакте с публикациями многолетней давности и на этом основании пытается что-то добавить к обвинению. Мера наказания по 205.2 меньше, чем 205.5. Наверное, мало фальши. Решили ещё больше демонизировать это дело. В коридоре возле кабинетов с невероятной радостью увидел и Маммета М., которого обнял, поприветствовал – всё-таки столько лет совместно защищали с воли предыдущих узников Кремля.

9:15

9:40

Что Маммет, что Лиля показались мне уставшими и сонными. Ну, думаю, они с 7.00 утра, стоя в очереди перед СИЗО, пытались зайти сюда и увидеться с нами – новыми арестантами, узниками Кремля (ставшими таковыми уже под руководством нового, вместо Палагина начальника, присланного с материковой РФ). Фамилии ребят не запомнил: Рустем 1979 г.р. и Эскендер 1997 г.р.; Арсен 1985 г.р. – задержанные 14.02.19 г. после обысков в Биюк-Онларе (Октябрьском), и как узнал ещё, с подкидной литературой. Да уж, подумал я, вот тебе и новый руководитель ФСБ в РК, новый/старый метод подбрасывания, старая волна агрессии, тирании против инакомыслия, против крымскотатарского народа, имеющие целью не deportation и т.п.

После первых минут общения узнал, что наши адвокаты сегодня в очередной раз, не просто защищают нас, не просто являются для нас мостиком и окном на волю, давая сил, энергии и информации, крайне необходимой в тюрьме.

Они подтвердили ещё раз, что Героические Народные Адвокаты. В понедельник-вторник они защищали симферопольских ребят в суде Ростова, потом всю ночь ехали в Крым, чтобы в 7.00 быть возле СИЗО и попасть к нам. Домашние дела? Семья, дети? Сон, отдых? О чём вы говорите! Это не из крымских реалий последних 5 лет – для наших активистов, журналистов и адвокатов. А с недавнего времени, кроме судов Ростова, Симферополя добавились суды Москвы.

Вот теперь совсем весело. После всего этого и хочется им сказать: давайте в другой день, для нас важнее ваше здоровье. Но понимаешь, что и дня-то другого нет, ведь всё расписано очень давно, по дням. Да и куда обратно после такого пути? Конечно, информации много и у меня, и у адвокатов. Мы старались структурировано всё изложить, передать друг другу. Но до 12.00 не успели закончить. Договорились о встрече после 14.00, ибо кабинет и день уже за нами. К тому же, у неё запланирована встреча с последним задержанным Эскендером.

Гуманная, «человекозаботящаяся» администрация СИЗО с 12 до 14 вынуждает делать перерыв для совершения обеда. У нас нет вариантов, кроме как подчиниться. Хотя, когда нас вывозят на суды и следственные действия, как я уже отмечал ранее, с 7 утра до 20-22 часов вечера, никто об этом не беспокоится (не дают сухой паёк – типа, не положено, ибо мы ездим в пределах города), на наши возмущения и жалобы никто не реагирует... Вот такие два стандарта – везде и повсюду, да только не во благо людям...

14:00

В камере мы с Эдем ағъа отобедали. От прогулки пришлось отказаться, т. к. в 14.00 вернусь в кабинет. Пока обедали, я рассказал новости. По каким-то непонятным причинам, меня вместо 14-ти вывели в кабинет аж в 15.20. Слава Богу, хоть так, но мы с Лилей встретились. Договорили все оставшиеся вопросы. По пути к кабинетам встретился с И. Велилляевым, адвокатом Эдем ағъа, который сказал, что моего сокамерника тоже пригласил на встречу. Встречи с адвокатами завершились в 16.50. Я зарядился

15:20

невероятным количеством информации. В голове множество впечатлений от встреч с людьми, с которыми ещё недавно на воле делали много работы. Сегодня же я тут, а они продолжают нести эту крайне важную работу по защите прав и интересов мусульман – крымских татар и всех несправедливо репрессированных, очевидно по огульным политическим мотивам за инакомыслие...

В камеру мы возвращались с Эдем агъа вместе. Он как раз завершил встречу с Ислям агъа. Я помог сокамернику пройти эти нелегкие преграды на пути в кабинеты и обратно, нелёгкие даже для здорового человека (крутые, не по нормам СНиП, лестничные марши). И он, и я – полные эмоций и информации – вернулись в камеру в 17.10. Через 20 минут нам принесли вечерний ужин (рагу и рыба варёная). Мы, по очереди рассказывая друг другу новости по всем политическим делам, которые ведут наши адвокаты (Дело В.Кашка; Дело 26 февраля 2014г; Дело симферопольской группы ХТ; Ялта ХТ; и др.), накрыли стол и провели вечернюю трапезу. В 19.30 очередной инсулин. Затем мы выпили чай, я совершил ночную молитву. К 22 часам решил лечь, так как прошлой ночью допоздна писал, а утром встал рано. Завтра тоже рано встать, чтоб поесть перед постом. А Бережной и сегодня не позвал.

22:00

В 22.40 ещё читал газету, пытаюсь нагнать сон, как голос продольного инспектора в двери предупредил, чтобы я приготовился на выход. Меня это насторожило, т. к. после 22 часов камеры не открываются и обвиняемых никуда не имеют права выводить... Я уточнил куда, зачем, к кому? Мне ответили, что в «старшинку на прием к начальнику Бережному». Ну что ж, лучше поздно, чем никогда. Да и Эдем агъа будет в курсе, что и куда меня, но я всё же удивился такому позднему приёму. Скажу сразу, разговор у нас получился полуофициальный, получеловеческий, и длился до 23.35. Тем обсудили много, как по предмету моей заявки, написанной ещё в понедельник утром, так и в целом по репрессиям в Крыму с 2014 г., по ребятам, арестованным по 205 ст. УПК РФ и т. д. и т. п.. Конечно, с этической и человеческой стороны я не считаю правильным передавать здесь все детали разговора. Это было бы неправильно и с

22:40

23:35

точки зрения моей безопасности – по крайней мере, пока это всё не закончится. Но для сохранения хронологии моей изоляции и событий в К58, я опишу большую часть. А что осветить, что пока засекретить – будем решать по факту. Для упрощения изложения всего этого часового диалога на разные темы, разобью его на блоки.

Блок по сути вопросов встречи.

Настойчиво хочу узнать то, что послужило поводом моей изоляции. «Жалоба омбудсмена Денисовой на условия содержания определенного списка крымских политических узников Кремля, в том числе К. Аметова, Р. Трубача, С. Мустафаева» – это то, что слышу уже почти месяц (с 25.01.19 г.) из уст С. Бережного. Снова спросил про этот документ.

Б (Бережной): Да он лежит в офисе. Я просто днём тебя не успел пригласить, а завтра, наверное, тоже буду занят, решил тут на месте, на этаже пообщаться.

Я: Уже месяц слышу, что эта бумага есть, да только увидеть и ознакомиться почему-то не могу.

Б: А что тебе даст она?

Я: 1) увижу, что, кем, когда было сказано обо мне; 2) сомневаюсь, что я в этом списке узников, указанных Денисовой, последний, кто остался в СИЗО, т. к. ранее сам лично участвовал в формировании этого списка совместно с адвокатами и правозащитниками на воле; после этого в него могли добавиться только я, Э. Смаилов и Э. Бекиров, ну и ещё вот новых 3 парня, арестованных по 205 ст. 14.02.19 г., а вы говорите, что я последний, кто остался по списку в СИЗО; 3) хочу увидеть текст жалобы, т. к. я за 10 месяцев не помню такого, о чём говорите вы; а то, что было много сказано из жалоб, так оно вами отвергнуто как другое; 4) и ваша реакция на жалобу по условиям содержания не понятна – ведь, по сути, вы лишили меня ТВ, холодильника, душа (пусть примитивного, но в камере), а мне теперь надо ходить в общую баню, где есть грибок... И это ещё не все проблемы.

Б: Да есть эта бумага, лежит в офисе.

Я: Мне надо её увидеть, либо передайте в камеру копию этой жалобы. Она ведь меня касается, и я имею право ознакомиться с ней.

Б: Что касается ТВ, холодильника и т.п., это не обязательные условия; главное – тебе предоставлено 4 м² на человека.

Я: А что, в жалобе акцент только на квадратных метрах сделан?

Б: Ладно, что у тебя ещё?

Я: Три заявки за три недели на прием к врачу-терапевту: одно устное обещание начальника Ищенко; одно ваше устное распоряжение под запись регистратора и секретаря в блокнот, сделанное при посещении комиссии ОНК (11.02.19 г.), чтобы терапевт принял меня. Итого – «а воз и ныне там», меня никто так и не принял. И ещё, извините, скажу прямо в лицо: меня крайне возмутило, как человек в форме, в погонах полковника может врать, глядя в глаза, да ещё и матери моей, когда она к вам пришла на приём через час после нашего достаточно горячего общения при проверке ОНК (11.02.19 г.), и вы посмели ей заявить, что только вот от меня пришли и у меня нет жалоб на условия содержания и здоровье?!

Б: Когда, кто приходил? Какая встреча с мамой? А что у тебя со здоровьем?

Я: Ну, что вы в самом деле! У меня кашель аллергический, удушающий, сухой – такой же, как и у моего сокамерника Бекирова, который пьёт таблетки противоаллергические, а я пока не могу, не знаю, что делать без врача. А аллергия у нас, скорее всего, на грибок и отсутствие вытяжки/вентиляции помещения. Грибок был и до нас в этом помещении, его пытались замазать краской, да только неумело. И всё видно, этого не скроешь. Я по образованию вентиляционщик,

и грибок образовался в характерном углу с внешней стеной, где перепад температур, отсутствие вытяжки, достаточного источника тепла и утепления внешней стены приводят к «точке росы» внутри помещения, и этого не избежать без вмешательства. Я на это жаловался, указывал, и вы посмели матери моей заявить, что ничего такого нет, эта информация – обман, исходящий от моего адвоката, который, якобы, отработывает деньги.

Б: Да, по поводу грибка и внешнего угла согласен. По матери, я, кажется, вспомнил эту встречу... (далее перевел разговор), в-общем, смотри: я перед нашей этой встречей с тобой ознакомился с информацией о тебе, твоей деятельности и т. д. в интернете...

Блок о крымских делах и 205 ст., в частности.

Б (продолжил): Да, я вижу, чем ты занимался и за что боролся. Ну что я могу вам сказать – жаль вас, ребята. Вас используют, как мясо, как игрушки. Вы получаете колоссальные сроки, ваши дети растут без отцов, но бороться за вас некому... И вот такие жалобы Денисовой и т. п. уже не впервой приводят к тому, что вы оказываетесь в ещё худшей ситуации, чем изначально. Я видел и общался со многими из ваших ребят (по 205 ст.) Мамутов, Абсеитов, Куку и др. Нормальные, адекватные ребята. Общался и со стариками по делу о «вымогательстве» (Кашка) – просто бред, жалко, но факт – они отсидели. Общался и с Мустафой Дегерменджи, и Али Асановым, и Ахтемом Чийгоз (дело 26 февраля). Поверь, всё это игра политиков, подставы искренних, молодых и старых ребят. Я знаю кто, как тут сидел, за что боролся и что имеем на выходе. Я вижу всё лицемерие – даже среди тех, кто тут сидел и т. д.. Сюда приезжали омбудсмены Украины, которые тут говорили одно, а в Украине и мире совершенно противоположное. Единственная, кто повёл себя как политик – это Н. Карпачёва, приезжавшая с осмотром СИЗО, которая как тут, так и в Украине контролировала то, что говорит без фантазии...

Я: Очень рад, что вы нашли время узнать о моей деятельности на воле. Это действительно есть первопричина, почему именно сейчас именно меня (как, впрочем, и всех остальных по нашему уголовному делу) арестовали по надуманным обвинениям. Каждый тут сидящий – это активист в своей сфере: социальной, общественной жизни своего города, своего народа. Что касается искренности, лицемерия тех, кто сидел, и тех, кто сидит, и тех, кто на воле – это всё нам и мне лично знакомо более, чем вам кажется. Что касается политических игр и использования разных ситуаций, арестов и крови народа для пиара – мне тоже хорошо известно, в подробностях. Я вам даже более скажу. Я знаю, что я и мне подобные – те, кто искренен в своих общественных делах и переживаниях – очень мешали и мешаем тем, кто строит большую политику. Они, будучи, казалось бы, партнерами, соотечественниками работали и работают над устранением честных, справедливых, активных. Но не эта вся грязь, лицемерие и мнимая политика власти являются движущим фактором для верующих, искренних сыновей своего народа. Мы не делали ничего, что выходило за рамки закона, что вредило людям и т. д.. Мы у себя дома, бежать нам некуда и не от чего. Дети наши лишь временно без отцов, и это лучше, чем завтра им объяснять, почему их отцы были рядом с ними в тепле и мнимой безопасности, предав своих соседей, друзей и соотечественников в трудную минуту.

Я в курсе, кто приезжал сюда, что говорил, как на этом пиарятся и т. д.. Я знаю лично и украинских, и российских представителей, занимающихся, казалось бы, решением всех этих политических интриг и игр. Наш метод борьбы за свой дом, народ, права и интересы – ненасильственный. Это повторяющаяся история 1783, 1944, 2014 гг.. Как прошло это в прошлом, так пройдет и сегодня. Меня не пугали 10-15-20 лет ареста и сегодняшняя непонятная изоляция, и условия содержания меня не пугают и не остановят. Я не считаю, что меня или нас кто-либо использует. Мы делаем

свое правое дело по собственной воле, как требует Ислам и исходящие из него ценности и критерии мира и добра, гуманности и справедливости... Вы видели, общались со многими из тех, кто был/есть арестован/ осуждён на колоссальные сроки, проходит через уйму несправедливостей. Что скажете?..

Блок о 205ст. УК РФ; Крым – крымские татары; ХТ

Б: Ты знаешь, когда начали сажать ребят по этой статье, я поинтересовался у одного из работников СИЗО, крымского татарина, кто такие ХТ и что из себя представляют. Он мне пояснил.

Я: А кто этот человек, у которого вы спрашивали? Что он знает о ХТ? Он специалист по этому вопросу?

Б: Он местный житель. Знает, кто в народе и что в народе происходило.

Я: Ну ладно, допустим. Это сейчас не суть важно.

Б: Так вот, он сказал, что были такие ребята, которые при Украине спокойно жили. Их не притесняли, они никого не трогали. Но в России они запрещены и их начали сажать. А так – это обычные мусульмане, просто расходятся в некоторых вопросах с муфтиятом. Я же, когда меня сегодня спрашивают о ХТ и этих делах, говорю, что это «кухонные болтуны».

Я: По сути, именно за кухонные разговоры, просто за инакомыслие и происходят репрессии всего народа, всех неугодных сегодня в РФ. Это факт. И примеры тому – все крымские дела. (Севастополь, Бахчисарай 1, Бахчисарай 2, Симферополь, Ялта), по которым проходят только ФСБшные свидетели и используются подкидывания.

Б: А вообще, когда я разговаривал с одним из работников-крымских татар (возможно, тот же), я спросил его: «Где ты родился?», он ответил: «Узбекистан»; «А почему ты приехал в Крым?», он ответил: «Ну, это родина моя», тогда я ему сказал: «Нет,

твоя родина там, где ты родился – Узбекистан, в лучшем случае Крым – родина твоих предков».

Я: Позвольте возразить. Родина — это там, где твои корни, и для нас Крым – это наши корни, наша родина. Именно отсюда, против нашей воли, в 1944 г. нас депортировали, а мы вынуждены возвращаться и заново обустроиваться. Что касается ХТ, то позвольте дать короткую справку, каким образом в РФ начались преследования ХТ и появилась ст. 205 УК РФ. Так вот, Верховный Суд РФ в 2003 г. нарушил УПК РФ – без ответчиков провёл тайно суд и более 15-ти партий поставил под запрет, а опубликовал данное решение после исхода срока обжалования, чем лишил возможности ответчиков (представителей всех включённых в запрещённый список партий на справедливый «суд»), а также не привёл достаточной аргументации по каждой партии. Что касается ХТ, так вообще, один абзац и 5-7 предложений громких по фразам, но далёких от истины и сути... Таким образом, против воли и закона (т.е. незаконным действием ВС РФ) вся система (прокуратура, суды, СИЗО и т. д.) оказались заложниками и вынуждены также совершать незаконные действия, арестовывая, сажая и преследуя невинных мирных людей. А весь корень проблемы в первом решении ВС РФ 2003г..

Кстати, крымский вопрос, точнее, освещение чинимой тирании и беззакония, дал толчок к образованию недавно рабочей группы в России по изучению 205 ст. УК РФ и несправедливости. Дай Бог увидеть положительный, справедливый результат. Так вот, в кабалу подобной ереси попал в своё время и глава МИД РФ С Лавров, когда начал проводить рабочие встречи с представителями партии «Ихвануль муслимин» (Братья мусульмане), включенной также в состав запрещенных в РФ тем же решением ВС РФ 2003 г. – когда Ихван пришёл к власти в Египте. На вопрос журналистов о том, как может официальная власть РФ вести встречи и переговоры с запрещёнными партиями, Лавров лицемерно ответил: «Общаться ведь не запрещено». А

следующий пример — это событие конца 2018 г., когда высшее руководство РФ проводило встречу с партией «Талибан» (афганская партия), тоже запрещённая по тому же решению ВС РФ 2003 г.. Вот это и есть политическая конъюнктура, двойные стандарты политики РФ. Крымским примером этой политики есть то, как сложились отношения с Меджлисом. В 2014 г. хотели с ним сотрудничать, предлагали общение, вели переговоры с Меджлисом. А получив отказ, де-факто российская власть в Крыму в 2016 г. объявили Меджлис экстремистами и запретили его. Ну что это, как не политическая конъюнктура?!

Б: Вот общаюсь с тобой и вижу, какие вы все разные. Не все говорят так, как ты. Ведь есть весьма радикальные и разговаривающие совсем по-другому.

Я: Согласен с вами. Все люди разные. Но и иметь бороду или называть себя мусульманином или говорить, что те или иные действия, мысли относятся к Исламу и т. д.. Это не всегда так. Более того, по действиям одних осуждать остальных или из-за ошибки/порока кого-либо очернять весь Ислам — это тоже абсолютно неправильно. Вот, например, смотрите, в нашем уголовном деле:

- Встреча называется тайной, конспиративной, но проходит в общественном открытом месте – мечети. Это что? Конечно, беспредел.
- Говорят о насилии, нетерпимости, агрессии, но в аудиозаписях ОРМ, приведённых в материалах дела, сами же приводят слова одного из участников С. Салиева: «недопустимо убивать людей – как мусульман, так и не мусульман, и причинять вред людям – это большой грех», – на той самой конспиративной встрече в мечети, где 50-70-90 человек. Это призыв к насилию?!
- Говорят о захвате власти, покушении на конституционный строй и т.д. Но как люди, даже не бывшие в армии, жили в Украине, а самовольно пришедшая РФ вдруг заявляет, что ребята с

провинциальных городков, посёлков в количестве 3-5 человек, планировали захватить власть и территорию РФ, которая даже на карту еле вмещается – что это, как не абсурд!

А знаете, что происходит в материковой РФ, когда ленивые опера и следователи ФСБ подкидывают оружие и т. п. при задержаниях ХТ? Так вот, им их же руководство потом говорит: уберите из дела оружие и т. п., ибо где – оружие, а где – эти мирные ребята. Не надо быть посмешищем в этой настолько очевидной фальши. А высокие чины, общаясь с так называемыми «террористами», говорят им: «Ну что с вами делать? Штрафовали раньше, но не остановило; давали условные сроки, не остановило; начали сажать на 3-5-7 лет, не остановило; теперь 10- 20-ПЖ, тоже не останавливает. Ведь уберите наказание, вообще распуститесь, мол?! А в ответ, который им и так очевиден, они лишь слышат: что бы вы не говорили и не делали, истина, которую вы облакаете в огульную ложь, не изменится. Как не было в планах покушаться на РФ, так и нет...

Б: Да это всё ясно. Жаль вас и ваши страдания. Но...

Я: А я вам скажу, что тут всё просто. Единственно, в чём пытается себя продемонстрировать Россия – так это определённым специалистом в регионе своего влияния – БРИКС и ШОС – опытным, результативным борцом с терроризмом. Да только по факту – террористы-то мирные, с кухонными разговорами. А настоящие делают свои дела в разных ЧВК. Вот и получается, что пока тратятся миллиарды бюджетных средств на такие КТО (контртеррористические операции), как обыски в домах крымских татар и т. п., пока как у нас следственная группа из 12 человек ведёт 1,5 - 2 года следствие, а прокуроры и судьи поддакивают, боясь возразить очевидной ереси (это же ФСБ, им нельзя возражать, так как каждого есть посадить за что), а бедные конвоиры днями и ночами в дороге этапируют «террористов» за 20-25 тысяч руб/мес (з/п офицеров

ФСБ, судей и прочих во много раз больше). В стране приходится повышать пенсионный возраст, повышать налоги, НДС и т. д..

Б: Да уж, Сервер, ясно, почему тебя посадили...

P.S. В процессе разговора Бережной сказал, что бесконтрольная демократия – это тоже не есть хорошо, т. к. в конечном итоге получается то, что произошло в Украине и есть сейчас. «Мы все связаны с Украиной. Там много общего, друзей, родственников, наше прошлое. Но, увы, они не удержали и не сохранили. А мы сделали выбор».

Я: Хотел бы всё-таки увидеть эту бумагу от Денисовой. Не то, что не верю, но мне нужно увидеть своими глазами, чтоб понять, что там и насколько это всё реально. Чтобы понять, где и как предупредить на будущее аналогичную нелепость. А вообще, мне кажется, наши с вами отношения заходят в тупик.

Б: Какой тупик? Почему так решил? Вроде всё нормально...

Я: Нет. Я вижу тупик. Вы не слышите меня и не хотите принимать мои возмущения. За 3-4 встречи в течение последних 3-4 недель сегодня впервые у нас относительно нормальный предметный диалог. За 9 месяцев моего нахождения тут вы не слышали и не видели меня, моё существование. Не было у нас никаких *** перетягиваний.

Б: Если бы были, то давно перешли на камеры двойники.

Я: Не было и нет пока подобных жалоб от остальных ребят, арестованных по 205 ст.

Б: Если будут, то быстро всех раскидаю в камеры-двойники. А так вот, поэтому пока все на своих местах и сидят.

Я: (подумал: да камер-двойников у тебя не хватит на всех нас) Так я вот о чём. Считаю, что все эти жалобы и проверки омбудсменов, ОНК и т. д. не нужны никому.

Б: Мне как-то всё равно эти проверки.

Я: В этой стране (РФ) и системе как раз-таки всем всё равно, т. к. рука руку моет. Но и, тем не менее, коль уж мы ведём открытый диалог, скажу честно, чтобы потом обид не было. Я и моя защита подготовили жалобы в прокуратуру и суд. Я после сегодняшнего разговора некоторые вещи решил изменить, думаю, немного придержу второе. Ребята по 205 в этом СИЗО внимательно следят за происходящим со мной. И поверьте, если нас 15-20 лет не испугало, то возможные, как вы говорите, тюремные лишения точно не испугают. Но мы и тут будем бороться за справедливость и защищать друг друга. Я готов взять на себя все вопросы по ребятам-полит. Узникам, по мусульманам. Как вы говорите, не все ведут такой диалог, как я. Но я готов их взять на себя, главное вы их не трогайте, а меня поднимите наверх и дайте доступ/сигнал, когда и с кем могут возникнуть сложности. Я не хочу себя возвеличивать, но везде должен быть порядок. У нас, у мусульман, это было всегда (старшинство, когда в деле/пути более 2 человек), и тут, в тюрьме, не исключение. Так что, подумайте над этим.

Скажу честно, впрочем, как обычно, хотя за эту прямоту многие не любят или наказывают, но это их проблемы, если кому-то приемлемее сладкая ложь или лесть. Так вот, мне всё же кажется, что мой перевод в К58 и жёсткая изоляция связаны с тем, что: 1) рядом с Э. Бекировым нужен был человек, т. к. Р. Трубач ушёл под домашний арест. 2) из всех возможных кандидатов для этой переложенной с ФСИН на СИЗО ответственности по уходу за инвалидом 1 группы вы выбрали и возложили на меня эту свою миссию, потому что по мне есть негласное поручение ФСБ на дополнительные меры по изоляции даже в условиях СИЗО.

Б: Да нет, таких причин нет, я же сказал, что вас «урабатывают» в связи с Украиной.

Я: И тем не менее, я жалобы Денисовой ещё не видел, поэтому имею право на свои версии того,

что происходит. А что касается ухода за Бекировым, то знайте, что для мусульманина подобный уход за больным человеком – благое и благородное дело. Но если вопрос в этом, то поверьте: я смогу организовать дежурство наших ребят рядом с этим человеком и нам, и ему в радость. Да только ведь и Бекирова надо всё же в больничку определять, а не держать его в камере без воздуха, прогулок и бани.

Б: Как мне показал письмо адвокат, Бекиров не жалуется и хорошо себя чувствует.

Я: Ну, конечно, родным мы не будем жаловаться. Им и так тяжело. Мне пришлось месяц общаться и разъяснять этому жизнь поподавшему человеку, который 20 лет борется с болезнями за жизнь. А тут несправедливая тюрьма и мозгу тяжело донести, что, несмотря на всё беззаконие, которое сплошь и рядом, мы непременно пройдем и эту черную полосу...

На этом мы попрощались. Я поблагодарил за диалог, за уделённое время и внимание. Напомнил, что жду обещанное в очередной (4-й) раз копию жалобы Денисовой и решил уточнить: «Так что, мне абсолютно без вариантов вернуться в обычную камеру?».

Б: Ну, почему же?

Я: Просто времени мне тут немного, месяца 2-3 осталось до этапа в Ростов.

Б: А что вдруг? Когда едете?

Я: Судя по всему, май-июнь. Может, всё-таки перейдём в нормальную камеру, а я организую дежурство.

Б: Ну, тогда навряд ли. Если 2-3 месяца осталось, то извини, надо бежать. У нас ЧП – человек умер, и я такие вещи переживаю болезненно, кто бы там ни был.

Я: А молодой? Сам или кто помог?

Б: Да вроде сам, следов внешних нет. Наркоман. Уже год сидит в СИЗО. Я вообще не пойму этих наркоманов. Чего

им в жизни не хватает? Вот пример – сын крымского депутата (**). Хороший парень, МГУ закончил, умный, здоровый. Но ввязался в это наркотическое стадо... А когда спросил, чего не хватает, он лишь сказал, что не понять это тем, кто не испытал волны «прихода».

Я: Скажу вам немного по-другому, а вы уже подумайте сами. Так вот, слёзы обделённых, униженных людей, кровь, беззаконие и т.д. и т.п., чинимое людьми в отношении других, вызывает проклятие, молитвы угнетённых против угнетателей. Эти проклятия и молитвы непременно находят своих обидчиков и их семьи, их детей и т. д. (Бережной секунд на 5 задумался)

Б: Да ну что ты, просто парень не с той компанией связался.

Я: Ладно, спорить не буду. Просто вы говорите о следствии, а я вам говорю о причине.

Вот так мы и расстались, а моё решение раньше лечь сорвалось. Зайдя в камеру, увидел, как Эдем агъа молился, читал книгу, чтобы всё у меня было хорошо. Мне стало невероятно приятно. Хотя ещё накануне вечером после визита адвоката днём было весьма грустное настроение, потому что рассказали про несколько неприятных вещей от близких соотечественников, от которых точно не ждёшь ударов в спину в такие тяжёлые для народа времена и дни. Я рассказал Эдем агъа вкратце суть того, что это была за встреча, что всё нормально, чтобы он не переживал. А сам уже к 01.15 часам ночи ещё раз попытался заснуть перед постом. Однако все мои старания оказались напрасными. Голова сегодня просто переполнена разной информацией. Закрываешь глаза, а картинки плывут сами по себе. Поспать так и не удалось...

01:15

День 27

21.02.2019

Четверг

5:00

Утро наступило в 5.00, когда пришёл продольный инспектор за заявками, а я ещё так и не заснул после вчерашних встреч с адвокатами, с Бережным и переваривания кучи разной информации, полученной от них и продолжающей укладываться в моей голове в условиях изоляции. Тяжело собирать пазл, когда много разных элементов и факторов, влияющих на концентрацию и следственно-причинные связи. Ну что ж, наверное, это тот самый смысл и урок, который надо пройти по предопределению Всевышнего в новых условиях тюремного заключения и бытия...

6:20

Сегодня я заявок не подготовил, так что инспектору отдать было нечего. Но с учётом того, что сегодня четверг и надо поститься, я встал, чтоб помолиться, приготовить лёгкий завтрак перед постом. Запарил овсянку, нарезал корочки хлеба тюремного (потому что середина, к сожалению, несъедобное), немного сыра и колбасы, переданных родными, и заварил чай. К 06.20-ти я уже закончил трапезу и начал пост. Как раз подъехал баландер, взяли свежий хлеб, и Эдем агъа приготовился к завтраку, т. к. в 07.00 ему делают утренний инсулин и надо поесть. Левитанша нас сегодня не посещала.

9:05

09.05. Пришла новая смена и пересчёт. Был оперативник, который обещал помочь с ёршиком, машинкой для стрижки. Он спросил об одеяле, по поводу которого я писал вчера заявление (повторно, несмотря на то, что, как сказали, в СИЗО перебор арестантов: мест 780, а фактически 1490 человек). Оперативник попросил показать одеяло и его дефекты. Я показал, и он убедился, что оно не пригодно для использования. Правда, больше ничего не сказал, и смена пошла дальше. Я решил немного поспать, так как бодрствовал всю ночь. А сегодня ещё банный день. Заснул я достаточно быстро – устал все-таки.

В 12.20 привезли обед: борщ и диету Эдем агъа. Я всё

получил. Своё отложил на ужин. Эдем агъа же пообедал. В 16.20 предупредили о бане. Я собрал наше бельё для обмена и вышел. В начале шестого я вернулся из бани. Принёс свежее бельё (оно, конечно, больше похоже на ветошь, кстати, со штампами «Укрзалізниці» – точно такие были и в психиатрическом отделении №15 Симферопольской психбольницы), хотя то, что оно постирано, уже что-то. Совершил молитву и начал готовиться к ужину и разговению. К тому времени привезли тюремный ужин: рагу и рыбу вареную. Картошку вновь промыл кипятком, чтобы смыть комбиджир, разогрел кипятивником борщ с обеда, нарезал лук, хлеб (пластмассовыми ножами). И мы с Эдем агъа приступили к ужину, а я завершил благополучно пост.

Вечер обычно сопровождается обсуждением дня, а день был не особо насыщен, но осталось много из того, что осталось обсудить со вчерашнего, насыщенного на встречи и информацию, дня. Очень интересует вопрос: кому всё-таки, даже в тюрьме, я мог помешать, что меня решили изолировать дополнительно. Ясно, что брать за 100-процентную правду слова Бережного (тем более ещё не предоставлена та самая жалоба, о которой он много говорит, но не показывает), нельзя. С моей стороны не было каких-либо нарушений режима. Очевидно, что кто-то очень заинтересован в моей крайней изоляции, ведь события вокруг меня бурно развернулись в последний месяц – через 10 месяцев спокойного ареста и обитания в общей камере СИЗО. Конечно, ломать мой дух, оказывать моральное психологическое давление на меня и на продолжение даже из-за стен тюрьмы ненасильственной борьбы, обращение в народ, мир – это очевидный фактор, но есть что-то ещё, пока мне не понятное. Какие-то другие силы, интересы. Самое печальное, что допускаю мысль об ударе с тылу, от кого-то из своих...

19.45. Слышу, как по коридору продольный инспектор, с кем-то ещё, открывает камеры и проводит обход. Через несколько минут зашумела и наша железная дверь, продольный открыл её. В камеру зашёл, как я понял,

ответственный по СИЗО в сегодняшней смене, один из заместителей Бережного Пивоваров. Он на лицо мне знаком, но общения с ним у меня не было. Он зашёл в камеру, спросил, как наши дела, какие есть жалобы, спросил, всё ли у нас работает. Мы с улыбкой сказали, что холодильник немного морозит, а телевизор почему-то показывает только один канал и картину пляжа с пальмами. Указали на рисунок формата А4, который нарисовал Руслан Трубач, когда был в этой камере: телевизор «Рекорд» с морем, солнцем, пальмами, чайками. Висит эта картина на стене над нашим столом. Вместе посмеялись. Он понял наши намёки на его вопрос «всё ли у нас работает», т. к. у нас ничего в камере нет, и ломаться тоже нечему. Нашу камеру сами сотрудники СИЗО называют «стерильной» – даже при обысках смотреть нечего, она маленькая, всё как на ладони. Пивоваров ушёл, а мы продолжили общение.

20:30

В 20.30 продольный инспектор напомнил, кому утром быть готовым к этапам, судам и т. д.. Обычно в будние дни, вечером с 20.00 до 01.00, как придёт к инспекторам информация, они по камерам ходят и оповещают, кому утром быть готовым к этапу. Это нам не всегда даёт полную картину: к чему быть готовым, т. к. их информация бывает не полной/не точной (в прошлый раз, 06.02.19 г. мне сказали на следственные действия, а на самом деле был суд по продлению. Но это лучше, чем вообще ничего не знать, т. к. официальное оповещение суда, ФСБ и т. д. может прийти после событий или вообще не прийти, как у меня было с судом 06.02.19).

Сегодня меня предупредили быть готовым к 7.00 утра на следственные действия. Я уже сам догадываюсь, что это, наверное, то самое ознакомление с экспертизами, которое не состоялось 25.01.19 г.. Ну что, надо собраться, подготовиться к утру и немного поспать, т. к. предстоит весь день провести на ногах и в общении. Единственное, написал заявление на имя Бережного, чтобы передал копию или пригласил к себе для ознакомления с той самой жалобой Денисовой, якобы из-за которой я оказался в сегодняшних условиях.

Очередная пятница. Почти через месяц бездействий. В прошлый раз, 25.01.2019 я ездил в ФСБ для ознакомления с готовыми экспертизами следствия, но по непонятным, не объяснённым мне причинам весь день провел в боксах (это помещение 1,5x1,5 м в ФСБ, типа камеры, где ожидаешь, пока следователь не позовёт), так и не ознакомившись, вернулся в СИЗО. Усмотрел в этом умышленное безнаказанное затягивание следствия, на что неоднократно обращали внимание на суде и собирался писать уже заявление/жалобу на имя следователя. В 5.00 инспектор забрал заявление, которое я приготовил с ночи, на ознакомление с документом, якобы написанным омбудсменом Денисовой.

5:00

Совершил молитву и начал собираться к поездке. Пусть и не много в наших условиях нужно для выхода/выезда из камеры, но одеть выходную одежду, взять с собой коврик для молитвы, маленький бутерброд (потому что где и как пройдёт день, никто не знает), маленькую бутылочку воды, папку с бумагой и ручкой – это всё то, что, выезжая на суд, следственные действия, обвиняемым лучше иметь при себе, на всякий случай. В наших случаях приходилось и до 22-23 часов ночи быть без пищи и воды, потому что «террористам» абсолютно всё запрещают. Даже бутылку воды, которой хочет поделиться адвокат на суде, не говоря уже о еде для перекуса, принесённой родными в суды. СИЗО не даёт паёк, конвой не располагает обедами, а принесённое родными запрещено – живите, как хотите. Находясь в боксах ФСБ или подвалах суда, и помолиться приходится и укрыться, если холодно, или спишь, ожидая «у моря погоды».

06:10. Привезли завтрак. Мы взяли хлеб. Я запарил овсянки и проснувшийся Эдем агъа составил компанию. В 07:00 я совершил утренний намаз, а Эдем агъа принял утренний инсулин. Когда пришли инспектора, я был готов и читал

6:10

7:00

8:00

Коран, а именно – суру, рекомендованную к пятничному дню. В 08.00 меня вывели из камеры. Я попрощался с Эдем агъа, он пожелал удачи. Собрав всех со 2-го этажа из тех, кто был на сегодня «заказан», нас спустили на первый, а оттуда на подвальный проход, где ожидаешь, пока позовут к погрузке. В этом прокуренном, сыром и темном месте – «кишке», встречаются все, кто следует на суды, этапы и т.д..

Там я увидел Мемета Белялова – фигуранта-«компаньона» по уголовному делу. Как оказалось, поедом мы с ним и ещё с Сейраном Салиевым и Нариманом Мемедеминковым. Последний уже ездит на ознакомление с материалами своего уголовного дела по 205.2 ст. УК РФ («пропаганда терроризма через СМИ/интернет», а реально – за гражданскую журналистику, и он уже на финишной прямой к суду). Сейран же – ещё один участник моего уголовного дела. Всего в нашем уголовном деле 8 фигурантов. Это и не удивительно. Ведь если учитывать, что нам клеят конспиративную встречу в мечети, где обычно собирается 50-70-90 человек – и это норма, то 8 человек – это весьма скромно, но мы-то все знаем цели этих уголовных дел. Выборочно сажают активных, чтобы остальной народ запугать и покорить.

10:30

Примерно до 10-10.30 утра мы простояли в этой «кишке», пытаюсь не упасть от накуренности и безвоздушности. Затем нас позвали пофамильно и сразу загрузили в газель ФСБ. Вот тут хотел бы сказать несколько слов. Обычно процедура, следующая:

1. По мере того, как заезжают машины конвоя на погрузку (Киевский райсуд, Железнодорожный райсуд, Центральный райсуд, Верховный суд РК, суды Феодосии, Керчи и т. д.) вызываются по списку обвиняемые.

2. Сотрудники СИЗО и конвой проводит осмотр личных вещей и самого арестанта с заполнением спецбланка, где указывается абсолютно всё, что имеется при обвиняемом на момент выезда из СИЗО, вплоть до цвета одежды, обуви, папки, пакета/кулька в руках. Это всё делается в двух целях: а) на предмет выявления запрещённых в

дорогу вещей; б) конвой с момента приёма обвиняемых несёт полную ответственность за их жизнь и здоровье.

3. После этих процедур происходит сверка обвиняемого по карточке СИЗО перед машиной и дальше, в дорогу.

Аналогично, только в обратной последовательности, проходит возвращение. Но в случаях с поездками в ФСБ, я обратил внимание, что второго пункта, описанного выше, не бывает. Нас прямо ведут в машину ФСБ без досмотров. У меня по этому факту только одно объяснение. Никто, кроме ФСБ, не знает нас лучше и глубже как личностей и граждан этого общества, и они точно знают, что мы никогда не причиним вред себе и окружающим. Это запрещено Исламом, поэтому по страшилкам ФСБ и СМИ-пропаганде все бояться мусульман, а ФСБ спокойно ездит с нами без проверок и т. д. Это лучший пример, раскрывающий всю лживость и алчность всех этих преследований и гонений, показываемых как антитеррор и антиэкстремизм.

Итого, в газели нас 4 человека. Я, Сейран, Мемет (ст.205.5 ч.2 – 2-е Бахчисарайское дело) и Нариман (ст.205.2, гражданский журналист). Мы сели на задний ряд. Руки у нас в наручниках (спереди). В газели ещё 5 сотрудников ФСБ и водитель – наверняка, тоже сотрудник ФСБ. До бульвара И. Франка в г. Симферополь, где располагалось СБУ, а нынче ФСБ, мы добрались минут за 10-15. Дальше мы, четверо, были размещены в 2-х имеющихся боксах по 2 человека в каждый. Я попал с Нариманом, а Мемет с Сейраном. Мы с Нариманом немного успели перекинуться – о здоровье, быте в СИЗО. Его, кстати, так же, как и меня, без объяснений поместили в спецблок СИЗО — это условия, похожие на мои, только без камеры наблюдения внутри и, у него, оказывается, в камере есть телевизор.

Тут пришёл его следователь Паршутин (он входит в следственную группу и по нашему делу), забрал его на ознакомление. Нариман знакомится примерно с 30-ю страницами в день своего уголовного дела. По здоровью, оказалось, у него тоже есть проблемы. К 14 марта он готовится на плановую операцию. Все-таки год в тюрьме

дает о себе знать. А что будет за все года незаконных арестов – известно лишь Богу. Дай Бог силы и здоровья всем нам достойно пройти все эти невзгоды и испытания. И вернуться к своим семьям, народу в здравии и в силах продолжать трудиться во благо общества.

Минут через 15-20 после того, как увели Наримана, пришёл наш следователь Д. Громашов (кстати, бывший сотрудник СБУ) и пригласил меня на разговор в свой кабинет. Там он начал сразу.

Г (Громашов): Сервер, скажи мне, как мы будем общаться – по закону или по-человечески?

Я: Не совсем понимаю, о чём речь. Я всегда за человеческое отношение между людьми. И это значит, что надо идти по беззаконию?

Г: Вот смотри, я сразу всем сказал, что никаких свиданий с родными, жёнами, пока не завершу следствие.

Я: Ну и?

Г: А твои начали писать жалобы в суд. И я вот сейчас из суда, который перенесли на 1 марта 2019 г. Мне не тяжело ходить по судам. Я там всё равно решу вопрос, что я прав в своих отказах на ваши свидания. Но это занимает моё время, за которое я бы быстрее закончил уголовное дело. Мы начали ознакомление и если вы не будете мешать быстрому ознакомлению, то свидания пожалуйста. Я же человек и всё понимаю.

Я: Подождите: 1. Я сижу в тюрьме в глобальной изоляции. Что там, на воле, происходит – откуда мне знать? 2. Относительно свиданий: я на ваше имя тоже написал несколько безответных ходатайств о свидании с родными. 3. Относительно того, чтобы быстрее закончить дело: скажу честно, уже собирался писать на вас жалобу, что умышленно затягиваете. Т. к. почти месяц не можете ознакомить меня с готовыми экспертизами. Вас 12 человек – следователей ФСБ, а уже 1,5 года ведёте одно дело. А мы сидим в отрыве от нормальной жизни и семьи. 4. Что касается

свидания с семьёй, то это, вообще-то, предусмотрено и гарантировано национальным и международным правом. 5. Что и почему делает моя семья и защита – смогу сказать вам после общения с женой, если дадите возможность встретиться с ней. 6. И причём тут смешивать само дело с правом на встречу с семьёй?

Г: Если хочешь, вон, узнай у Беялова. Они тоже подавали в суд – ничего не помогло. Так что не стоит тратить своё и моё время – это мой совет. Ты, в общем, поговори со своими. Пусть заберут свою заявку в суде. Я-то могу бегать туда. Мне не тяжело, и я найду причину обосновать свою позицию. Да и руководство моё меня поддержит. Потому что, если я к нему приду с просьбой утвердить ваше свидание, оно меня сразу спросит, в «сознанке» ли вы (т. е. признаете ли вину, идёте ли на сделку со следствием), а вы, как говорится, по 51 ст.. Поэтому и руководство не даст добро. А то, что вы там говорите про ваше право и законы о семье, то это всё ерунда. Нет такого. И я не обязан никому давать свидание. Это моё право.

Я: Вас услышал. Абсолютно не согласен, но пообщаюсь, будет видно. А как так получается, что если человек себя оговаривает, сознаётся, тот свидание можно и проблем для следствия нет, а если не признаёт или молчит по 51 ст., то запрещено свидание: это, мол, опасно для следствия, давление на свидетелей и т. д.. Это как-то глупо звучит. Хотя – о чём я говорю? Тут же всё так построено!

Г: В общем, если сегодня быстро всё подпишешь, то, думаю, успеешь встретиться с женой. Так что, всё в твоих руках.

Я: Посмотрим. Я всё-таки хочу не просто подписывать, а видеть, знать, что вы тут наготовили. Всё-таки 15-20 лет шьёте...

Затем он меня опять привёл в боксы. Сам пошёл на проходную встречать адвоката, чтобы при нём начать ознакомление. Через 5 минут вернулся ко мне опять, чем-

то возмущённый, и говорит: «пошли в кабинет, твои опять что-то придумали, сейчас поговорим». Зашли в кабинет.

Г: Ну вот, смотри. Опять какие-то новости. Там какая-то женщина-адвокат. Кто она такая? Откуда? Зачем тебе она? Ты её знаешь?

Я: Раз адвокат, значит нужна. Её наняли мои родственники. Я её знаю и хочу, чтоб она была наряду с Легостовым. А в чём проблема?

Г: Да нет проблемы. Она какая-то невоспитанная. Ещё с корочкой адвокатской. Наверное, за 5 тысяч рублей купила.

Я: Не стоит так говорить. В чём выразилась её невоспитанность? Корочки, может, кто и покупает, но этот человек (и нам мусульманам не положено) в своё время с отличием закончил юрфак на госбюджете. И корку, если надо, можете проверить.

Г: Ладно, пиши ходатайство на меня, чтобы приобщить её к тебе твоим защитником...

Речь, конечно же, шла о нашей железной леди – адвокате Лиле Гемеджи. Громашов опять вернул меня в боксы. Пока он оформлял и заводил адвокатов, я увидел, что в коридоре появилась переводчик Г. Чанталова. Обычно переводчиком выступает Кубедин Сялядинов, но, наверное, сегодня его не будет. А Чанталовой я очень рад, т.к. она напоминает мне период, когда я, ещё на воле, посещая суды И. Умерова, ребят по делу 26 февраля, всегда виделся с ней, в том числе там, где она бывала как переводчик тоже.

Ещё 10 минут, и в коридоре появились мои адвокаты С. Легостов и Л. Гемеджи. Громашов повёл Легостова в свой кабинет, чтоб он закончил начатое ранее ознакомление, а мне пока дал возможность пообщаться с Лилей. Сегодняшний день, чувствую, будет весёлый и наполнен разными общениями и информацией. Мы немного поговорили с Лилей, я ей сказал, что было до встречи

с ней. Потом Громашов позвал меня, т. к. Легостову надо было пояснить мне некоторые документы. Дело в том, что Легостов успел ещё ранее начать ознакомление, и ему осталось завершить. Он дал свои комментарии к моему ознакомлению и подписям. Лиля и Громашов договорились о том, что на другой день она ознакомится со всеми материалами.

Лиля собиралась уходить, поэтому я попросил время на общение с адвокатом. Громашов пытался меня торопить, говоря, что если я быстро подпишу, то останется время на свидание с женой! Этот шантаж со свиданием на каких-то 10 минут за сегодня успел уже мне надоест, и я позволил себе сказать: «Знаете что: вы, наверное, сообщите жене, пусть едет домой. Встретимся в другой раз. Дмитрий, вы меня, пожалуйста, не подгоняйте. Мне светит 15-20 лет тюрьмы, а вы хотите, чтобы я за 5-10-ти минутное общение радостно подписал все ваши придуманные бумаги?! Нет уж. Если судьба, значит, с женой увидимся». Громашова это немного ошарашило, он секунд на пять замолчал. Потом продолжил: «Ну, зачем же так. Она же ждёт. Да и ты – разве не хочешь встречи? Думаю, успеешь...».

Я: Тогда просьба – не подгоняйте...

Потом было ещё длительное, около двух часов, ознакомление, в процессе которого я и переводчик Г. Чанталова подписали около пяти томов разных экспертиз (лингвистические, фонографические, религиоведческие, психиатрические и т. д.). Всё то, что указывал мне адвокат для подписи, сопровождалось разными вопросами-ответами, как по существу подписываемого, так и в общем, по данной группе уголовных дел 205 ст. УК РФ. Попробую опять условными тематическими блоками раскрыть основные тезисы общения. Это был так же разговор, по сути, не под протокол, поэтому какую-то часть этого диалога оставляю пока скрытой – из этики общения и безопасности. Адвокаты, закончив общение со мной, ушли дальше по делам, да и мне уже было ясно, что делать. А объёмную лингвистическую и религиоведческую экспертизу (около 400 стр.) я подписал одним махом, договорившись, что

Громашов на следующую встречу распечатает для меня лично данное «экспертное» заключение. А на сегодня мы сэкономили время для свидания с женой.

Блок «Следственная группа 12 человек, а дело 1,5 года тянется».

Я: Почему так долго тянется дело? У вас что, пока нас ведёте, стаж по вредной сетке идёт? Не могу понять, зачем мы вам нужны. Вы сами где-то что-то записали, отдали в свои доверенные «экспертные» учреждения, получили нужное заключение, а теперь ознакомление и – в суд? А мы 1,5 года сидим, ждём ваши огульные умозаключения.

Г: Всё идёт по процедуре. То, что нас в группе 12 человек, ничего не значит. Всю работу я выполняю сам. Максимум – прошу на судах по продлению участвовать коллег. Поэтому всё тянется. Я один должен всё на каждого из вас заполнить, оформить и подать. А ещё эксперты тянут с экспертизой, хотя, по сути, везде одно и то же. Они сначала долго знакомятся, потом делают ту же работу в экспертизе. В результате кучу денег берут и времени. Я бы вообще уехал куда-нибудь в горячую точку РФ, где сетка стажа плюс з/п 150 тысяч рублей – и быстро вышел на пенсию...

Я: Что-то не вяжется у меня в голове все ваши рассуждения. Но даже если и так, как вы говорите, печально, хотя вполне понятна тут ваша сущность, атмосфера и бытовуха...

Блок «Предательство, измена Украина-Россия».

Я: А что вам постоянно присылают начальника с материка? Что, тут достойных нет? Как вам новое руководство? Лучше Палагина?

Г: По руководству пока непонятно, что лучше, что хуже – ещё осваиваемся. Местных не ставят, да и мало нас, старых, тут остаётся. Вымирающий вид (улыбается).

Я: Не могу согласиться, что я вообще что-либо делал для этих изменений и нового гражданства. По факту мне и остальным принудительно, против воли, и не дав возможность выбора, определили гражданином РФ, а теперь судят по законам РФ.

Г: Да ну ладно, прямо так и против воли – (с улыбкой и упрёком) что вы всё такое говорите?!

Я: Конечно, против воли. О чём говорите вы? Формально дали право оформить вид на жительство как гражданина Украины, но по факту искусственная бюрократия, ряд ограничений и по срокам подачи документов в том числе. А дальше никуда не пойдешь и вопрос не решишь: больница, садик, пособия и т. д.. Даже простой платёж в банке обязательно с паспортом РФ + любой российский номер.

Г: Вот видишь, а пособия получаешь на детей от РФ.

Я: Минуточку! Я, будучи отцом троих детей на тот момент (сегодня детей четверо), уже получал пособие от Украины, причём не 5 тысяч рублей, как дают сегодня. Поэтому сюда лучше не лезьте. А что касается паспортов, выданных в Крыму, почему-то на материковой России ни государственные органы, ни нотариусы при сделках особо не хотят их принимать, выпрашивая альтернативно украинский паспорт. Это уже сами думайте, почему так получается...

Свидетелем практически всех разговоров была переводчик Г. Чанталова. В некоторых местах она говорила в унисон со мной.

Блок «Некоторые моменты по нашему уголовному делу».

Я: Почему меня задержали через 8 месяцев после остальных фигурантов нашего уголовного дела?

Г: Это вопрос к оперативникам. Они долго не могли установить личность (идентифицировать) тех, кто на записях (аудио) в ОРМ. Как только определили, так и арестовали.

Я: (улыбаясь) Да ладно вам – не могли определить личность... Я личность не скрытая (как об этом пишет участковый по вашей просьбе, негативно характеризую в справке, приобщенной к материалам дела) – я был, есть и буду активным участником жизни моего народа (сообщества). Я думаю, вы просто арестовываете одних, чтоб запугать, остановить остальных. Но дело наше правое и защищать невинных – это не противозаконно, хоть и не приятно вам, когда раскрывают всю фальшь и фабрикации в отношении активных мирных граждан. Я не остановился в своей деятельности, и вы решили арестовать. Вы меня пугали, предупреждали, следили, но мне не было куда и незачем бежать. Более того, в этой мечети, где вы инкриминируете нам проведение якобы «тайную, конспиративную, военную пропаганду» – всегда собирались и будут собираться люди. А то, что там сидит ваш человек (один из жителей города, который под вашими угрозами пишет доносы и оговаривает людей, чтоб его самого не наказали, т.к. у него проблемы с законом) – все знают. Но никто не делает и не говорит ничего противозаконного, так и бояться нам нечего. Тем более мечеть – это не чья-то личная собственность, чтобы гнать оттуда людей. Но арестовав меня, вы не арестуете всех, кто туда приходит, там 50-70-90 постоянных прихожан, а по пятницам в разы больше.

Г: А зачем всех арестовывать? Ведь не все участвуют, говорят, общаются, а просто слушают...

Я: В экспертизе, на более чем 30 страницах и в 3-4-х аудиозаписях по 1 часу каждая, вы идентифицировали меня только в одной записи, в которой я задал один вопрос на одну неполную страницу А4 в текстовом варианте. Как можно, только на основании этой небольшой записи, громко и многократно говорить о моей, якобы, активной деятельности, спецподготовке и навыках в пропаганде террора и антироссийской и антиконституционной деятельности?!

Г: Ну, у нас есть ещё свидетельские показания, которые раскрывают остальное.

Я: Ничего себе! Т. е., есть ваши люди, которые слаженно расскажут, как я жил в Украине и без какой-либо армии (даже сам не служил), из провинциального городка (Бахчисарай) вёл антироссийскую антиконституционную деятельность и пропаганду? И после этого вы говорите, что у вас в деле (которое ведёт он, Громашов, в отличие от остальных следователей, с подставными свидетелями, несовершеннолетними понятыми, подкинутыми вещдоками и т. д. — это немного ранее он говорил, уверял), всё качественно и не наиграно?! Может ваш свидетель ещё расскажет, как я склонял к противоправным действиям, предлагал зарплату и т. д.?!

Г: Ты не утрируй, а то, что есть. Я лично говорил с каждым свидетелем, поэтому уверен. Были, конечно, и такие, кто готов что-то сказать, а по факту сказать нечего. Я их отправил обратно.

Я: Да ладно, прописали бы текст, что и как надо сказать — и все дела. Ведь это не впервой в делах по 205 ст. Я вот смотрю, что по записям аудио указано 11 голосов, а арестовано 8 человек. Что с остальными?

Г: Их пока не смогли идентифицировать.

Я: Ясно. Будут активничать, продолжать вести свою активную общественную позицию — и их идентифицируют. С вами всё понятно... У меня вопрос по экспертизам и по претензиям к тому, что говорилось, обсуждалось в мечети. Ведь там сугубо мусульманские, исламские тексты: хадисы, цитаты из Корана и т.д. Там же показывается ответы на ряд жизненных аспектов и решения к ним с точки зрения канонов ислама и исламского права. Это тексты, используемые всеми учеными мусульманского мира. Возможно, с некоторыми отличиями в трактовке, но только в дозволенных, допустимых шариатом местах. Это нормально, ибо в основе нет противоречий и разнотолков нет. Лишь мелкие, второстепенные вопросы. И в чём тут

проблема? Более того, на одной из записей (пока из того, что я успел увидеть) С. Салиев (так указано в материалах) напоминает и предостерегает участников встречи в мечети о недозволённости и недопустимости причинения какого-либо вреда, крови, смерти любому человеку, даже неверному. О какой пропаганде, насилии и т. п. можно говорить?!

Г: Проблема лишь в том, что данные проповеди построены на основе книги издательства ХТ, которая запрещена. Выступление идёт прямо по книге. Вот и всё. А темы, может, и общеисламские.

Я: Ну, знаете! Это какой-то абсурд. Во-первых, я не видел там, в мечети, выступлений, зачитывания с книги. А текст (хадисы, аяты и т. п.) они едины для всех, и каждый вправе использовать их. Может, теперь не авторов, а сами тексты ещё запретим?!

(В одном из диалогов Громашов высказал реплику: мол, он много слышит про обмены и т. д., особенно от Сервера Зекерьяева. Так вот, он сказал: «Ради Бога, я буду только рад, если это, наконец, произойдет»).

Блок о ХТ и законе 2003 г., точнее, о решении ВС РФ.

Г: Ты знаешь, я согласен с решением ВС РФ от 2003 г., куда внесена и ХТ как запрещённая. Да, то, что там написано, не даёт понимания, что, зачем и почему с этой партией не так. Так же, впрочем, как и Таблиг джемаат.

Я: Таблиговцы – это же полные аскеты от политики и т.п. Какие к ним вообще могут быть вопросы? Они даже в жизни общества весьма аскетичны.

Г: Так вот. Мы по этому поводу долго общались с адвокатом Костей Рустемовым (адвокат Эдема Смаилова), изучали по этому решению суда и противозаконности партии. Единственное, к чему мы с ним пришли – то, в чём обвиняют этих ребят и партию, можно приписать лишь на определенных формальных основаниях, предположениях и т. п. Да, много пробелов

и вопросов. Отсюда и для нас возникает много вопросов и дел. Но она по факту запрещена и сроки весьма большие – наряду со всем, что имеется по этой партии.

Я: Да, Дмитрий, именно много пробелов, вопросов, и лишь по каким-то надуманным формальностям мирные, полезные обществу люди, многодетные отцы, кормильцы семей и ухаживающие за родителями в силу политической конъюнктуры получают ярлыки «террористов» и вытекающее отсюда отношение, и длинные сроки несправедливых арестов. Знаешь, Дима, именно вот эти ваши формальности и подкрепления этой глупости через СМИ, просто видя применяемую против нас статью 205, везде, где бы мы ни были (СИЗО, психушка, суды, лагеря, этапы), только увидев статью, к нам сразу относятся как к отбросам, опасным, незащищённым законом, требующим уничижительного отношения администраций и работников этих заведений. Просто как ты говоришь, по формальностям – «террорист».

Г: Да, наверное, есть такое...

Блок «Про 278 ст. УК РФ».

Я: А откуда тут появилось постановление про вторую статью, кроме 205 ещё и 278 УК РФ?

Г: Да это только вот утвердили от 20.02.2019 г.. Вы ещё ознакомитесь, вам пришлют в СИЗО.

Я: Так, подожди, а она зачем ещё «лепится» нам? Вы что, всерьёз будете и сможете такое доказать?!

Г: Ну, это уже стандарт в ваших делах. Да и с учётом того, что в книгах партии пишут про этапы деятельности, то 278 ст. подходит.

Я: Я в шоке. Ладно, пришлёте, прочитаю ваши «басни Крылова», как деревенский мальчик покушался на РФ...

Блок «Про последние задержания и суды в Ростове».

Я: Дима, а что это вы докатились, что опять начали подкидывать при обысках. Я про последнее задержание и обыск 14.02.2019 г. (пгт. Октябрьское)? Что, совсем не вяжется уже, да?

Г: В моём деле ничего такого не было.

Я: Слава Богу. Да, у нас всё ровно прошло, только отцу руку повредили и лоб поцарапали.

Г: Что там было в Октябрьском, я не знаю. Это личные способности и проделки оперативников. Мне приносят дело, и я тогда начинаю работать. У меня всё чисто. Я вообще ко всем этим подставам не имею отношения и не понимаю их. Ведь оно всё равно потом всё выходит – и свидетель подставной, и понятой несовершеннолетний, и т.д. (Про понятого – это случай по симферопольскому делу, которое сейчас в Ростове; а про свидетеля это, наверное, про Ялту, хотя везде всё аналогично. Просто не везде получается раскрыть фальшь, а в целом всё очевидно для объективных).

Я: Ясно, т. е. ты гарантируешь, что в нашем деле подстав и оговоров не будет? (улыбаюсь).

Г: Да, я за своё дело отвечаю. Если что, все вопросы ко мне.

Я: А что это ваш сотрудник И. А. Романец совсем уже с ума сошёл? Инвалида 1-й группы, на костылях, в подрывники записал и пытается что-то доказать.

Г: А-а, ты про старика? Да, слышал. Не знаю, что там происходит. А что, он с тобой сидит? Что, совсем больной?

Я: Да, он со мной сидит. Больной – не то слово, там болезней целый букет и все тяжёлые...

Г: (перебивает) Ясно, но я не в курсе этого дела.

Я: Ну, ты скажи коллеге, что так дела не делаются.

Человек этот реально в опасности и мучается.
Оперативник ещё и медкомиссию сфальсифицировал...

Это, наверное, основные темы и блоки нашего отрывистого общения с майором ФСБ Д. С. Громашовым за сегодня, пока я подписывал 5 томов разных экспертиз, постановлений и т. д.. Всё это проходило в присутствии переводчика Г. Чанталовой. Затем, обрадовавшись, что я закончил, Громашов поспешил провести меня в боксик и пригласить мою жену на 20 минут – это впервые за 10 месяцев. Сам он, тем временем, пошёл вместе с Салиевым и Беляловым и их адвокатами Мамбетовым и Смедляевым ознакамливаться с материалами, которые я сейчас подписал. В соседнем боксике, уже закончив на сегодня ознакомление, находился Нариман. Время – начало пятого вечера.

Я, конечно, был рад увидеть и обнять свою жену, мать моих четверых замечательных детей, хранительницу нашего семейного очага, а на период моего отсутствия, в особенности. Наряду с этим, с самого утра и вот уже к этому вечернему времени, я ещё ничего не ел и был очень голоден. Ребята остальные перекусили, пока ожидали моего освобождения от дел ознакомления. Моя дорогая любимая жена привезла самые разнообразные вкусняшки домашней национальной кухни. А моя незаменимая мамочка с фанатичной материнской заботой приготовила и передала этой пицци столько, что я смогу неделю жить в этих боксах и почивать эту заботу... В общем, и кушать хочется, и кушанья вкусные. Но и с женой дали только 20 минут поговорить, насмотреться на неё. За 10 месяцев, действительно, столько всего собралось и хочется узнать – и о детях, и о родителях, и о быте, и о потребностях, болячках – ведь я так же остаюсь отцом, сыном, мужем и ответственности с меня – заботиться в меру возможностей никто не снимал.

Пролетели эти 20 минут между двумя съеденными мантишками словно 2 минуты разговора. Главное я сказать успел: 1. Всех люблю, помню и за всех молюсь. 2. Моя борьба не остановлена, я ни о чём не сожалею, и родные

тоже должны быть на позитиве, в борьбе и без сожалений/огорчений. 3. Относительно иска на Громашова делать так, как скажет адвокат, и не сдаваться. 4. Быть готовой к тому, что если будут шантажировать или манипулировать нашим свиданием (аналогичным), чтобы я лишь подписал или не жаловался, то при сроке 15-20 незаконных лет 10-15 минут свидания не могут стать разменной монетой. И пусть не обижаются родные.

Дальше, по мере ознакомления с результатами экспертизы, Белялов тоже встретился со своей мамой (в прошлый раз он встречался с женой). Затем освободился Салиев. И ему тоже впервые за 1,5 года повезло увидеться с женой и сыном Салихом. Я, конечно, хоть и через отверстие в двери, был невероятно рад видеть всех этих людей, соотечественников. А Мумине Салиева ещё и незаменимый человек в общественной работе, которую мы все большой командой вели и ведём в рамках Крымской Солидарности и Крымского Детства вместе со всем народом, во благо всего народа. Именно из-за народной базы эти площадки стали символом ненасильственной борьбы и защиты интересов народа в свете событий с 2014 г. в Крыму. Поэтому, арестовав одних из нас, появляются десятки новых. И так будет, даст Бог, до победы.

18:00

День прошёл весьма бодро, насыщено, информативно и, не ошибусь, если скажу эмоционально и сентиментально. Где-то к 18.00 мы приехали так же, как утром, в СИЗО. Там нас приняли по правилам, описанным выше (с проверкой, досмотром) и где-то в половине восьмого мы уже были в камерах.

Встречал меня на всех радостях Эдем агъа. Мы обнялись, соскучившись по друг другу за весь день. Я, конечно, приехал не с пустыми руками. Спасибо родным за гостинцы и отдельно спасибо за фильтр-кувшин для воды. Слава Богу, на досмотре всё пропустили. Я начал выкладывать всё на стол, чтоб с Эдем агъа провести трапезу и готовился всё рассказать. В камере меня тоже ждал сюрприз. Днём, пока меня не было, как естественный результат непоколебимой и мирной борьбы за свои права

и неустанность, несломленность, даже если не получается сразу – на кровати лежал новое одеяло. Хотя говорили, что их нет, что в тюрьме перелимит и т. д.. Слава Богу, сегодня день положительных эмоций. Настоящая праздничная пятница. Хотя, конечно, очень устал. Но всё это несравнимо со всем, что прошло за весь день.

Формальности и фальшь – т. е. обсужденное, услышанное и увиденное в ФСБ, в материалах дела и в беседе с Громашовым, абсолютно не огорчили. Потому что мы не в первый день переживаем все эти аресты, суды, фабрикации. Иллюзий никто из нас не питает. Очевидно, что корень проблемы в самой системе, в менталитете людей, в незаконных решениях ВС РФ и т. д.. Всё это происходит на глазах у всего мира, умело и лицемерно облекаемое в «дело» борьбы с террором. Пропагандой пропитаны государственные, лояльные к власти СМИ и сами политики. И всё это есть политически мотивированная борьба с инакомыслием. Пока подлинность всей этой грязи и обмана не станет видна и ясна, а люди, общество не отвергнут все эти огульные обвинения и признают репрессию мирных граждан репрессией, изменить что-либо тяжело.

Именно этим мы и занимались на воле, а сегодня продолжают заниматься остальные. Именно это не нравится власти, и она продолжает свою наглую вопиющую агрессивную политику гонений и репрессий по национальному, религиозному и политическому признаку. Только происходит это уже 5-й год (это в Крыму, на материке уже десятки лет) на глазах у всего мира, превращая в пыль все международные нормы, законы и резолюции. Но даже всё это нас не огорчает, и мы не отчаиваемся. Непременно за трудностями настанет облегчение. Это всё мы обсудили с Эдем агъа, и я решил лечь пораньше. Время 23.30. Заявления не пишем – впереди выходные.

23:30

День 29

23.02.2019

Суббота

Ночь после вчерашнего насыщенного дня прошла как на одном дыхании. Даже сны не снились – они в последнее время часто приходят из-за множества вопросов, мыслей, которые без ответов и не дают успокоиться. Такая же ситуация у Эдем агъа с его абсолютно не объяснимой ситуацией с уголовным делом и арестом в его-то положении...

6:00

Кормилец пришёл по расписанию в начале седьмого утра. Затем неизменная – 365 дней в году – смена продольных и дежурных по СИЗО, которые в 9.10 пришли на пересчёт и проверку камер. Эта процедура занимает 2-3 минуты. По дневной программе сегодня только обед, ужин по расписанию и прогулка. Суды, встречи с адвокатами, следственные действия в выходные не предполагаются. А значит, нам надо занять себя самим, чтоб в маленькой душевной камере в 8 кв. м, без телевизора не сходить с ума, как, впрочем, и в будние дни. Вариантов чем заняться у нас не много. Приходится чередовать чтение имеющейся литературы с решением кроссвордов и, как обычно, разговоры/общение на разные темы за кофе/чаепитием.

Как ни странно, для общения всегда находится множество разных жизненных историй, увлекательных рассказов о религии и т. д.. Я мало говорю про естественные вещи – уборку в палате, стирку личных вещей и т. п., потому что тут все как обычно и очевидно. Хотя, конечно, есть некоторые особенности, отличающие эти вполне бытовые процессы от того, как это происходит на воле или даже в камерах общего содержания. Но, с другой стороны, есть, конечно, и плюсы нахождения в маленькой камере с поселением в два человека. Поддерживать чистоту и порядок значительно легче, а то, что в камере сигаретный дым не стоит столбом, так это вообще мечта для не курящих, которые в общей камере никак не могут избежать пассивного курения,

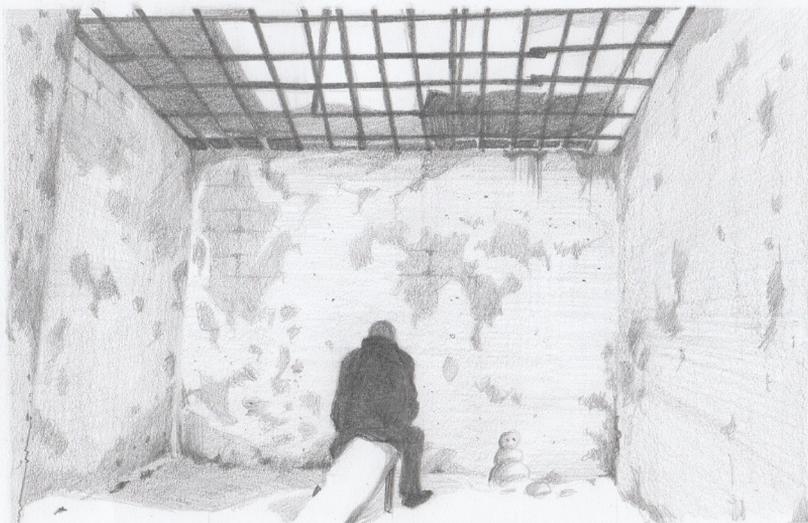
ибо в помещении таких камер всё пропитано никотином и табаком. В периоды активных фаз вирусных заболеваний, например, гриппа, камера, подобная нашей, тоже большой плюс. Потому что текучка «кадров» (сокамерников), которые постоянно ездят по этапам и объективно становятся переносчиками этих самых вирусов – отсутствует. Поэтому, если даже и заболеем, то только сами, допустив халатность.

На прогулку сегодня ходил, но на полчаса. Неожиданно в конце зимы выпал снег, и на улице резко похолодало. Боясь заболеть, попросил ограничить часовую прогулку. Инспекторы не отказали, спасибо. А вообще, прогулка очень хорошо влияет на самочувствие после круглосуточной изоляции в безвоздушной камере. А на ужин сегодня принесли рагу и сельдь соленую, которую, по уже ранее рассказанному рецепту, я сразу замочил и начал менять воду, чтобы к завтрашнему ужину приготовить свой чудо-салат. Часов в 17 принесли посылку, которую отправляли нам обычно по пятницам, но в этот раз передали в субботу. Это последняя передача на этот месяц. По правилам, на одного обвиняемого в месяц положено 30 кг. Эдем агъа уже своё исчерпал. А у меня остались последние 10 кг, вот их мы и получили. Спасибо родным и всем, кто помогает. Наконец- то получили ершик, а чистящее средство не пропустили, «нельзя»...

День 30

24.02.2019
Воскресенье

Ночь прошла с множеством коротких снов разного содержания – это после пятничных встреч и общений. Семейные эпизоды, судебные сцены, встреча с друзьями – товарищами на воле, но почему-то в продолжающейся борьбе за справедливость... Как и вчера, кроме баландера, смены дежурных по СИЗО и прогулки никто и ничто не беспокоит. Ну и, конечно, инсулин для Эдем агъа – крайне и жизненно важный элемент его повседневности.

На прогулку, как и вчера, вышел краткосрочно, потому что мороз на улице больше, чем вчера. Во двореке лежит достаточно снега, по которому можно ходить. Я пытался его трогать, лепить снежки, как ребёнок. Это на воле человек, можно сказать, не ограничен в действиях, не вполне способен видеть и ценить то, что вокруг. Истинный вкус жизни и ценность мира человек познаёт именно тогда, когда лишается того или иного блага. Поэтому религия призывает нас ценить молодость – пока не застала старость; ценить здоровье – пока не постигла болезнь; правильно использовать время – пока оно не закончилось. Вот так и радость моя снегу, лучам солнца, свежему воздуху крайне велика, ибо за год крытого режима содержания, как никогда, осознаётся ценность этих, казалось бы, обычных, незначительных вещей, окружающих нас на воле и безвозмездно подаренных Богом взамен простой благодарности.

Хотел бы ещё пару слов сказать о вчерашнем дне, т.к. упустил описать вчера. 23-февраля в истории моего народа один из траурных дней. Именно в этот день 1918 года матросами-большевиками и анархистами был зверски убит Номан Челебиджихан. Это был молодой (шёл 33-й год) перспективный крымский лидер и активист. Но, как сегодня наследники тех большевиков и советского гестапо незаконно репрессиируют крымскотатарский народ и подавляют инакомыслие, так и тогда (это видно на примере Н. Челебиджихана) преследовали и пресекали любое инакомыслие. Важно иметь свой, отличный от диктуемого властью, взгляд. Я сейчас не хочу обсуждать и давать оценки деятельности взглядам и пути, который имел Челебиджихан – это субъективный и отдельный вопрос – я лишь в очередной раз акцентирую внимание на том, как повторяется история несправедливого гонения и преследования по национальному, религиозному и политическому признакам.

Несмотря на все, казалось бы, репатриации, реабилитации и множество национальных, международных актов, пактов, резолюций, мы видим, как всё повторяется – из поколения в поколение. Меняются лишь исполнители (от предков к потомкам) и средства, т. е. ярлыки, которыми вуалируют «законный» вид бесчинств: предатели в 1944-м; террористы/экстремисты в 2014-м. Всё это говорит лишь об одном: нет сегодня ни одного придуманного человеком закона или системы законов в мире, которые способны были бы решать проблему человека, общества, мира. Всё, что мы видим, ни что иное, как фикция, иллюзия законов, системы, норм, человеколюбия, гуманности и т. д.. Факты это ярко иллюстрируют.

Сегодняшняя дата траурная и в истории других народов, которые той же властью российской были депортированы со своих исконных земель – 23-февраля 1944 г чеченцы и ингуши. До этого, 2-ноября началась насильственная высылка карачаевцев, после этого, 8-марта 1944 г., балкарцев, а 18 мая того же года крымскотатарский народ. Даты разные, но власть и её наследники одни и те же.

Огульность, антигуманность, беззаконие – тоже. Именно поэтому в своё время проявилось как ясное осознание сущности этой – сменяющей лица, но не меняющей своего ненавистного отношения к народу – власти, то, что хранилось в душах и передавалось, наверное, генами или материнским молоком (а, может, как нам пишут в уголовном деле, на тайных конспиративных собраниях) – когда отказывались служить в армии этой власти или развивать и созидать страну под руководством этой власти...

Невозможно забыть и то, как руками служивших той власти различных деятелей репрессировались свои же народы. А сегодня последователи тех предателей и манкуртов пытаются найти свои места в современной истории народа, предавая, понося, совершая доносы и лжесвидетельствуя в судах против своих соотечественников, единоверцев, родных – питая иллюзии и мечты о хорошей карьере, жизни и, якобы, «великом благе» для народа. Жаль, что определённая часть общества, называющего себя развитым, так низко, стадно ведёт себя, терпит такую жизнь и тиранию, совершает однотипные с прошлым ошибки...

Между тем, сегодня у нас по графику так называемый импровизированный банный день. После прогулки мы начали греть воду подручными средствами, как я уже описывал ранее. По четвергам на свой страх и риск я хожу в баню СИЗО, меняю бельё. Но одного раза в неделю для человека, если он не хочет быть «чуханом», этого мало. А для мусульманина тем более: чистота тела и одежды одно из важных условий для молитв. Эдем агъа, конечно, ограничен ещё более, так как кроме нашей «бани» с раковинной и водой в кружке администрация СИЗО так ничего нового ему и не предоставила. И никакие визиты омбудсменов, ОНК и т. п. этот вопрос не решили. Как не было бани – так и нет, как не было прогулки – так и нет уже 3-й месяц, несмотря на все жалобы и заявления.

Кстати, в пятницу в ФСБ Лиля мне дала копию ответа на её запрос по моему и Эдем агъа бытовому положению после визита омбудсмена Л. Лубиной (06.02.19) и её помощника (28.01.19). Так вот, согласно официальному ответу этих

людей, призванных, как и адвокат, быть на стороне защиты интересов обвиняемых, оказалось, что они на страже незаконных действий тиранов-правителей. Ибо в ответе всё ярко и красочно описано: жалоб нет, условия хорошие, состояние здоровья без нареканий и т. д.. Всё это несмотря на то, что я лично с Лубиной не общался, но в разговоре 28.01.19. с её замом В. Шепетилой просил (под запись) дословно отразить в своём отчёте о визите нашу проблему. Вот вам и все так называемые результаты работы так называемых институтов демократии РФ. Аналогично дело обстояло и с отчётом ОНК от 11.02.19. А. Козырева...

В общем, к 20.00 банные процедуры мы завершили, полы помыли, побрились, кремами помазались и в шутку сказали друг другу: «Ну что, завтра в город на деловые встречи готовы». Вечер прошёл в общении. Завтра понедельник и пост, поэтому надо ложиться, чтобы утром рано успеть поесть. Вчера я написал повторные заявления, которые пока остаются без ответов.

22:00

День 31

25.02.2019

Понедельник

5:15

5.15. Инспектор собирает заявления. Я проснулся, чтобы помолиться, поесть перед днём поста и начать новую неделю в уже не новых условиях изоляции, тотального контроля и самоуправления администрации СИЗО. Сегодня ночью я залез на подоконник – убрать некоторые продукты, которые с вечера не доели, в импровизированный холодильник за окном. Из-за отсутствия холодильника многие арестанты в зимний период спасаются маленьким расстоянием между окном и решеткой в качестве холодильника. Это, конечно, неправильно, т. к. погода в Крыму, в целом, достаточно теплая, но это лучше, чем держать скоропортящиеся продукты в камере. В зависимости от погоды таким образом можно на 2-4 дня сохранить качество продуктов. Так вот, только залез я убрать продукты, как в старшинку позвонили с центральной

части, чтобы я слез с подоконника. Инспектор тут же подошёл к нашей двери и через отверстие начал диалог. Я сказал, что сейчас закончу дело и слезу. Он понимает безобидность моих действий, но всё же просит побыстрее слезть, чтобы руководство его не беспокоило. Вот такое тотальное наблюдение и такая «охрана» в К58. И через камеру видеонаблюдения и через отверстие в двери каждые 20-30 мин нас от чего-то оберегают.

7:00

7.00. Очередной инсулин. Эдем агъа при фельдшере Сергее Михайловиче сделал замер сахара в крови на своём глюкометре. Показания на голодный желудок 12 mmol/l. Это очень много – при том, что принимается инсулин и есть максимальная диета. Мы написали заявление на имя начальника медсанчасти СИЗО Ищенко, чтоб он лично встретился с Эдем агъа для обсуждения состояния здоровья – такой уровень сахара опасен для жизни. Заявление передали через фельдшера, чтобы он передал лично в руки.

8:45

8.45. Левитанша принесла мне и Эдем агъа копии апелляционных жалоб наших адвокатов по судам 06.02 и 07.02.19 соответственно. Также принесла извещения, что 26.02.19 будут проведены апелляционные заседания – моё и Эдем агъа в 14.00. Я удивился, как так быстро! В этот раз назначили суд, ещё даже не принеся переводы (на государственный язык – крымскотатарский, т. к. я попросил изначально вести делопроизводство на законном праве использовать родной язык. Это, конечно, больше пародия, т.к. никто этим не занимается, а мне приносят лишь переводы постановлений и жалоб. Как бы там ни было, оповещение сработало в этот раз почти в срок.

9:15

9.15. Утренний пересчёт, пересменка. Оперативник – тот же старлей, который официальный отказ СИЗО на письма на «негосударственном» крымскотатарском языке всё ещё мне не донесёт. Я ему снова напомнил, что жду ответ (это уже 4-е напоминание за 2 недели). Он, в свою очередь, обещал, что напомнит цензору, чтобы завершить, наконец, это дело. Так начался понедельник. Прошёл он достаточно тихо.

Я отмечаю сегодня первый месяц нахождения в этих абсолютно не объяснимых с точки зрения законности, но более чем унижающих, ломающих психику и моральное состояние условиях изоляции, контроля и отношения всех и вся ко мне как к особо опасному для Вселенной маньяка, преступника, террориста... Если попробовать подвести итоги месяца, то положительных изменений добиться, по сути, пока не удалось. Более того, сложно даже по дневнику увидеть, как каждая моя и моей защиты попытка обжаловать, просьбы объяснить причины этого отношения, в лучшем случае, остаются без реакции, а в худшем, вызывали лишь усиление изоляции, контроля, обмана (со стороны СИЗО) и самоуправства с элементами прямых и косвенных угроз.

Это выразилось в следующем:

- До меня 58-я камера контролировалась только через видеонаблюдение, изредка через дверь. При мне смотреть начали каждые 20-30 минут, а иногда и подслушивать за дверью мои разговоры с Эдем агъа. Были даже случаи съёмки на свой регистратор через отверстия в двери инспектора.
- К58, в которой 10 кв.м вместе с туалетом и умывальником, которая вся в бетоне, видеонаблюдение практически исключало плановые/внеплановые обыски. При мне они начались, причем инспекторы сами смеются: обыскивать-то нечего!
- Ни в какой камере не ведут постоянный видеонадзор; более того – нет и такого, чтобы все разговоры (прогулка, баня, приём пищи через дверь и т.д.) администрации и инспекторов совершались с видеорегистрацией лично инспекторами. Со мной это началось с моим переводом в 58-ю камеру. Эдем агъа, который оказался здесь на 1,5 месяца раньше меня (вместе с Русланом Трубачом), сам был в шоке от изменений, начавшихся с моим приходом.
- На протяжении месяца моего тут нахождения поменялись четыре кормильца (развозчики пищи по

камерам), почти каждую смену – новые инспектора по этажу; в СИЗО между этажами инспекторов периодически меняют, но чтобы ротация шла в течение месяца — это удивительно и подозрительно.

- Все проверки, комиссии, как сговорившись, выдают отчёты, что нарушений в СИЗО нет, жалоб обвиняемых не обнаружено. Однако мои диалоги, практически дословно, а по сути полностью отражённые в дневнике, говорят об обратном. Так чего же стоят такие отчёты?!

Ну вот, если вкратце, то, что имеем за месяц. Конечно, это только начало пути борьбы за свои права в условиях тюрьмы. Только для соблюдения некой субординации я выбрал, пусть и длинный, но правовой путь прохождения через все инстанции последовательно, а не бить во все колокола бить одновременно. Я и моя защита понимаем, что дело не только в том, что силы в этой борьбе не равны, но и в том, что нет инструментов для обеспечения справедливого и равноправного состязания. Но я двигаюсь по правилу: силен не тот, кто не упал, а кто смог встать и идти дальше. И ещё: то, что нас не убило – сделало нас сильнее. И нет мощи и могущества, кроме как у Аллаха. В планах ещё много обжалований и судебных исков, а результаты этого уже за пределами наших знаний и возможностей. Пока лишь начинаем отсчёт второго месяца...

16:20

16.20. К Эдем агъа пришёл один из его адвокатов Ислям Велилляев. С учётом того, что кабинеты работают до 17.00, это встреча была короткой и больше направленной на получение информации о состоянии здоровья, чем о стратегии и ходе судебного дела Э. Бекирова, т. к. появились новые задержания по 205 ст. УК РФ (18.02.19). Вот и получается, что контора штампует на конвейере новые и новые уголовные псевдодела, а безвинные политзаключенные годами томятся в застенках тюрем РФ (в целом, все дела, вопреки УПК РФ, умышленно затягиваются на года, яркий последний пример — дело ялтинской группы по 205 ст., у которых 11.02.19 начался уже 4-й год следствия и судов).

В деле Эдем агъа есть ещё одно важное обстоятельство: данный полит узник, вдобавок к незаконному преследованию, ещё и инвалид с букетом заболеваний, не совместимых с арестом и содержанием в условиях СИЗО. Хотя, о чём можно говорить в отношении ФСБ и тирании РФ после убийства силовиками В.Кашка, Р.Аметова; похищения Э. Ибрагимова; ареста 76-летнего С. Караметова и других пикетчиков-стариков, после ареста Б. Дегерменджи, А. Чапух и др.. Но это не должно нас останавливать бороться и доказывать. Потому что всё это самоуправство и вопиющая агрессия РФ рано или поздно закончится, и всем тиранам, их помощникам придётся нести ответственность, если даже не в этом мире, то в следующем – на суде Господнем. Если не самим, то их потомкам достанутся проклятия угнетённых, их родителей, осиротевших детей и одиноких жён. Как же легкомысленны все эти беззаконники и нечестивцы.

Эдем агъа очень тяжело осознаёт свою участь. Он не может поверить, что такое беззаконие возможно. Он вновь и вновь удивляется, как мало осознают и действуют в борьбе с беззаконием в Крыму Украина и мировое сообщество. Он признаёт, что полноту этого беспредела он осознал только сейчас, когда стал его жертвой, а пока на свободе наблюдал за событиями через фейсбук это казалось менее ужасающим...

Поэтому такие встречи с адвокатами, кроме радостных моментов (приветы, новости от родных с воли) несут ещё и дополнительный негатив – безвыходность, отсутствие справедливости и неизвестность дальнейших событий и результатов. Вот и приходится постоянно заниматься психологией и религиозными формулами, рассказами для поднятия духа и силы для того, чтобы идти дальше, не отчаиваться и верить в счастливый конец и благодать этих испытаний, в очередной раз посланных нашему народу как урок и возможность для очищения от грязи, лицемерия, безбожия...

День подошёл к концу. Мы провели обычную трапезу. Я благополучно завершил ещё один день поста, молился за всех угнетённых и находящихся в нужде, в неволе. За

здоровье больных. За наше скорейшее возвращение к родным и к своему народу. За наше достойное, несломленное прохождение через все испытания. Уже перед сном решили к завтрашнему суду приготовить тезисно речь для Эдем агъа. Ясно, что результат всем понятен, но наше право на слово истины мы должны использовать всегда. Хотя именно за эту правду, за истину сегодня эти преследования несогласных. Так было всегда во времена тиранов...

День 32

26.02.2019
Вторник

13:50

День начался, как всегда, с заявлений, завтрака, пересчёта. Левитанши не было. От прогулки тоже пришлось отказаться, потому что по времени предстояла иная «прогулка» – в суд. В 13.50 пришли инспекторы. Потому что апелляционный суд уже по традиции стал для всех проводиться через ВКС из СИЗО. Для меня стало неожиданностью, что инспекторы вызвали только Э. Бекирова. На вопрос, почему меня оставляют, ответить не смогли, ибо выводят людей по заказу администрации. Тут, конечно, к инспекторам вопросов нет. Их дело малое – кого указали, того и выводят.

16:00

В 16.00 Эдем агъа вернулся с кабинетов, т. е. с апелляционного суда, состоявшегося по ВКС. Он рассказал, что там было, какие новости, кого видел и т. д.. Со слов адвоката С. Легостова, который тоже был в СИЗО на ВКС суда по ялтинским ребятам, суд мой отменили сегодня, т. к. не успели перевести документы (постановление от 06.2.19. Киевского суда и апелляционной жалобы моей защиты). Вот и получается, что 20 дней для государства РФ и её гигантской судебной машины для перевода 5-7 страниц текста на один из государственных языков Крыма – оказывается, недостаточно. Силы у этой страны хватает только незаконно репрессировать людей и разваливать себя.

Эдем агъа увидел также ребят по ялтинскому делу – всех шестерых политзаключенных, от которых принёс горячие приветствия и мне. А решение апелляционного суда по нему было очевидным – оставить всё в силе. Решение первой инстанции усмотрели законным, несмотря на указанные в жалобе десятки и противоречий, и нарушений, и чистого абсурда, и фальши. Всё бы ничего, да только Эдем агъа весь этот произвол, судебный в том числе, очень близко к сердцу воспринимает. И сегодня, в результате нервов и эмоций, вернулся с повышенным давлением и плохим самочувствием. Пришлось опять проводить психотерапию... Так и закончился день, я же лишился прогулки из-за суда, которого так и не было.

Ужин состоялся по графику, ибо если не поешь теплым, потом он не очень-то съедобен – и по виду, и по вкусу. Разговор душевный, конечно, имел место – как обычно, с элементами психо,- религиотерапии. Даже я, уже 5 лет с головой погружённый во всю эту несправедливость (занимаясь на воле этими делами, по-сути, осознано борясь и понимая тюремный исход такой борьбы за справедливость, и готовящий себя, родных к такому повороту событий) – и то порой оказывался во власти эмоций, берущих верх над разумом. Особенно в свете последних «уработок». А что говорить о далеко не молодом, больном человеке, инвалиде, который даже в фантазиях не предполагал, что может в таком состоянии быть брошенным в тюрьму. А что ещё более невероятно, так это то, что не 1-2, а целая группа (6-7 чел.) врачей больницы им.Семашко нагло, вопреки заключениям международного уровня институтов, заявили, что Бекиров здоров. И теперь ФСБ именно этим лживым заключением прикрывает свой беспредел, чинимый против инвалида 1-й группы.

Время уже позднее, но я решил написать повторное заявление на имя начальника оперчасти Д. Луценко относительно моего профучёта, т. к. прошлые обращения остались без ответа. А также подготовить жалобу/замечание на полученную копию протокола суда от 06.02.19 г. – там много важных ходатайств, заявлений моих

2:00

и моей защиты, я полагаю, умышленно, вопреки нормам УПК РФ, вырезаны. Время 02.00 ночи. Надо спать.

День 33

27.02.2019

Среда

5:20

6:30

Все как обычно. В 5.20 отдал заявления на имя Луценко и замечания к протоколу суда. В 6.30 принесли завтрак. В 7.00 – инсулин. На наше прошлое заявление о критических показателях сахара в крови Эдем агъа реакции так и нет. Сегодня ещё раз написали и передали начальнику медсанчасти через фельдшера. Левитанша нас сегодня не посетила – нет пока ни ответов, ни сообщений. На пересчёте из оперативников сегодня был другой – не те двое, что раньше по очереди посещали нас. Сегодня Марат, я его знаю по своему прошлому местонахождению на 3-м этаже. Его я спросил лишь об иголке с ниткой. Он обещал решить после пересчёта. Но, видать, не сложилось – Марат больше не появился.

Дальше всё шло по-обычному. В коридоре достаточно шумно: процессов много, людей выводят на этапы, в суды и обратно. Нас никто не тревожил, кроме выполнявших свои обязанности баландера и «прогульщиков». На наши все старые и новые заявления, отправленные ранее в администрацию СИЗО по вопросам условий содержания, доставки бытовых предметов в камеру и по осмотру меня врачом-терапевтом в связи с длительным кашлем (три заявления и личные обещания – один раз Ищенко, один раз Бережной, при комиссии ОНК), в ответ тишина. А ещё плюс вторая за эту неделю заявка Э. Бекирова для Ищенко по вопросу критического состояния здоровья.

Так и прошёл день в тесной камере, в безвоздушной, как у кротов в норе, атмосфере. Никуда не выходили, никого не видели. Газеты, все что есть, прочитаны. Книги начали читать по второму кругу. Письма, ни старые, ни новые – так

и не приносят. Заниматься нашими делами, видно, им пока некогда. А моё уголовное дело уже длится 16 месяцев. Вечер, как обычно – ужин, вечерний инсулин, душевные разговоры, немного недоразгаданных кроссвордов порешали. Я сел за свой дневник. Написал несколько писем на волю.

Эти дни были скорбными. На днях ушёл из жизни один из близких для меня и нашего сообщества Али агъа Кадыров – активист национального движения, тот, кто своим личным примером показывал, что значит говорить и делать; что значит объединять и призывать к единству; который, несмотря на свой почтенный возраст, оставался примером борьбы на пути справедливости. Он вместе с группой своих ровесников не пропускал практически ни один суд, ни одну встречу КС, ни один общественный молебен и инициативу, полезную в наши тяжёлые дни и времена. Его не смущал возраст, здоровье. Он без машины, на автобусах добирался до мероприятий, несмотря на расстояния. Он и его круг стариков для нас были примером и поддержкой. Но жизнь так устроена, что ничего в ней нет вечного, да только тираны об этом забывают.

А ещё, в эти дни конца февраля, а именно, 26.02.1986 г., буквально за два месяца до моего рождения, умер мой дед по отцу. Его именем и назвали меня. За всех умерших читаем молитвы, а всем живым просим у Господа здоровья, веры и долгих богоугодных лет жизни.

День 34

28.02.2019
Четверг

5:20

8:40

5.20. Инспектора отправили без заявлений. 6.15. Получили от баландера хлеб. Я к этому времени позавтракал и начал сегодняшний пост. 7.10. Инсулин для Эдем агъа. 8.40. Левитанша пришла с кучей бумаг. Сообщила исходящий № замечаний к протоколу. Принесла ответ Киевского суда

за подписью председателя А. Долгополова, в котором он меня извещает, что нарушений не выявлено – т. к. неважно, как известили меня, или неважно, что я и мои защитники оказались на суде вовремя или нет.

Я буду это обжаловать дальше, т. к. нарушено моё право (по УПК РФ) на защиту и должную подготовку к ней. А мои адвокаты не могут заменить, это моё право по УПК. Ко второй части моей жалобы о проведении суда в закрытом режиме без аргументации, которой требует УПК РФ, заявляли и я, и моя защита. Председатель суда, как и следовало ожидать, покрывает своего работника по ст.241 ч.2 УПК РФ, но я же ему буду возражать статьёй 241 ч.3 УПК РФ, потому что именно в этом пункте содержится требование, как мы и заявляли, на конкретные, а не общие слова о закрытости суда из-за безопасности. Не понятно только – от кого и чего. В общем, подкинули нам работки на очередное возражение.

9:15

9.15. Утренний пересчёт, пересменка. Всё тихо, напомнить старые долги было некому. К 10 часам инспекторы начали выводить в баню из общих камер. В 14.40 они дошли и до нашей камеры. Когда я пошёл, Эдем агъа вновь проводил меня грустным взглядом – очень соскучился по нормальной бане. Он уже почти три месяца без бани и прогулки. В 15.30, когда я вернулся, мне сразу сказали готовиться к выходу на кабинеты. Я немного удивился, потому что прошу адвокатов не утруждать себя, занимая очередь в 6-7 утра, и ждать до 14 часов, т. к. по понедельникам и четвергам в кабинеты запускают с 14.00.

Как бы там ни было, конечно, любая встреча с родными, близкими, доверенными людьми – это всегда большая радость и заряд на несколько дней. Зайдя в кабинет №7, я увидел нашу незаменимую Лилю, которая сразу подарила улыбку, приветствие и радость встрече. Я знал, что Лиля ездила в Украину, на встречу в миссии ОБСЕ и, конечно, ждал её с новостями. Но не сегодня, т. к. она с дороги, плюс муки ожидания в очереди СИЗО. Но это ведь железная Лиля, и у нее 28 часов в сутки, 8,5 дней в неделе.

В общем, за оставшийся 1 час на общение, галопом пробежались по основным новостям, по поездке; показал ответы с суда; дал список пожеланий к передаче продуктовой, ну и, собственно говоря, время так и пролетело. Обозначили время следующей встречи и с некоторой грустью попрощался с ней, передал всем приветы от себя и Эдем агъа. Новости, привезённые Лилей, немного огорчили. Конечно, никто иллюзий не питал на грандиозные события, но всё же, не настолько. Детали, может быть, когда-нибудь расскажу... Придя в камеру, поделился новостями и приветами с Эдем агъа. Поужинали во время вечернего разговения. Сегодня решил лечь пораньше. Опять голова полна мыслей...

День 35

01.03.2019

Пятница

Ну, вот очередная пятница. Ещё одна неделя позади. Иногда они проходят, как день – быстро, легко, в суете. А порой день длится, словно неделя, ночь – словно бесконечность. Бывают и такие минуты, когда очень тяжело осознавать, сколько ещё впереди таких недель, месяцев, лет. Конечно, и я, и остальные узники понимаем, что мы стали жертвами больших политических, даже геополитических игр, интриг и изменений. Такие изменения обычно не проходят за месяц, за год, а, как показала история, могут затянуться на десятилетия. Те, кто из нас помоложе, ещё как-то представляют себя в конце этих репрессий и интриг на воле. Те же, кто постарше, порой унывают из-за того, что выйти из этих стен могут не успеть. Хотя, с другой стороны, те, кто постарше, говорят и о своём сожалении, что они-то уже жизнь прожили и какой-то след оставили после себя (семья, дом, дети), а вот, мол, из молодых кто-то ещё и семьи не создал, а кто-то только создал, только дети расти начали – теперь неизвестно, когда они увидят отца и успеют ли получить отцовское тепло, воспитание, совет...

Как бы там ни было, всё это состояние апатии, мысли о безысходности всегда отгоняем в сторону, ибо пользы в них нет. Мы ни о чём не сожалеем, поскольку ничего неправильного, несправедливого не совершали. То, что предначертано нам – лишь это нас и постигает. И закончится всё это ровно в тот час и ту минуту, когда оно так предписано...

5:15

5.15. Пришёл инспектор за заявками, которому я передал очередную заявку на личную встречу с С. Бережным по незавершённым вопросам (в частности, все жду ту самую несчастную жалобу, якобы Денисовой, из-за которой он меня поместил в эти суровые условия). Передал свой ответ/возражение в Киевский суд г. Симферополь, т. к. председатель А. Долгополов абсолютно тенденциозно и поверхностно отписал мою жалобу. Видать, рассчитывал, что я наивный и безграмотный, либо формальностей в политических делах достаточно, чтобы показать справедливость и состоятельность российских судебных и демократичных инструментов.

6:30

В 6.30 привезли завтрак. В 7.00 инсулин. Контрольный замер показал 14mmol/l. Фельдшер всё фиксирует, говорит, что заявки наши начмеду санчасти он передаёт, но пока тишина. И вообще, говорит, что работать в санчасти скоро некому будет – люди уходят с работы из-за невыносимых условий.

8:45

8.45. Пришла левитанша и принесла аж четыре бумажки от следователя ФСБ Д. Громашова:

1. Уведомление, что мое ходатайство, сданное в прошлую пятницу 22.02.19 при посещении ФСБ, о допуске Л. Гемеджи в качестве моего защитника, удовлетворено (22.02.19, №171/14-644).

2. Уведомление, что в соответствии со ст.122 УПК РФ моё ходатайство от 31.01.19, о предоставлении свидания с родными, семьёй – отклонено/отказано (04.02.19, №171/14-638). Никакой мотивировки нет, хотя я указывал и родителей, и жену, и детей, и сестру – всех отдельно, и просил ответ давать по каждому отдельно. Но, увы, опять

формальный ответ – и, мол, всё хорошо, все реагируют на все обращения.

3. Уведомление о том, что, в соответствии со ст.122 УПК РФ, моё и С. Ю. Легостова ходатайство о проведении независимой фонографической экспертизы, которое мы сделали 22.02.19, при ознакомлении с экспертизами в ФСБ, – отказано в удовлетворении в полном объёме (22.02.19, №171/14-652). Почему «в полном объёме» – потому что мы не только просили провести её в независимом (неподконтрольном ФСБ) экспертном центре, а ещё и нашем (моём и адвоката) присутствии при производстве данной экспертизы.

P. S.: Вдобавок к тому, что я писал подробно в дневнике (22.02.19) про формальность – вот вам ещё один яркий пример того, как мы тут годами сидим, ждём следствия, а оно проходит там, где-то без нас, но о нас. Сами пишут, сами определяют, кто где будет проводить исследования/экспертизы; потом же приглашают, просят подписать и ознакомиться; дают бланки, в которых предусмотрены поля/графы для комментариев/возражений/ходатайств.

Но всё это формально, т. к. все наши ходатайства и замечания одним махом отклоняют. А на суде, если повезёт, то обнаруживается (как это было в ряде других политических дел), что экспертный центр некомпетентен в подобных экспертизах; или эксперт без квалификации на данный вид экспертизы; или элементарно нарушены нормы УПК РФ при процедуре передачи и получения экспертизы и т.д. Но и это уже не будет никого волновать – дело-то политическое, «зеленый свет» на все недочёты - ведь дело против мусульман. А миру будет достаточно услышать «Аллах Акбар» и т. п., чтобы оправдать решение/приговор суда о лишении свободы на 10-20 лет – лишь бы подальше от людей и надолго.

4. Уведомление, что в ФСБ пришло и рассмотрено какое-то заявление от 22.02.19. Сообщается, что по данному заявлению нарушений по УПК РФ не установлено. Уведомление за подписью того же Д. Громашова (22.02.19,

№171/14-651). Абсолютно непонятно, о чём это уведомление, на какое моё заявление и т. д. Возможно это моё второе ходатайство на свидание, которое я написал, когда не было ответа на предыдущее. Но оно было – и точно не 22.02.19. В общем, буду ещё пробовать узнавать, если это возможно, но суть формальности опять налицо.

9:15

9.15. Утренний пересчёт, пересменка прошли тихо, т.к. оперативника не было. Дальше день двигался согласно стандартному графику последнего рабочего дня недели. Нас на сегодня никуда не заказывали (суды, следственные действия), о планах адвокатов нам не известно. В 12:10 принесли обед. Мы взяли суп-борщ с квашеной капустой. К диете – удивительно, кроме стандартного молоко+сок+мясо, добавился ещё 1 ст. л. творога. Наверное, это тоже для формальности.

12:10

14:00

14:30

Время 14.00, а инсулина ещё нет (положен с 12 до 13ч.). Решил позвать инспектора. Он ответил, что врача нет на корпусе, как будет – позовёт. В 14.30 в очередной раз зову инспектора, чтобы сказать про инсулин и про риски для жизни человека. На что услышал резкую реакцию инспектора с матерными словами, что врача нет и не известно, когда будет. Я попросил его быть вежливее и сдержаннее. Понимаю, что его все дергают, а он уже раздражён. Поэтому попросил доложить о нашем вопросе руководству, чтобы потом не говорили, что они не знали о проблеме. Скажу честно, еле себя сдержал, чтоб не ответить взаимной «любезностью» за такую реакцию, но он отреагировал на просьбу: зашёл в старшинку и доложил по телефону о нашей проблеме.

Не знаю, совпадение или наша настойчивость дала результат – через 15 минут появился руководитель медчасти ФСИН РК П. Павленко, его секретарша и терапевт СИЗО Тамара Васильевна. Они начали обход всех камер этажа. И ещё через 15 минут были у нашей камеры. При входе кто-то из них сказал: «О-о-о, какая тут камера чистая, приятная. Прямо показательная!». Я: «Ну так кто тут находится!». Мы, не стесняясь, выложили всё наше негодование и возмущение отсутствием реакции на

критичное здоровье Эдем агъа (сахар 12-14), отсутствием инсулина сегодня и т. д. Они начали объяснять, мол, вы что, не знаете, что врачей не хватает, один ушёл в отпуск, а другие со смены, и замены нет». Я сразу возразил, что нам никто не докладывает о ваших трудностях, а на просьбу инспектору позвать врача услышали нецензурную брань.

По поводу заявлений на имя начмеда Ищенко, являющийся его руководителем Павленко начал глупо его оправдывать его: мол, вы же понимаете, что у Ищенко много дел, такой порядок и т. д., поэтому не стоит ждать его быстрого прихода. Я возразил: «Извините, но к кому тогда обращаться? Разве не он должен, если очень занят, поручать эти вопросы своим замам. Ведь здесь не вопрос головной боли, а жизненно важный». Павленко: «Да, конечно, всё правильно. Ладно, я посмотрю, что там с вашими заявлениями». Относительно высокого сахара в крови и поездки в больницу для диагностики и консультации с эндокринологом и увеличения дозы инсулина, Павленко и терапевт удивили меня своей некомпетентностью: 1. Предложили вот так, сходу, на глаз, увеличить дозу инсулина на 2 единицы – без консультации с эндокринологом; 2. Относительно больницы сказали, что пока нет возможности.

Здесь терапевт, обращаясь к Павленко, заметила: «Они не доверяют врачам СИЗО». Это, конечно, верх цинизма и непрофессионализма. Ведь в СИЗО эндокринолога нет, не говоря уже о необходимости анализов и обследования перед тем, как человеку с кучей болезней делать какие-либо назначения. На этом комиссия собралась уходить. Я ещё раз попытался обратить внимание на то, что мои заявления и жалобы на здоровье так же требуют реакции, но это им было неинтересно, они повернулись и ушли. Хотя осмотр врачей такого уровня мне бы точно не помог. В любом случае, их игнор моего вопроса – ещё один факт нарушений правил содержания в исправительном учреждении. Мы же для себя поняли, что вопрос решать непременно надо, и, скорее всего, через адвокатов, их жалобы, запросы и т. д.. А укол инсулина сделали минут

через 10 каким-то подменным инспектором, который едва справился с этим.

15:20

В 15.20 – 40-минутная прогулка. Когда я вернулся, Эдем агъа ушёл на кабинеты – пришёл адвокат И. Велилляев.

16:50

В 16.50 Эдем агъа вернулся. Особых новостей, кроме приветов, не было. Адвокаты ждут действий следователя ФСБ И. А. Романца, а ему сейчас не до дела Эдем агъа – занят первичным оформлением документов по делу последних арестованных 18.02.19 по ст. 205 УК РФ трёх ребят: Рустема, Арсена, Эскендера. «Так что, вы там пока посидите, если надо продлим ещё – сколько надо – меру пресечения на ваш арест, суд-то в наших руках», – как-то вот так эта позиция выглядит. В принципе, на сегодня всё. Дальше был ужин, молитва, чай. Общение. Заявлений на выходные не пишем, дневник ведем – как развлечение или историю. Сегодня решил пораньше лечь.

День 36

02.03.2019

Суббота

Выходные дни в тюрьме – это один из тех дней, когда день кажется невероятно длинным. Особенно, если ты в камере-двойнике (на двух человек), т. к. 24 часа в сутки, 7 дней в неделю, 365 дней в году одно лицо, одни разговоры. А ещё, если в таких, как у нас, условиях тотальной изоляции, без телевизора – всё становится мрачным, скучным, однообразным. Размеры камеры (ок. 8 кв.м) тоже очень давят на человека. Т.к. если отнять площадь кровати, стола, умывальника и туалета, остаётся ок. 4 квадратов для ходьбы. В будние дни есть вероятность похода на кабинеты, в суд и т. д. – хоть какое-то разнообразие.

Я, конечно, абсолютно не к тому, что мы с Эдем агъа уже надоели друг другу. Слава Богу, что я оказался именно с ним: 1. Он больной человек, помочь которому большое благо; 2. Он соотечественник и единоведец, что делает быт

облегчённым для обоих, ибо ценности одни; 3. С учётом нашей изоляции важно иметь максимальное количество контактов с волей, а это возможно через адвокатов, которые в нашем случае общие знакомые, поэтому могут передать информацию друг другу за нас. Как говорится, во всех предопределениях Бога есть свои благие стороны, но человек зачастую не благодарен, не внимателен и скоропостижен в своём недовольстве и умозаклучениях.

В общем, день проходил, как обычно, от завтрака к обеду, от обеда к ужину. Между ними, слава Богу, прогулка. Правда, она, как и баня, пока для Эдем агъа не доступна (уже 3 месяца). Уколы инсулина по графику. Очередной коллапс возможен в понедельник, когда будет смена того, кто ушёл в отпуск – если к этому времени администрация не найдёт подмену. Сегодняшний инспектор Сергей Михайлович (кстати, из самых толковых фельдшеров в СИЗО – и как человек, и как медработник) ещё одну новость сказал: он работает до 25.03.19, потом увольняется. Что-то не то происходит в СИЗО, подумали мы с Эдем агъа. На прошлой неделе умерло четыре человека. Продольные инспекторы увольняются, а теперь ещё и врачи уходят. В общем, вот так и прошёл, достаточно скучно, тихо, в общении и размышлениях второй весенний день 2019 года. Вечером после ужина мы, как обычно, поразгадывали кроссворды, почитали, попили чай, поговорили, и не заметили, как на часах пробило 24.00. Заявлений сегодня тоже нет, т. к. завтра выходной.

00:00

День 37

03.03.2019
Воскресение

Воскресные утро и день были таким же, как вчерашние. Режим дня предельно стандартный. Ничего лишнего: пересчёт в 9.15, инсулин в 7.00; 12.00; 19.30. Прогулка в 14.50-16.00. День по-настоящему весенний, солнечный. На прогулке настроение от такой погоды поднимается.

9:15

18:00

Давно не было у меня прогулки с таким слегка прохладным ветерком. Чувствуется, что на воле всё переходит с зимних серых будней на весенние солнечные дни и идёт пробуждение. В течение дня мы с Эдем агъа и пообщались, и отдохнули. Уходя на прогулку, поставил воду греться. После ужина, к 18.00 всё было готово к нашим приспособленным водным процедурам.

19:00

Сегодня, почти через два месяца после последней стрижки, так и не дождавшись беспроводной машинки для стрижки волос (имеющаяся проводная, из-за единственной розетки за столом, в неподходящем для этих процедур месте, возле раковины, не использовалась) пришлось, несмотря на неудобства и недостаточную гигиеничность (стрижка за столом, за которым питаемся), воспользоваться имеющейся. Потому что ждать дальше невозможно – не привык ходить обросшим. Да и не дождутся те, кто нас сюда посадил, что в этих нечеловеческих российских тюремных условиях мы запустим себя и своё здоровье. Мы непременно сохраним себя для своих близких, родных и всех поддерживающих нас людей. Они смотрят на нас и нашу стойкость, непоколебимость и несломленность. В общем, к 19.00 стрижку закончили и начали купаться над раковиной – если это можно назвать купанием. Но, слава Богу и за такую возможность немного освежиться и привести себя в порядок.

После этих процедур в неприспособленных условиях пол оказывался в воде и шампуне. Поэтому я прошу Эдем агъа забраться на кровать, а сам провожу генеральную уборку и мытьё полов. Потом, как обычно, легкая стирка остатками горячей воды. Всё это, конечно, дело привычки – стирка, баня без условий. Беспokoило два момента: 1. Я думаю, что через видеокамеру администрация могла всё это наблюдать. В свете религиозной этики смена белья, раздевание на камеру, конечно, неприемлемо. Но выхода нет. Думаю, что администрация, не предоставляя возможности для нормального человеческого купания, тем себя и успокаивала. 2. При мытье полов выделяется огромный объём влаги, не говоря уже о постиранных вещах, прогреве горячей воды и т.д. Окно, конечно,

по возможности открываем, но это тоже опасный и кратковременный вариант – простудиться минутное дело. Я веду к тому, что не дай Бог, подхватить туберкулёз из-за сырости.

Так закончили воскресный день. Завтра очередная рабочая неделя. Арестанты поедут по судам, на следственные действия. А мы ждём, что этот страшный сон из сплошной несправедливости вот-вот закончится и, если даже перед нами не извинятся, то хотя бы просто отпустят домой...

День 38

04.03.2019

Понедельник

Заснул ночью в 03:30. Утренний подъем проспал. Проснулся в 06:20 под шум баландера, когда завтракать перед постом уже было поздно. Но я всё же решил держать пост. Ведь в наших условиях особо расхода сил и энергии в течение дня не происходит, если только не ехать в суды. После утренней молитвы почитал Коран. Левитанша принесла материалы судебного заседания апелляционного суда РК от 22.01.19 г., а также сообщила исходящий номер моего пятничного ответа на ответ председателя Киевского райсуда А. Долгополова (01.03.19 г. М1803).

6:20

Читаю протокол суда и понимаю, почему им так не хочется качественно вести эти протоколы, и тем более предоставлять их копии нам в руки. Даже с учётом того, что секретарь (наверняка не без негласной указивки руководства) старается опускать очевидно глупые, незаконные и ярко политизированные моменты позиции следствия, прокуратуры, судьи, а также неудобные ходатайства, заявления, речи адвоката и обвиняемого – остаётся очень много для истории и дальнейшего разбирательства очевидных нарушений и тенденциозных преследований и обвинений. А ведь все понимают, что протокол судебного заседания – это официальный документ, в котором зафиксированы все ФИО участников.

Все понимают, что незаконные действия и самоуправство оккупантов, коллаборантов и изменников рано или поздно начнут подвергаться разбирательству. С учетом динамики событий это, конечно, может произойти не скоро, но это неопровержимый факт. И даже если не в этом мире, то перед Богом.

9:00

9:00 – пересчёт, пересменка, и я опять задал вопрос об иголке с ниткой. Очередной раз: хорошо, дадим. Кроме прогулки, ничего не предвиделось, а из-за поста придётся её пропустить, потому решил прилечь. А Эдем агъа заступил на дневной пост дежурства по камере – мало ли что. Инсулин сегодня носил всё тот же подменный фельдшер, что был в пятницу. Но очевидно, что он многого не знает и не ориентируется. Даже в том, что инсулин делится на «длинный» и «короткий» (ночной и дневной – разница во времени усвоения организмом) пока не разобрался. Не понятно, как организован приём (передача вахты и дежурства – здоровье людей не шутки). Хотя, о чём я говорю – ведь это арестанты. Тут и на воле-то особо заботы нет...

18:50

В обед, как положено, гороховый суп. Мой остался на ужин, Эдем агъа сразу поел. Больше за весь день нас никто не беспокоил. По нашим не отвеченным заявлениям опять тишина. Почему-то на прошлой неделе нам и передача от родных не пришла. С марта месяца просил жену подписать меня на два издания – «Новую газета» и «Итоги недели». Она подписала, но пока ещё не несут. На ужин принесли рагу и селедку солёную, которую поставили отмачиваться. А вчерашнюю начал готовить к ужину всё по тому же рецепту. 18:50: вечернее разговение. Вечерний стол накрыт и готов нас угощать.

23:20

Я поинтересовался у инспектора, где обещанные иголка с ниткой, на что получил ответ, что будет завтра, т. к. сегодня она в другой камере. Ну что же, посмотрим, что будет завтра. В 23.20 инспектор предупредил о том, что утром следственные действия. Думаю, Д. Громашов, как и говорил, торопится завершить уголовное дело, потому что в апреле будет уже 18 месяцев, а это предел длительности...

День 39

05.03.2019

Вторник

Почему-то опять толком заснуть не смог. Валялся, крутился. Перед глазами прошли множество картинок, друзей, знакомых из разных периодов жизни. В голову приходили разные мысли и идеи о положении дел в Крыму, в Украине, в мире...

В 5.30 инспектор собирает заявки. Я проснулся, чтобы помолиться. А дальше уже ложиться смысла не было. В 6:30 принесли завтрак и хлеб. Я заварил овсянку для себя и Эдем агъа, а тут и инсулин подоспел. После завтрака я собрался и в 7:10 был готов. На этапы обычно выводят в 7.40 – 8.00. Поэтому в дорогу решил немного почитать Коран. В 7:55 за мной пришли. Мы с Эдем агъа попрощались. Ему стало немного грустно от того, что придётся быть одному весь день. Он передал приветы всем, кого увижу, и я отправился.

5:30

6:30

7:10

7:55

На этапе, где я нахожусь, камера, в которой сидит ещё один фигурант общего со мной уголовного дела – отец 13-ти детей Сервер Зекерьяев, с которым за весь период содержания я виделся всего один раз на суде по продлению меры пресечения. Потом меня отделили от остальных по всем судам. Так вот, радость сегодняшнего этапа началась уже с первых минут, т. к. пока инспектора собирают всех, кому на суды, остальные находятся в «локалке» (типа тамбура). И вот там мы увиделись с Сервером спустя 8 месяцев. Поздоровались, обнялись, словно 100 лет не виделись. Другие арестанты смотрели – кто понимал (кто знает приветствие мусульман), а кто удивлялся. А мы с Сервером чуть не всплакнули оба от радости встречи...

Дальше вывели ещё одного фигуранта по нашему делу Эдема Смаилова. С ним мы также поприветствовались, и нас повели вниз, в «кишку» (ранее описывал). Но так получилось, что мы смогли обойти этот весьма неприятный участок, и прошли сразу в боксы. Зашли в бокс для некурящих («не курящие» – конечно, условно, но так как мы были первые, кто туда вошёл, то получилось, там оказались некурящие, потому что возле боксов мы встретили ещё Марлена (Сулеймана) Асанова). Пока мы обнимались, приветствовали и спрашивали друг друга, с 4-этажа доставили остальных фигурантов нашего дела: Сейран Салиев, Тимур Ибрагимов, чуть позже Мемет Беялов и Эрнест Аметов. Бокс стал превращаться в наполняемый эмоциями, общением и радостью уголок.

Но и это было ещё не всё: к нам добавился коллега-блогер Нариман Мемедеевич. Его везли на ознакомление со своим уголовным делом (УД), в котором он идёт один. Мы уже понимали, что день сегодня, даст Бог, будет очень насыщенным и радостным. К нам в боксе добавились ещё несколько ребят, узников-мусульман – как крымских, так и материковых – по разным своим УД. Так что в целом получился очень хороший час общения и встреч.

Затем всех начали разводить по судам и этапам. Нас вывезли в два этапа, потому что в одну газель сразу все

не поместились. Сначала увезли пять человек, потом четверо (со мной). В ФСБ нас привезли часам к 11-ти. Там, как я рассказывал ранее, всего два бокса (1,5x1,5 м), где содержат обвиняемых. Туда нас, по 4-5 человек, и разместили. По очереди стали вызывать на ознакомление с законченным уголовным делом и с окончательной версией обвинительного постановления. Тех, кто проходил свою очередь, возвращали обратно в бокс и разрешали 10-15 минут свидеться с родными, которые уже с утра ждали нас с гостинцами на обед.

Данная процедура ознакомления с обвинительным заключением (ОЗ) длилась по-разному – в зависимости от вопросов к тексту, заявленности переводчика и присутствия адвоката – от 30 минут до 1,5 часов. Поэтому так получилось, что кроме Ладина и Легостова, увидели сегодня ещё и наших любимых народных адвокатов: Мамбетова, Азаматова, Курбединова, Смедяева, Гемеджи, Пивоварова, а также нашу народную переводчицу Г. Чанталову.

Первыми ознакомились с ОЗ Асанов и Беялов. Принесённые им гостинцы пошли на два бокса в качестве начало трапезы, потому что дальше было ещё шесть гостинцев от остальных фигурантов – ждали своей очереди. Каким же был восхитительным весь этот мир кулинарного изящества на нашем случайном столе! Слава Богу за все эти блага и дары. Еды хватило на всех – и нам, и адвокатам с переводчиком. Свидания проходили параллельно. На встречи с мужьями, сыновьями и отцами пришли ко всем по-разному, согласно очередности, определённой в каждом доме. Ко мне пришла моя любимая и единственная мамочка вместе с моим первенцем Юнусом. Это было уже начало шестого вечера. Как быстро пролетел день и как много было слов и эмоций – этого словами не описать. Были и слёзы, и волнения, и благодарность, и приветы от родных...

Что касается уголовного дела, то попробую выделить что-то тематически, что-то фрагментами диалога. Важное дополнение/изменение, произошедшее в деле – это

то, что теперь среди 8 фигурантов УД вместо одного организатора, коим был Марлен Асанов, теперь аж трое. К Асанову добавили Тимура Ибрагимова и Мемета Белялова. По ст. 205.5 ч.1 УК РФ санкция – до пожизненно (ПЖ). Про вменение 278 ст. УК РФ я уже говорил. Добавлю следующее. В обвинительном заключении следователь Д. Громашов, подводя, по-сути, итоги своей работы за полтора года, наше УД квалифицирует по 278 ст. УК РФ, а УД Ибрагимова и Белялова в течение последнего месяца переквалифицирует с 205.5 ч.2 на 205.5 ч.1 УК РФ (растянулось на 13 страниц А4-го формата), и пытается привести доказательства того, что наши действия/бездействия свидетельствуют о совершении преступлений, предусмотренных данными статьями. Так вот, текст, доказывающий и 205, и 278 ст. УК РФ, один и тот же – разница лишь в последнем абзаце, в котором Громашов, читая один и тот же текст, усматривает события и действия сначала 205-й, потом 178-й ст. УК РФ. Сам текст практически весь (90-95%) схож с формулировками, фразами и абзацами других заключений по Ялтинскому, Симферопольскому и т.д. делам.

При ознакомлении я возразил Громашову: «У вас, похуже, одна флешка со стандартной болванкой по конторе гуляет, т.к. слово в слово совпадает с другими делами» (я ещё с воли знаю, что да как было по остальным делам). Конечно, Громашов отрицал всё это: мол, не знает, как у кого – своё дело он ведёт сам и полностью за каждую букву отвечает. Но уже с первыми моими вопросами по тексту он начал ссылаться, что это из закона, а это из решения ВС РФ 2003 года, а это из экспертизы и т.д.. Вот это и есть как раз шаблонность в УД, как, впрочем, и в судах. Хотя, справедливости ради, замечу, в отличие от судов, в наших заключениях все фамилии наши – тут Громашов постарался.

Хотелось бы ещё один момент заметить. Громашов произнёс реплику, о том, что он в курсе, что его ФИО внесено в украинскую базу «Миротворец». Казалось бы, что он всегда, как и сегодня, говорит, что ему абсолютно всё равно, что там говорят и делают, но заметно, что одним

глазикам, да смотрят они, эти перебежчики и предатели своих присяг, на то, что происходит, о чём говорят вокруг.

Относительно моей части УД (которое, в принципе, применимо и к Э. Смаилову, с которым нас арестовали вместе), так вот: среди прочего, хочу выделить несколько моментов, которые мы с Л. Гемеджи указали в комментариях к ознакомлению, которые, кстати, почему-то не понравились, если не сказать, возмутили Громашова.

1. Согласно обвинению, я начал преступную деятельность не позднее 18 ноября 2016 года, но мои, якобы, преступления зафиксировали, согласно ОРМ, 02.12.2016 г. Вот у меня и возник вопрос: а что же тогда я делал с 18.11.16 г. до 02.12.16 г..

2. Согласно материалов дела, «террористическую ячейку» поймали вместе с организатором 12.10.17 г., а меня арестовали 21.05.18 г. – и как же я продолжал совершать уголовные преступления без ячейки и организатора?

3. Наконец-то начали открыто указывать место так называемой конспиративной, тайной встречи – мечеть города Бахчисарай. Но тогда встаёт вопрос: как может мечеть, которая является публичным, открытым и общедоступным для всех местом, быть, как описывается в УД, тайным, конспиративным?

4. Из трёх аудиозаписей примерно по одному часу длительностью, лишь в одной (02.12.16 г.), согласно экспертизе, есть мой голос, на котором я задал один устный вопрос. И этого хватило, чтобы 13 страниц заключения пестрили словами и фразами: «активный участник»; «пропагандировал»; «активная роль в группе»; «спецнавыки пропаганды»; «навыки конспирации»; «вступил в сговор»; «антироссийский», «антиконституционный», «антитеррористическая деятельность» и т. д.. Какой такой вопрос я там (в записи) задал, что после него им всё понятно стало про меня – дословно приведу позже. Но если «по теме»: «Что значит любить людей ради Бога...». Вот и думайте, как же надо, как можно было такое понять.

5. Ну, конечно, мы все указали, что согласно ст. 4 Женевской Конвенции, в оккупированном Крыму должно применяться законодательство Украины, а гражданство РФ нам было дано против воли, насильно, под угрозой лишения возможности жизнедеятельности, как документ де-факто власти.

Возможно, это трудно будет представить и понять обывателю/слушателю/читателю со стороны, но ни у кого на лице и в эмоциях абсолютно не было ни секунды, ни грана печали/тревоги по поводу грозящих 15-20 лет российской тюрьмы, по поводу глобальной несправедливости и огульных текстов и страшных ярлыков, приклеенных к каждому из нас. Более того: мы подшучивали друг над другом на предмет того, мол, кто, согласно УД, стал почетнее и выше... Скажу ещё так: человек живёт, и его жизнь протекает в двух плоскостях/сферах: а) та, в которой человек сам совершает свои поступки и свой выбор и т.д. (тут, думаю, всё понятно); б) та, в которой воля/желание/старания человека абсолютно бесполезны и не имеют влияния на происходящее вокруг (время года, смена ночи/дня, сияние солнца, появление луны, и т. д.).

Так вот, за последние 5 лет жизни в Крыму стало абсолютно каждому отчётливо понятно: свобода, справедливость, правда стали настолько контролируемы и подчинёнными политической конъюнктуре, что повлиять на это не можешь, пока общество не изменит своё отношение ко всей этой ереси и восприятию пропаганды, извергаемой СМИ РФ и властными структурами. Данный процесс происходит весьма быстро, ибо агрессор, тиран-правитель своим безумием и нескончаемым ущемлением прав сами, лучше, чем кто-либо, помогает прозревать людям. Я же о другом – о том, что в данном случае, когда весь мир даже на это не может повлиять, о чём нам говорить...

А вот в части, где мы сами способны сделать свой выбор, шаг и т. д. – это уже как раз то, что мы с ребятами сделали давно. Мы боимся Того, Кого никто не видит, но мы все знаем, что ОН есть и видит нас, поэтому предавать и нарушать требования Господа нашего нанося вред себе

или людям/обществу этого не позволим – с помощью и при поддержке Бога, народа, родных. А сроки можно хоть 100 лет дать. Это абсолютно не значит, что кто-то его отсидит до конца, ведь мы уверены, что зло – оно временно, обман рано или поздно становится разоблачённым, и так же, как оно сложилось, так же в одну ночь или день всё изменится.

...Обратно в СИЗО нас повезли, как и привезли, двумя группами. Первыми уехали Асанов и Белялов, а мы поехали в СИЗО лишь в начале седьмого. Еды осталось совсем немного – несколько самсушек, по 1 лепешке и чебуреку. Мы её взяли с собой в СИЗО. Я хотел сделать скромный такой подарок/угощение Эдем агъа. Но чудосмена приёмных инспекторов устроило полный осмотр и последующее изъятие несчастных остатков пищи – в течение около двух часов. Нас было семеро. Такое отношение оставляю просто без комментариев. Даже напоминание, что я из K58, где содержится больной человек, диабетик, что это ему – блюстителей порядка не вразумили. Всё бы ничего, да только ведь известно: кому-то и корку хлеба не дают занести, а кому-то фура пройдёт – не заметят. Но даже эти обстоятельства никак не смутили наши сегодняшние радостные чувства и эмоции.

21:00. Я вхожу в камеру. Искренне, радостно поприветствовали, обняли друг друга с Эдем агъа. До половины первого ночи рассказывал ему, что да как было, кого видел, от кого приветы. Оказалось, что сегодня дочь Эдем агъа ещё и передачку принесла. Я разобрал всё по местам, что-то поднял в наш «холодильник». На большее сил не было. Сказал Эдем агъа, что остальные дела завтра, а сейчас спать....

21:00

День 40

06.03.2019

Среда

5:30

Проснулся в 5.30 на молитву. Заявлений инспектору не было, точнее, вечером было не до них. Сон был короткий, но оказался плотным и «сытным». Поэтому ложиться не стал, решил продолжить дела. В 6.30 привезли, как обычно, завтрак, но у нас с вчера передача, поэтому свою, хотя и не самую завидную пайку, передаем дальше по этажу. Ведь много, процентов 70, тех, кто живёт без передачек, без поддержки с воли. Инсулин колит штатная смена фельдшеров, а кто завтра неизвестно. В 8.30 левитанша оставила второй ответ следователя Д. Грамашова на моё ходатайство о свидании на 18.02.19 г. Как и всем предыдущим моим ходатайствам (впрочем, как и остальных ребят), отказано без каких-либо пояснений.

8:30

Напомню, я просил свидание с женой, родителями, детьми, сестрой – т. е. все разные, но близкие родственники. Поэтому я просил по каждой категории родства дать мотивированный ответ. Как и ожидалось, 25.02.2019 г. (за №171/14 – 697) меня просто проинформировали о факте. Что ж, посмотрим, что будет в суде. Моя супруга при помощи Л. Гемеджи и Н. Шейхмамбетова подала в суд на Д. Грамашова по поводу непредоставления свиданий. Дата суда уже несколько раз переносилась (последний раз 01.03.19 г. из-за того, что Д. Грамашов, вопреки требованиям суда не организовал доставку меня в суд. Теперь ждём 11.03.2019 г.

9:10

Ещё до утреннего пересчёта, в 9.10, пришёл инспектор и повёл на кабинеты. Я ещё подумал, как-то странно – обычно ведут после пересчёта. Да и адвокат планировала прийти после обеда. Ладно, думаю, разберёмся. По дороге увидел С. Салиева и М. Беялова, которых тоже вели на кабинеты. Но у них сегодня апелляционные суды – о мере пресечения (через ВКС). Вот так ВКС, являющаяся, согласно УПК РФ, исключительным средством, стала основным порядком работы местных судов. Успел с ребятами немного

перекинуться. В здании меня одного завели в отдельный, явно не для встреч с адвокатом, большой, яркий, чистый кабинет. Что ж, подумал я, наверное, нет других кабинетов, поэтому встретимся с Лилей тут.

Прождав минут 30, спросил у инспектора: «В чём проблема?», на что услышал: «Ждите». Прошло ещё минут 30. Я уже замёрз (кабинет примерно 3x4 м, батарея маленькая и едва тёплая, стулья холодные). Вышел и снова спросил: «Где адвокат?». Ответ: «Тебя начальник вызвал на приём, а не адвокат». Теперь мне стала ясна утренняя спешка до пересчёта и почему кабинет такой. Встреча с Бережным тоже понятна – ведь я писал заявление 01.03 и 04.03.19 г. о приёме начальником по вопросу моего и Э. Бекирова содержания. У меня после многократных встреч с полковником снова сотрясать воздух нет ни времени, ни желания. Поэтому кратко поставлю вопросы и пожелания, чтобы услышать короткие ответы:

1. Что там, наконец, с этой непонятной жалобой Денисовой, из-за которой я, якобы, в таких условиях содержусь. Если есть что – ознакомьте, если нет – то хватит уже второй месяц искать.

2. По Э. Бекирову: ситуация с сахаром ухудшается, по нормальному – надо вывезти на обследование и профессионально определить дозу инсулина или назначения менять.

3. Вопрос его бани и прогулок не решается уже третий месяц.

4. Вопрос телевизора и холодильника не решён, впереди весна, потепление, продукты будут портиться, а для диабетика важен нормальный рацион. ТВ – чтобы как-то отвлекаться в маленькой камере.

5. По питанию: я еду на ознакомление с документами в ФСБ и мог бы по 2-3 порции диетической домашней еды привозить, если будет добро. Я не собираюсь завозить фурами...

- 12:00 В общем, речь моя и вопросы готовы, но Бережного пока нет. Так я просидел с 9.20 до 12.00. Так никто и не появился. Хорошо, хоть на обед повели в камеру, ибо я уже замёрз окончательно, несмотря на выполнение физических упражнений. В коридоре увидел Лилю, которая была у других клиентов на встрече. Сказала, что встретимся после обеда. В 12.10 вернулся в камеру. Эдем агъа ждал новостей, а я ему лишь сказал, что очень замёрз.
- 12:10
- 13:20 В 12.30 пообедали. В 13.20 я помолился, чтобы потом не торопиться с кабинетов – мало ли что может задержать. А вообще, в тюрьме есть золотое правило: если перед тобой еда, значит надо есть, пока свободен, ибо через несколько минут всё может быть по-другому. Пришло время молитвы – читай, ибо что будет дольше, не известно. Об этом ещё в первые месяцы при встрече наставлял М. Асанов.
- 13:50 В 13.50 инспектор повёл меня в кабинет № 4. Ожидание, теперь адвоката, (минут 30-40) заставило опять нервничать. Оказалось, в СИЗО, кроме письменной регистрации, ввели ещё и компьютерную (фейс-контроль), отчего создалась очередь. Как бы там ни было, мы оба были рады встрече. Обменялись информацией, планировали дальнейшие действия и т. д. Время пролетело так же быстро, как и прежде. В 16.50 мы попрощались, договорились о следующей встрече, и меня вывели.
- 16:50
- 17:10 17.10. Придя в камеру, я поблагодарил инспекторов за хорошо проведенный в их компании день (в шутку). Поделился новостями с Эдем агъа. Тут привезли ужин, за которым продолжили разговор. Эдем агъа рассказал, что утром, когда меня увели, в 9.20 приходил начмед ФСИН В. Павленко. Сделали контрольный замер сахара в крови. Показания были 16 mmol/L, что очень много. Павленко пообещал на следующей неделе вывезти Эдем агъа в больницу. Что ж, будем надеяться. Так и скоротали вечер. Я решил снова написать заявления администрации СИЗО, чтобы дали письменный ответ о цензуре и по доставке писем от родных, а так же по поводу газеты, на которую меня подписала жена – уже 6-марта, а ещё ничего не принесли...

День 41

07.03.2019

Четверг

5:20

6:00

15:00

5.20. Передал инспектору заявления по поводу газет и писем. Поблагодарили кормильца, что зашёл. Единственное, что мы у него берём – хлеб тоже не понадобился, т. к. есть ещё с передачи. С 6 утра начался пост. Левитанша нас пропустила, никто ни на что не отвечает – наверное, выходные начались (перед 8 марта). Часов в 11 инспектора предупредили о бане. Но банная очередь дошла до нас только в 15.00 – всё же меня должны отдельно выводить. Как обычно, я поменял бельё и, так же боясь подхватить грибок, пошёл купаться.

День в целом проходил весьма тихо. Он удивил квалификацией медперсонала. Как я уже говорил, один из постоянных фельдшеров ушёл в отпуск, и администрация СИЗО с трудом нашла замену ему в лице сотрудника санчасти Ольги. Она, конечно, молодая, но не первый день работает. Доза инсулина, которую она принесла вечером, шокировал и меня, и Эдем агъа. По норме, утром и вечером ему приносят инсулин длительного осваивания в объёме 11-12 у.е.. В инсулиновом маленьком шприце это занимает 1 кубик. Так носили до этого. Новая фельдшер, мало, что на час задержалась (уколы делают чётко по графику), но ещё и принесла полный шприц инсулина – где-то кубиков 11-12 – раз в 10 больше прописанной дозы!! При том, что каждая дозировка назначается эндокринологом. Благо, внимательность Эдем агъа не допустила ЧП. Решили поинтересоваться на следующий день. Это ужасно, когда нас лечат непрофессионалы или беспечные люди.

18:45

Тем временем день подошёл к концу. В 18.45 накрыли стол – из того, что было и того, что принесли на ужин. Время разговения подошло, и мы приступили к трапезе. После неё захотели провести мини-банную процедуру для Эдем агъа, так как я сегодня искупался, а он уже 3 месяца без прогулок и бани (за исключением того, что

21:00

мы имитируем в камере под видом купания). Согрели воду, и Эдем агъа освежился. Я провёл влажную уборку с мыльным раствором. К 21.00 закончили наши камерные бытовые дела и решили попить чаю. За чаем, как обычно, общались, вспоминали историю и зафиксировали ещё один день, прожитый в этих нечеловеческих условиях по надуманным политическим мотивам.

В очередной раз повторил себе, что наш народ проживает сегодня удивительные времена. В терроризме и экстремизме обвиняются и преследуются те, кто просто позволил себе иметь свою, отличную от официоза мысль, свои слово, идею. Как говорит Эдем агъа, «чем отличаются сегодняшние гонения от репрессий гестапо, гонений Сталина, инквизиции и т. д.?». Да, подумал я, вопросы риторические, события и персонажи реальные и многочисленные. Завтра выходной, писать заявления смысла нет. Поэтому пишу только дневник и письма... А Бережной и сегодня не пригласил. И по заявкам тишина.

День 42

08.03.2019
Пятница

9:15

Утро началось, как обычная пятница: молитва, чтение Корана. Решил до 9-ти прилечь. Заявок, левитанши нет. Лишь укол инсулина в 7:00. В 9:15 пересчёт, пересменка. Оперативника не было. А инспектору напомнил, что жду иголку с ниткой. Дальше каждый занялся своим делом. В 10:00 в соседней камере №56 послышался невероятный шум, похожий на скандал и драку. Продольный инспектор вызывает по рации подкрепление. Что за крики, что происходит – не понятно. Потом стало ясно (из криков, шума и разговоров в коридоре): в камере №56, через стену, произошёл конфликт между сокамерниками. В результате кто-то получил травму. Был проведён обыск в помещении, чтобы выяснить причину инцидента.

11:00

Продолжалось это около часа. В 11:00 наша дверь неожиданно открылась, и в камеру вошли двое сотрудников СИЗО. Объявили, что в камере будет проведён плановый обыск. Меня попросили покинуть камеру и в коридоре обыскали. Эдем агъа остался в камере. Сотрудника провели обыск личных вещей и предметов в камере. Минут через 20 обыск закончился. Ничего не изъяли. Что можно изъять в камере с круглосуточным и тотальным контролем, в которой политзаключенные, сидящие не за уголовные дела.

Интересно другое. Во-первых, я видел особый осмотр и обыск моих сумок и вещей. Во-вторых, этот обыск хоть и называется плановым, но до моего перевода в эту камеру он не проводился ни разу за два месяца. А здесь, при мне, за 42 дня, уже второй раз (точнее, второй за 30 дней). Так и хотелось им сказать: не там ищите, ребята. Пока все силы и внимание ФСБ и остальных подчиненных им силовых структур (суды, прокуратура, МВД, ФСИН и т. д.) направлены на «нейтрализацию террористов/экстремистов», страну убивает наркомания/проституция/коррупция и т. д.. Но понимаю, что эти ребята, как и многие конвоиры и остальные рядовые исполнители незаконных приказов и репрессий, люди подневольные. Они и сами прекрасно понимают и видят, кого судят по 205 ст. УК РФ и остальные политически мотивированные дела.

13:30

В 12:10 мы пообедали (суп). В 13:30 пришли инспектора и под камеру (видеорегиистратор), как-то по-особенному, официально, начали нас приглашать на прогулку. От Эдем агъа слово «отказываюсь», как всегда, выдавливали, не желая слушать продолжение: что это не отказ от прогулки, а отказ от вредной, неприспособленной для инвалида «медвежьей» услуги под названием прогулка, которая в лучшем случае даст повышение давления Эдем агъа из-за трудностей на пути к прогулке, а в худшем – серьёзно отразится на здоровье. Конечно, мы понимаем, что это тоже приказ от руководства: получить на регистратор слова отказа. Это на случай проверки. Поражает, сколь же низки и бесчеловечны эти стражи порядка.

Дальше – обычно: ужин, инсулин, чай, общение, чтение подручной литературы. Газеты, выписанные женой, и письма от народа так и не доходят до нас. Мы стараемся поддерживать друг друга и не сомневаться, что скоро весь этот ужас закончится...

День 43

09.03.2019

Суббота

9:05

День начался тихо – выходной! Заявок не собирают, уведомлений не разносят, на суды, этапы не вывозят. Баландера мы опять пропустили. Разбудили нас лишь в 9:05 на пересчёт. Дальше тоже – скучно и тихо. С одной стороны – привычно без телевизора, радио и вида в окне, с другой стороны, тоже привычно – за более чем месяц моего нахождения тут, и уже почти 3 месяца проживания Эдем агъа. Кроссворды, которые нас иногда отвлекали и занимали мысли, закончились. Остаётся где-то читать, где-то повторять те книги, которые у нас, слава Богу, есть и в которых зачастую находим успокоение и умиротворение содержащими там религиозными наставлениями и мудростью.

13:30

Прогулка началась в 13:30 опять с официальной видеорегистрацией: произнесли номер камеры, дату и приглашение на прогулку пофамильно лично. Со мной-то всё понятно, ибо я иду на прогулку, а вот с Эдем агъа сложнее. С одной стороны, смешно, а с другой очень досадно и бесчеловечно. Обращу внимание, что не к выводным на прогулку инспекторам претензия, а к тем, кто перед ними ставит такую задачу – плевать в душу инвалиду. Хотя лично я понимаю, что служить и подчиняться такой беззаконной, античеловеческой системе и режиму – это пособничать и быть соучастником преступлений. Многие в событиях «Крымской весны» и после «референдума» пытались оправдывать себя: «а кто будет кормить меня,

мою семью», «что нам делать, если Украина нас предала и оставила на произвол» и т. д. – несут разную чушь.

Я всегда говорю, что те ошибки, которые совершает кто-то, не могут быть предметом оправдания для нас. Ведь каждый будет отвечать за свои поступки и ошибки. Лично я не ищущу лёгких денег карьерного роста. Хлеб и другие продукты, которые я приношу домой, чтобы накормить себя и свою семью, должны быть чистыми от крови, слёз, беззакония и несправедливости, совершаемой в отношении невинных людей.

Ничего страшного, что мой диплом магистра пылится на полке, а я занимаюсь торговлей, извозом и ещё каким-либо шабашем. Важно, что руки и совесть моя чисты. Важно, что я смотрю людям прямо в глаза, мои дети не будут стесняться или стыдиться поступков своих родителей. Мои родители достойны только благих слов в воспитании своих детей. Сегодня предателями стали те, кто ранее незаконно заклеил как предателей моих предков. Завтра в антигосударственных, антиконституционных поступках, террористически деяниях, по справедливости, непременно обвинят тех, кто сегодня в очередной раз огульно клеймит нас в этом...

Тем временем, инспектора всё хотят вытянуть от Эдем агъа короткий ответ: «отказываюсь от прогулки» (так поставлена задача). А Эдем агъа поясняет: это не отказ от прогулки, а от условий, которые не предоставляют ему как инвалиду. В 16:00 принесли очередную передачу от родных, и они, словно частички света, наполнили нашу маленькую камеру. Вечерняя трапеза была со свежими продуктами из передачи. Эдем агъа принял инсулин. Вечерний досуг прошёл, как обычно, в общении, чаепитии и чтении. Завтра очередной выходной и ещё один день, который приблизит нас к свободе и концу мрака. ИншАллах...

16:00

День 44

10.03.2019
Воскресение

Третьи подряд выходные – аж немного не привычно. Камера, в которой нас изолировали, скучна и давит своим габаритом и оторванностью от мира. Плюс круглосуточный видеоглаз – физический контроль в двери через каждые 15-20 минут. Это очень тяжело психологически и морально. Сами чёрные политические дела, прошитые вдоль и поперек белыми нитками беззакония, несправедливости и фальши, очень давят на невинных людей, осознающих, сколько сил и терпения надо, чтобы подавить и пройти достойно через эти испытания и агрессию. А тут ещё создают тебе такие условия, выказывают такое отношение, что ты и тут оказываешься окружённым сплошным беззаконием: самоуправство администрации, покрываемое и, наверное, правильнее будет сказать, побуждаемое ФСБ, законами тирана.

Политических узников явно выделяют среди всех заключённых «особыми» условиями тюремной жизни. Это ярко ощущается, когда видишь, как в тюрьме она кипит и днём, и ночью, словно ограничения, предусмотренные законом, лишь формальность. Но в отношении политзаключенных та же формальность законов уже носит абсолютно другой характер. К тебе могут применить любые действия, выходящие за рамки законов, и никакие жалобы, проверки этого не подтвердят и не раскроют, т. к. действия все эти в границах политической воли власти. Порой, когда сядешь, заварить чай/кофе и пьешь, размышляя в полной тишине обо всём этом, удивляешься в очередной раз, насколько печально положение общества. Как люди сами создают вокруг себя ту атмосферу, ту жизнь, которую им навязывают, а они осознанно/неосознанно принимают её и способствуют внедрению.

У каждого есть выбор: профессии, работы, поступков. Как люди – что на воле, что работники СИЗО – могут молчать,

когда вокруг происходит масса убивающих/разлагающих общество процессов: наркомания, алкоголизм, разврат, коррупция и т.д. Это очевидные вещи. Но как быть спокойными или даже восхищаться, когда сажают, репрессируют невинных, социально активных личностей, а обыватели удовлетворяются отчётами спецслужб РФ о раскрытии опасных преступников – без преступлений и страшных террористов – без терактов?! Как выразился следователь ФСБ Д. Громашов, ведущий наше «дело»: «... соглашусь, что террористы вы формальные». Так, кстати, высказывались и многие другие из числа следователей, прокуроров, судей – что называется, без протокола. Я сказал тогда Громашову: «...дело в том, что только вы это понимаете и знаете про формальность, а всему обществу и там, где мы бываем – СИЗО, суды, колонии – это подаётся, страшилка и реальность, что они даже не верят своим глазам и жизненному опыту, опасаясь нас и соответственно относясь к нам».

...Сегодня же всё, как обычно: 6:10 – завтрак; 7:15 – укол инсулина Эдем агъа; 9:00 – пересменка пересчёт; 12:10 – обед; 13:00 – укол инсулина; 14:00 – прогулка (так же хожу один) – сегодня, пока остальных выводили-заводили, удалось позаниматься не час, а полтора; 16:40 – ужин (рагу+селедка свежая соленая); 19:00 – ночная доза инсулина, после чего мы перекусили, выпили чаю. Дальше общение, чтение, подготовка заявлений: 1) в администрацию, чтобы нашли мои газеты; 2) на письменный ответ по отказу в письмах с воли; 3) на встречу с Бережным; 4) на возможность звонков, положенных по закону.

6:10

14:00

19:00

День 45

11.03.2019

Понедельник

5:20

5:20 – передал инспектору заявления. 6:15 привезли завтрак, но я, уже поев, начал сегодняшней пост. Левитанша нас не посетила. Фельдшер с инсулином –

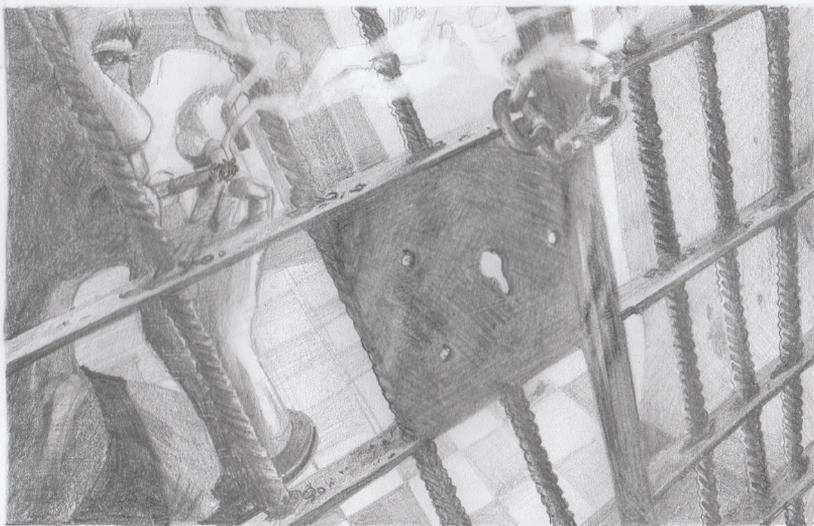
9:50

по расписанию. Пересчёт и пересменка почему-то затягивались. В 9:50 открылась дверь и сотрудник Марат позвал на выход, на суд. Я удивился, что за суд, хотя с нашей системой оповещения всё может быть. Марат дал две минуты на сборы. Я одел обувь вместо тапочек и легкую ветровку. Потому что, если не увезли в 7 утра, значит вывод на кабинеты – суд там, посредством ВКС. Но по дороге понял, что ведут не на кабинеты, а на «конверт» – место, где конвой забирает и привозит обвиняемых, туда же выходит пресловутая кишка. Увидев другой маршрут, я уточнил у Марата: «Мы что, на конверт – на суд повезут?». Марат объяснить не смог: «Я не знаю – только заступил на смену, и мне сказали привести тебя». Я очень удивился этой неожиданному выезду на весь день – без предупреждения, подготовки. И вообще не понятно, что за суд?

11:00

С собой ни воды, ни бутерброда. Благо, что пощусь, не так страшно, но в дороге поститься тяжело. Если бы знал – не постился, поскольку это не обязательный пост. Благо, Марат вывел без «кишки», прямо на «конверт». Людей было, словно на ярмарке, много. И шумно. Минут через 30 меня вызывал конвой Киевского райсуда. Немного прояснилось: я обычно езжу в Киевский суд. Сюда меня и доставили часов в 11, поместив в камеру для обвиняемых в подвале.

Никто меня не информирует – что за суд, по какому вопросу, когда вызовут. В камеру ввели ещё одного арестанта, очень большого вида. Даже конвой поинтересовался, что с ним. Оказалось, туберкулёзник. Благо, хоть закрытой формы. Но меня это насторожило – мы с ним ехали в одной машине. Затем привели ещё четверых, и нас в камере стало шестеро. Некоторые сразу закурили. Я понял, что пост буду держать тяжело. В этот момент конвой вывел большого туберкулёзом в другую камеру. «Слава Богу», подумал я. Но дышать становилось тяжело – в камере закурили все. Вскоре опять заглянул конвой и спросил, есть ли некурящие. Я с радостью сказал: «Есть». Меня вывели и поместили отдельно в камеру. Я поблагодарил Бога за его реакцию на мои молитвы: сначала большого убрал, потом камеру без дыма дал. Подошло время дополнительной

дневной молитвы «Духа» (благодарность Богу за здоровье и благополучие). Я совершил молитву и продолжил ждать непонятно какой и во сколько суд.

Минут через 40 конвойный открыл дверь и в связи с нехваткой камер, попросил меня перейти в другую, соседнюю. Войдя в неё, я увидел чужие вещи, но человека не было. Что ж, подумал я, всё же лучше, чем камера с множеством курящих людей. Ещё через час привели и временного сокамерника. Он, оказывается, был на суде. Мы познакомились и начали диалог. По тюрьме, оказывается, он был знаком с Хайдаром (фигурант Симферопольского дела ХТ) и с Сервером Зекерьяевым (фигурант моего уголовного дела). Наслышан о фальши наших политических дел. Мы обсудили и что-то новое. У него возник ряд юридических вопросов и я, чем смог – помог, подсказал. Время двигалось быстро, но не так как хотелось бы. После перерыва сокамерника снова повели на суд. А я ещё жду. Наконец, пришли и за мной.

В 17:05 меня ввели в судебный зал №1 Киевского р/с Симферополя. С удивлением вижу в зале жену, отца, жён фигурантов по другим делам, некоторых активистов. Справа сидит (впервые) сам следователь Д. Громашов (обычно он отправлял кого-то), рядом прокурор. Судьи ещё нет. Я под впечатлением увиденного. Рад всем, ведь открытый суд – чудо в наших делах. Потом заметил отсутствие моих адвокатов. В этот момент заходит судья О. П. Кузнецова. Опосредственно знаю её по своей общественной и правозащитной деятельности. Это к тому, что войдя в зал, она сразу начала обсуждать дело, не представившись, не обозначив состав суда и т. д., нарушая ряд норм УПК РФ в части проведения судебного заседания.

Я посмел её прервать и задать вопрос: «Позвольте поинтересоваться, а что тут, собственно говоря, происходит? Меня привезли без предупреждения, без предварительного оповещения – я, в чём был, в том и выехал. А вы сразу начинаете действие. Что за заседание, по какому вопросу и в качестве кого меня сюда доставили?». Судью мои вопросы, судья по её мимике, очень задели. Она, тяжело вздохнув, продолжила. Оказывается, это судебное заседание по жалобе моей супруги Мустафаевой Майе Наримановны на беспричинные отказы следователя ФСБ Д. Громашова в удовлетворении ходатайств на предоставление законных кратковременных свиданий семьи, родных со мной.

Вдруг судья спросила о моём согласии продолжить заседание без моих защитников, т. к. адвокаты Л. Гемеджи и С. Легостов, уведомлённые должным образом, сообщили, что находятся на судебном заседании в г. Ростов-на-Дону. Я, конечно же, отказался. Это ещё раз взбесило судью. Она хлопнула делом, которое держала в руках, и сказала, что следующий суд проведёт с назначенным адвокатом, если моя защита снова не явится. Оказывается, данный суд собирается уже третий раз, но его опять переносят. Первый раз следователь не смог, второй раз следователь не обеспечил мою доставку в суд, хотя судья его предупреждала, а в этот раз нет моих адвокатов.

Получается, суд не состоялся из трёх раз впервые из-за отсутствия моих адвокатов. Судья же крайним делает меня (или моих адвокатов) и угрожает, что в следующий раз будет принудительно назначать мне адвоката в случае неявки моих.

Дальше она спрашивает – наверно у прокурора, у следователя – когда назначить суд. И определяет: 28 марта 2019 г. А я стою и думаю, что с таким подходом к согласованию даты суда можно сразу назначать гос. адвоката. Потому что, когда моим адвокатам по факту объявят очередную дату суда, у них этот день же может оказаться занятым. Что ж, поживём – увидим. Не успел я повернуться к залу, чтоб передать чувство радости и приветствия на волю, как, несмотря на то, что суд не закончился, меня стали выводить из зала. Я попросил подождать конца суда, но мне сказали, что всё, надо выходить. Надели наручники и повели обратно в судебную камеру без окон и воздуха.

17:12. Я в камере. Это всё, ради чего меня привезли, ради чего я прождал в камере без пищи и воды около шести часов. Слава Богу, минут пять видел родные лица, а они меня. Пусть даже на мгновение и без общения. Это зарядило меня и, уверен, их. Вернувшись в камеру, продолжил общение с сокамерником по этапу. Время идёт, а мы сидим, ждём, пока освободятся остальные обвиняемые. Я начал переживать, что всё очень затянулось, и мне придется разговляться в этих условиях. Так и случилось: 18:50, а мы ещё сидим. Я попросил у конвоя воды, чтобы завершить пост. Но у них не оказалось стаканчиков. Вариантов нет: вынужден попросить кружку у сокамерника и, полагаясь на Бога, попить воды из его кружки, не зная, здоров он или нет. Потом совершил молитву там же, поскольку понимал, что в СИЗО вернусь не скоро.

Да, нас начали выводить около 22:00 ночи. Когда я выходил в наручниках из здания суда, абсолютно неожиданно, но крайне приятно и воодушевляющие, услышал громкие приветствия и восклицания со стороны улицы от людей,

17:12

18:50

22:00

родственников и знакомых, которые приехали на суд поддержать меня. Несмотря на позднюю ночь и прохладу на улице, они дождались моего выхода, чтобы на секунду увидеть меня и передать свои эмоции и поддержку. Это мгновение чувств и состояния очень тяжело описать. Народ до конца отстоял и проводил машину до отъезда от здания суда восклицаниями и овациями. Среди всех голосов я отчетливо услышал голос отца и Зодие тата Салиевой – матери Сейрана Салиева, софигуранта моего уголовного дела.

22:30

В 22:30 мы были в СИЗО. Нас быстро проверили на запрещённые вещи, а потом ещё час продержали в кишке.

23:30

Только в 23:30 я, голодный, но больше, наверное, уставший от целого дня мучений, вошёл в камеру, в которой, на нервах и весь в переживаниях, меня встречал Эдем агъа. На нём лица не было. Я спросил: «Что случилось, вам плохо?». Он, оказывается, очень переживал, что со мной что-то сделали или увезли, не понятно куда. Ведь утром я вышел как бы на кабинеты, да и с судов так поздно никогда не приезжал.

Сил нет, но понимая, что надо, я решил всё же перекусить. Согрел борщ, который Эдем агъа с обеда взял для меня, и выпил бульон. Я ел и, одновременно, с крайним возмущением, рассказал про весь сегодняшний цирк. Эдем агъа, в свою очередь, сообщил, что приходила женщина, разносящая газеты и книги, искала меня. Наверное, по моим газетам. Так же, два раза, в 10 и в 19 часов, искал инспектор, выводной на кабинеты (думаю, по встрече с Бережным, который в прошлый раз вызвал, и я полдня прождал его безрезультатно). Сил нет ни на что, кроме как спать...

Очередной рабочий день. Очередной день изоляции и несправедливого, противозаконного содержания под арестом по политическим мотивам в русле борьбы с инакомыслием. В 5:30 инспектора пропускаем – не было сил вчера что-то писать, тем более, что ряд заявлений, несмотря на многократные повторы, так и остаются без реакции. Понимаю почему: ведь тяжело говорить что-то, когда нечего сказать в оправдание своих противозаконных действий. Например, начальник опер.отдела по режиму и надзору Д. Луценко уже 5-й раз игнорирует моё заявление о правомерности постановки меня на проф. учёт по экстремизму и нынешней моей глубокой изоляции в условиях СИЗО, совмещённой с тотальным контролем. Цензор СИЗО до сих пор не может дать ответ, на основании чего не пропускают мне письма от родных и других людей, а также, почему крымскотатарский язык оказался не государственным. Что ж, у меня времени, бумаги и ручек много, и есть другие инстанции для обжалования.

5:30

6:10 – баландер привёз завтрак, но у нас ещё есть свой хлеб, и мы пропускаем его услуги, поблагодарив, что не забывает. 7:00 – инсулин, сегодня один из лучших фельдшеров: человеческое отношение, качественная работа, профессионализм. Правда, Сергей Михайлович работает до 25.03.19, а потом увольняется – не ценят здесь хороших сотрудников. Вчера была смена фельдшера Ольги, которая перед этим, не знаю, каким умом думала, принесла 10-кратную дозу инсулина. Благо, мы были внимательны, а то бы беды не избежать. Так вот, вчера, когда была её смена, она спросила, не было ли плохо после того случая. Конечно, могло бы, но, слава Богу, пронесло.

6:10

7:00

Левитанша прошла мимо, в 9:10 пересчёт. У оперативника, того самого, который любит цензуру и не любит статус крымскотатарского языка, я вновь, уже не помню, в

09:10

который раз, спросил по поводу официального ответа по отказу в получении писем. Реакция несколько иная: если раньше говорил, что вот-вот будет, сразу передам, то в этот раз сказал, что цензор в командировке, на учёбе. Я уточнил: и что теперь? Он ответил, что не на долго – через две недели приедет и отпишется. Что ж, и тут подождем...

10:40

С 10:40 до 11:50 была прогулка, вернулся взбодрённый, заряженный. В 12:00 пришёл Д. В. Щурин (старший инспектор по воспитательной части) и дал пояснение по моей заявке о предоставлении законной возможности поддерживать связь с семьей по телефону. Оказывается, для удовлетворения моей просьбы необходимы: 1) разрешение следователя/суда (в зависимости от того, у кого в работе мое уголовное дело) на звонки; 2) приобрести через магазин отоваривания СИЗО или ФСИН карту «зонателеком». Я поблагодарил за заботу, оперативность и вежливость. Он попросил расписаться на моём заявлении со словами «претензий не имею». Я решил немного обезопасить себя и написал: «На данный момент претензий не имею». Мало ли что: завтра перестанут реагировать, или не дадут связь, а отчитываться будут по этой бумаге, что, вот, он собственноручно написал – претензий не имеет. И поставил не только подпись, но и дату, чтобы было видно, как быстро/медленно отреагировали, чтобы было понятно, когда я не имел претензий. Увидев всё это, Д. Щурин улыбнулся и спросил, по какой статье я сижу, за что. Я, так же улыбувшись (потому что понял, что его удивила моя догадливость), сказал: статья 205, терроризм, т. е. политически мотивированное преследование. Он ещё раз улыбнулся: «Тогда всё ясно, террорист значит». И мы попрощались.

12:10

В 12:10 привезли обед. Кашу, по обыкновению, не взяли, т. к. она приготовлена на тяжёлом комбижире, взяли первое, борщ из квашеной капусты – нужно и жидкое потреблять. Диета – сок яблочный 100 г + творог 40 г (его начали давать недавно) + молоко 150 г. Очень редко, если повезёт, одно яйцо, отварное (обещали в воскресенье). А ещё дают около 50 г мяса отварного. Мясо это тушёнка. Бывает,

вместо отварной дают саму тушенку, прямо с банки/ведра, не разогретое. Это просто невыносимо – мало того, что предлагают бычьи потроха, так оно ещё и полусырое. Как-то раз поел Эдем агъа – так потом еле желудок очистил. Больше мы эту тушёнку не берём.

В 12:45 обеденный инсулин. Дальше решил немного отдохнуть, почитать. В 15:30 открылась «кормушка» в двери и меня позвала женщина – библиотекарь СИЗО (носит по заявлениям книги, имеющиеся на балансе, разносит газеты тем, кто подписан). Она пришла по моей заявке разобраться, где же мои выписанные газеты, которых до сих пор нет. Объяснила, что на моё имя в почтовом отделении, обслуживающем СИЗО, ничего нет. Нужно, чтобы мои родные показали там квитанции этих периодических изданий. Я поблагодарил её за внимание.

В 17:20 привезли ужин. Рагу+рыба – полу-тушёная, полу-жаренная. Рагу, из-за комбиджира, не съедобное, мы, как всегда, выбрали картошку и промыли горячей водой, чтобы есть её просто как отваренную. Дальше вечер становится длинным: рано ляжешь – ночью проснёшься, а чтобы до позднего вечера досидеть – надо чем-то себя занимать. Конечно, разговоров у нас с Эдем агъа хоть отбавляй, но иногда хочется чего-то нового. С одним и тем же набором книг, без телевизора и газет трудно представлять, что происходит в мире, и становится скучно.

Благо, часто заходят адвокаты, и информационный вакуум несколько заполняется. Я с прошлой встречи с адвокатом Л. Гемеджи знал, что, если всё будет нормально, она завтра после судов (вчера и сегодня, в Ростове, симферопольское дело) придёт ко мне. Поэтому подготовил вопросы. Также подготовил список продуктов, которые с Эдем агъа просим передать родным. Тем временем, чай, кофе, общение, писанина – и вот уже время за полночь...

12:45

17:20

00:00

День 47

13.03.2019

Среда

- Мысли и раздумья порой так глубоко проникают в сознание, что не дают спать. Среди причин – отсутствие физических нагрузок и беготни (например, после этапов, когда весь день в движении, сон, что у младенца), а также информационный вакуум. К утру я подготовил ходатайство на имя Д. Громашова, чтобы он дал разрешение на телефонную связь с семьёй, согласно тому, что мне вчера объяснил инспектор Д. Щурин. В 5:40 я это ходатайство отдал инспектору. В 6:20 завтрак – мы берём только хлеб. В 9:00 пересчёт.
- 5:40
- 9:00
- 9:30
- В 9:30 инспектор пригласил на кабинеты. Оказалось, что адвокат Л. Гемеджи, так сказать, с корабля на бал. Ночью приехала из Ростова, а рано утром в СИЗО, чтобы занять очередь и пробиться на встречу со мной. Моей благодарности и эмоциям нет границ – встреча с адвокатом это окно в мир. Первая половина дня прошла очень быстро, в обсуждении ряда внешних вопросов и дел, связанных с жизнью народа, притеснений, прохождением других судов. Чтобы обсудить дальнейшие действия непосредственно по моему делу и условиям содержания, решили продолжить встречу после обеда. В коридоре увидел адвоката И. Велияева, который сообщил, что второй половине дня посетит Эдем агъа.
- 13:50
- Придя в камеру, сказал Эдем агъа, что будет встреча с адвокатом, поделился новостями. Мы пообедали. Эдем агъа принял инсулин. И стал готовиться. В 13:50 меня повели на кабинеты, а Эдем агъа сказали, что выведут позже. С Лилей мы обсудили предстоящие жалобы и то, как будем знакомиться с материалами моего уголовного дела. Когда сидел в кабинете №3 с Лилей, произошла любопытная ситуация. Заходит выводной инспектор Алексей и спрашивает, отказываюсь ли я от прогулки. Меня это развеселило, я спросил: «А как вы меня сейчас поведете?». Он отвечает: «Прервем вам общение и поведём». Вот до

какого маразма толкает инспекторов руководство. Это из той серии, что я описывал ранее: как на регистратор инспектора-«прогульщики» с нас – меня и Эдем агъа – вытягивают очень важное для них «отказываюсь», чтобы потом показать комиссии, мол, он сам отказывается, а не мы его не водим

В 17:05 вернулся в камеру, Эдем агъа уже был на месте. Его встреча с адвокатом прошла быстро. Новостей по делу и по продвижению вопроса о переводе Эдем агъа в медчасть или в больницу, чтобы обследоваться на предмет высокого уровня сахара в крови, несмотря на инсулин – нет. Я, кстати, взял у Лили копии квитанций по газетам, чтобы передать в канцелярию СИЗО. А по пути на кабинеты увиделся с Тимуром Ибрагимовым и Марленом (Сулейманом) Асановым, фигурантами моего уголовного дела.

Оказывается, в СИЗО приходил следователь Д. Громашов, чтобы ознакомить их с материалами нашего дела, т. к. время поджмает (15 месяцев не торопились). Машин или водителей в ФСБ, видимо, не хватает, вот и пришлось следователю самому прийти в СИЗО и простоять два часа в очереди, чтобы свидеться с «подопечными». Вот какая, понимаешь ли, проблема: как арестовать и обыски производить, так нагонят целую армию – и денег, и всего остального хватает, а этапировать для ознакомления с делом – ресурсов нет. Наши адвокаты всегда по 2-3 часа выстаивают, чтоб к нам попасть, а тут следователь не доволен, что отстоял в очереди, хотя в СИЗО для ФСБ всегда есть зарезервированный кабинет.

Вечер прошёл в обсуждении услышанного от адвокатов. Я решил написать ряд заявлений и жалоб, чтоб утром передать. А вечерний инсулин нам принёс неприятный сюрприз. У Эдем агъа опухла/отекла нижняя губа. Это уже не первый раз, но до утра вроде подлечили.

17:05

День 48

14.03.2019

Четверг

6:10

Как обычно, после встреч с адвокатами куча мыслей, эмоций. Пospать не удалось. Покрутился немного, и пришло время поесть перед постом: запаренная овсянка + бутерброд + чай. В 6:10 привезли завтрак. И в это же время я передал приготовленные с вечера:

1) квитанции + заявление по газетам, чтобы разобрались и принесли всё положенное;

2) жалобу, адресованную уполномоченной по правам человека в РК Л. Лубиной в отношении официального ответа, который дал её помощник В. Шепетило на запрос адвоката Л. Гемеджи. Когда вчера адвокат мне его показала, там каждое слово меня крайне возмутило. Люди призванные, казалось бы, защищать интересы людей, в данном случае обвиняемого, который незаконно содержится в СИЗО (речь об условиях содержания, конечно, а не самого уголовного дела, которым они не займутся ни при каких обстоятельствах), в унисон спелись с его администрацией, или же напрочь ослепли и оглохли. Потому что, согласно ответа, у меня жалоб нет, условия содержания хорошие, что они (В. Шепетило и Л. Лубина) со мной общались лично, посетив нашу камеру. Тут, кроме фальшивой сути, и по форме есть вопросы: моя встреча с В. Шепетило была 28.01.19, а жалоба по СИЗО от адвоката подана 12.02.19. Я с ним говорил о документе Л. Денисовой, омбудсмена Украины, о принудительной психиатрии, а он пишет о СИЗО. Л. Лубина приходила в СИЗО 06.02.19 по проблеме Э. Бекирова, а отчитываются они за мои вопросы, якобы, при посещении меня. Да и как можно посетить меня до получения жалобы от моего адвоката. В общем, полный бардак и покровительство. Просил разобраться и дать ответ.

3) жалобу на судью Киевского р/с г. Симферополя О. П. Кузнецову по вопросу не информирования меня в

законном порядке о заседании суда по моему делу и нарушении ряда норм УПК РФ (ст. 47 ч 3; 5; раздел IX главы 33;34;35;36 УПК РФ).

В 7:00 пришёл фельдшер – очередной инсулин. Мы сказали, что укол делать не будем, потому что всю ночь мазями пытались снять отёчность с губы Эдем агъа. Попросили, чтобы пришёл, как заступит на смену, Сергей Михалыч (фельдшер адекватный и понимающий). Мы почти уверены, что новый врач перепутал флаконы инсулина и вечером вколол тот, что не подходит. В самом начале, когда Эдем агъа посадили на инсулин (СИЗО, январь 2019 г., на воле обходился без этого препарата) была такая же проблема, тогда, после обследования, ему поменяли инсулин. В 12:10 пришла врач-терапевт. Спросила состояние. Косвенно признала, что фельдшер перепутал флаконы, т. к. человек новый. Тут же попыталась оправдать его, что это не просто фельдшер, а врач. Но какая разница, кто совершает ошибки и допускает халатность. В общем, посмотрела и ушла. В 13:00 пришёл Сергей Михалыч, сделал нужный инсулин – и всё нормально.

В 15:00 меня повели в баню. Я поменял бельё. После бани помолился. Сильно хотелось пить. В 16:30 Эдем агъа пригласили к адвокату. Через полчаса вернулся: у адвоката ничего нового, сказал, что на следующий неделе будет в разъездах. В 17:30 мы забрали ужин. Я начал готовить стол к трапезе: помыл от жира картошку, нарезал то, что было из сыра, колбасы, курдюка. Согрел суп, который отложил с обеда. После ужина общение, чаепитие и т. д. – до поздней ночи. Эдем агъа не доволен ходом дел по его «уголовке» и по вопросу лечения. Я пытаюсь сказать, что сдаваться нельзя, будем вместе пробивать эту стену, что я не оставляю его. Написал очередное (шестое или седьмое) заявление на Д. Луценко по вопросу проф учёта. А время уже – второй час...

7:00

12:10

13:00

15:00

16:30

17:30

День 49

15.03.2019
Пятница

5:15

У мусульман, как известно, неделя исчисляется от пятницы до пятницы. Это особый день недели. Больших праздника у мусульман, тоже все знают, два в году. Конечно, в условиях СИЗО пятницу не можешь провести во всей красе, как хотелось бы. Но за то, что вне пределов наших возможностей, мы не в ответе. А то что в наших силах, конечно, это стараемся не упускать. В 5.15 передал очередное заявление по Д. Луценко (незаконное содержание на проф.учёте по экстремизму). Своим многократным игнорированием он подтверждает свою безнаказанность (временную!) и приверженность беззаконию.

6:20

6.20. Утренний завтрак. Мы взяли булку хлеба. В 7.00 инсулин. Несмотря на его прием, показатель сахара в крови 14,5 – 16,5 mmol/l. Это очень много. Мы неоднократно обращались по этому поводу. Реакции – «0». В 8.30 левитанша сообщила номера трёх исходящих писем. Утренняя пересменка прошла быстро и без оперативника, которому бы я опять напомнил про цензора письма и иголку с ниткой.

7:00

8:30

Дальше сутки текли весьма тихо. Бережной так и не вызывает (после двух заявлений с просьбой о личном приёме). Луценко пока тоже молчит. День в таких случаях проходит полусидя, полулежа, с перерывами на чай/кофе. Ближе к обеду свершилось чудо: принесли горе-газеты, сразу все четыре номера, кроме последнего, пятничного. Радости не было границ. Ведь в наших условиях изоляции это реально окно в мир. На выходные, думаю, нам хватит. Дальше газеты обещали носить исправно. Ну, думаю, надо же: заплати кучу денег, а потом руками, зубами выдергивай свое право. Страницы шелестели до самого сна.

12:15

12:15. Обед (перловка + диета). 14:30. Прогулка. Опять камера. Опять «вы отказываетесь?» – к Эдем агъа.

15:45

15:45. Я вернулся, словно из спортзала. На прогулке стараюсь выкладываться максимально. Одному в дворике в шесть квадратных метров прогрессировать в тренировках, конечно, тяжело, но воля воспитывается. Если устанешь физически, то и сон идёт легче. Да и форму

поддерживаешь. И есть для кого – родные и близкие на воле ждут и верят в скорый конец этого обмана.

17:40. Ужин (пюре + рыба полу-тушённая). 19:20 Вечерний инсулин. Дальше опять газеты, с перерывами для чая и обсуждения прочитанного. «Новая газета» объективно подаёт суть творимого в РФ беззакония, особенно в судебной системе. Я и Эдем агъа понимаем, что в обычных уголовных и коррупционных делах с точки зрения соблюдения права всё очень печально, а что говорить о нашей политически мотивированной череде дел... Так и скоротали время до полуночи. Каждая статья, каждая социальная история интереснее предыдущей. А с другой стороны, видишь какую-то безысходность во всей этой политической каше и правовом беспределе.

19:20

00:00

День 50

16.03.2019

Суббота

В СИЗО снова выходные. Эдем агъа вспоминает, как на выходных ездил на рынок и отоваривался продуктами на неделю. Посещал знакомых, соседей. Я вспоминаю свои выходные: все дома, просыпаемся позже обычного, семейный завтрак; если погода хорошая, с отцом обязательно что-нибудь делаем во дворе; часов в 11 мамочка и жена на подносе выносят кофе заварной и сладости; всё это раскладывалось на импровизированном столе. Первыми к кофе присаживались дети и, пока мы с отцом дойдём, они обязательно что-то прольют или перевернут. Такой себе забавный, трогательный семейный кофе-брейк.

Ближе к вечеру старались поехать куда-нибудь в гости к родственникам, знакомым. Ибо ислам очень побуждает поддерживать родственные связи, указывая на великие блага тем, кто сохраняет эти отношения, даже если вторая сторона ими не дорожит. И скажу, уже находясь тут: многие

родственники не просто поддерживают и заботятся о моей семье и родителях, а активно поддерживают меня даже на судах – не боясь, что агрессивный/репрессивный аппарат РФ может «квалифицировать» это как «поддержку» терроризма. Это великая милость Ислама и сила народа – быть едиными и в радости, и в печали.

В СИЗО выходные, как уже многократно говорил, проходят весьма скучно. Особенно, если в камере два человека, 8 кв. м, нет телевизора, радио... Этапов и левитанши нет, но завтрак и инсулин по расписанию. После пересчёта и до обеда нас никто не беспокоит. Мы продолжаем читать газеты. Узнаёшь много, заполняешь пробелы информации. Ситуация в Венесуэле; «Крымская весна» (предатели и оккупанты помпезно готовятся к её 5-й годовщине); выборы в Украине с очередными интригами и политическими играми; события в США, в ЕС и т. д.. Это не просто новости. Крым и Украинский вопрос – это вопрос геополитики. И все эти мировые события играют важную роль в том, как и куда будет идти весь сегодняшний беспредел в де-факто российском Крыму вопреки всем резолюциям авторитетных организаций и международным нормам.

...Тем временем, по расписанию обед. Дальше прогулка. Потом помолился. После чая опять лежим и читаем, сидим и общаемся, обсуждаем. В 16:40 принесли ужин. Стабильно – рагу + рыба. Картошку от комбижира отмываем, лук чистим, остатки колбасы нарезаем. В 19:10 инсулин. Мерим давление: у меня 120/70, у Эдема агъа 135/80 (бывает и 170/90 – если нервничает, переживает). Дальше опять чтение, обсуждение прочитанного. А что нам ещё остается делать в нашем положении?..

16:40

День 51

17.03.2019
Воскресенье

6:00

Ночь прошла тихо. По здоровью Эдем агъа: сахар в 6 утра показывает 15,4 ммоль/г. Это, конечно, пугает, но и поделаться нам нечего. Заявок нет. Левитанши тоже. Завтрак и ужин по расписанию. Пересчёт молниеносный, формальный. Куда мы можем деться, находясь под семью замками? Смотрят, разве что, желая убедиться – живы-здоровы. За окном очередной солнечный мартовский день. Если подняться под потолок и сквозь тройную решётку посмотреть на улицу, то можно увидеть, как вокруг всё зацветает, оживает. Окно тут по размеру, скорее, как форточка, и на высоте 2,5 м от пола, поэтому солнце, весна больше констатируются по дате на календаре. Как, впрочем, и зима, лето, осень...

День последовал своим воскресным графиком. Из того, на что реагировала довольно шумно наша дверь, можно говорить только о привычных режимных мероприятиях. В 6.05 взяли на завтрак хлеб. В 7.10 инсулин. Здесь же узнали, что кроме Сергея, фельдшера, который увольняется через неделю (осталось две смены), второй фельдшер ушёл в отпуск тоже с последующим увольнением. В общем, в медсанчасти СИЗО, как и везде, бардак. Услышали, что опять кто-то из узников умер – это пятая смерть за последние 30 дней (из ≈ 1500 чел.). Пять обвиняемых в месяц «естественной убыли», может, и допустимо (я, честно, не знаю всех причин и обстоятельств, а также допустимой смертности), но лично меня, да и не только, эти вещи определённо смущают и настораживают.

6:05

На обед суп макаронный, больше похожий на жидкую кашу. Второе – саму кашу, не берём, ибо по вкусу и виду похоже на что-то из того, что в детстве, помню, готовили для коров, а кто-то сегодня готовит собакам. Возможно, такое отношение из-за того, что нас поддерживают передачками. Арестанты, которых не поддерживают с воли, очень даже едят всё, что дают в СИЗО...

- 14:00 В 14.00 прогулка. Погода весенняя. Ни жарко, ни холодно. Час занятий на воздухе пролетает, словно мгновение. То, что все эти мероприятия проходят, уже по обычаю, под видеорегистратор, с назойливым вопросом к Эдем агъа: «вы вообще отказываетесь?», и его не отказ, а объяснение инспекторам, почему он не может и что выйти на свежий воздух – мечта, об это уже выше говорилось.
- 15:10 15.10. Возвращаясь в камеру, возле входа увидел два пакета с продуктами и вещами, которые мне сказали забрать. Оказывается, дочь Эдем агъа, Наджие Бекирова сделала нам очередную передачку. Я с дверей в шутку сказал ему: «Я тут, как обычно, воскресное отоваривание на рынке сделал, принимайте!».
- 16:45 16.45. Ужин. Рагу + рыба. Мы разобрали, разложили передачку. Наш вчерашний стол, кроме рагу и рыбы, обогатился свежими вкусностями с воли. 19.20. Инсулин.
- 19:20 Дальше, по обычаю, общение, чтение газет, чаепитие. Я написал жалобу в ВС РК на судью Турину и покрывателя её ответа, председателя Киевского р/с г. Симферополя А. Долгополова. Ещё позаполнял дневник, в процессе чего словно общаюсь с родными, близкими и миром...

День 52

18.03.2019

Понедельник

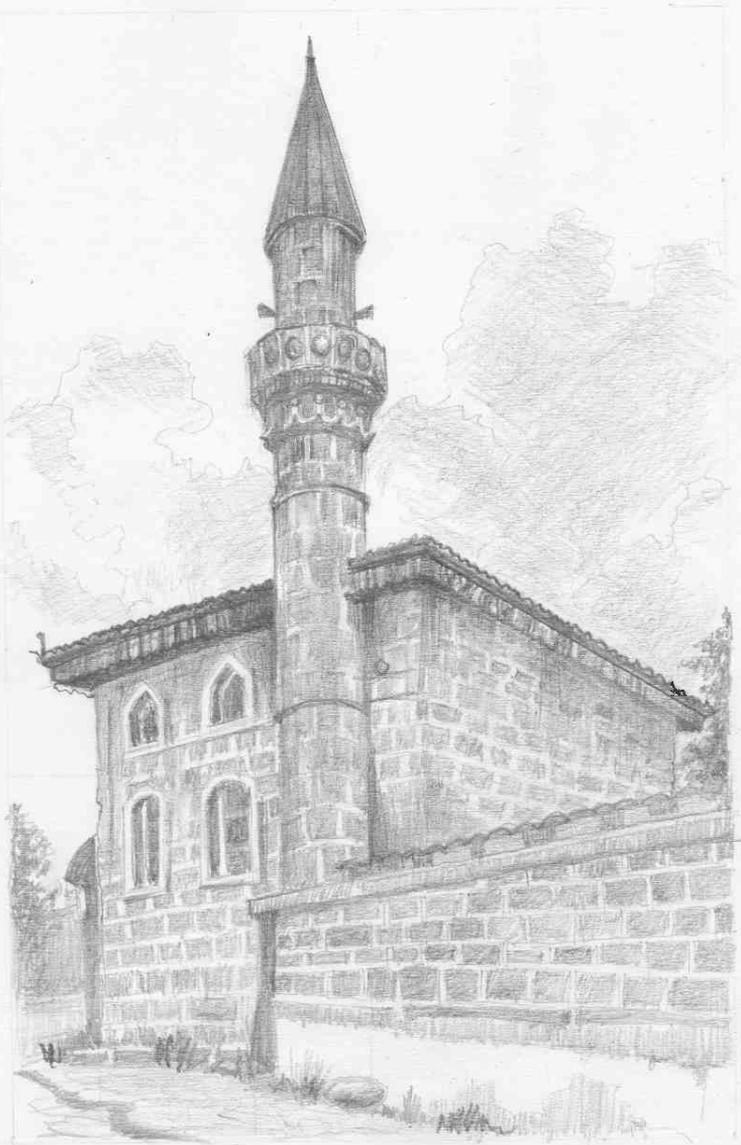
Начинаем новую рабочую неделю. И очередной пост. Но сегодня не однозначно рабочий день, т. к., несмотря на тотальный геноцид и репрессии по национальному, религиозному и политическому признакам (борьба с инакомыслием, полный правовой беспредел в Крыму) – высшее руководство РФ и РК с поддержкой и одобрением всего этого празднуют 5-летие «Крымнаш». Этот день официально выходной, но только в Крыму и в местных (не федеральных) учреждениях.

5.30. Передал инспектору заявку на ВС РК. 7:10. Инсулин. 5:30
9.05. Утренний пересчёт без оперативника и режимника.
10.00. Выводной инспектор Алексей пришёл за Эдем агъа. 11:00
11.00. Он вернулся, встретившись с адвокатом Ислям агъа Велиляевым, который перед поездкой на материк по судам и делам украинских моряков решил посетить своего клиента (дней 10 его не будет). Они обсудили состояние здоровья, план действий по медкомиссии и т. п.. По словам Эдем агъа, на кабинетах пусто и тихо. Прогулку я пропустил, т. к. держу пост, и физупражнения будут тяжелы. 12:10
12.10. На обед гороховый суп, оставил его на ужин. Эдем агъа, как положено, пообедал и получил дневную дозу инсулина. Дальше день шёл как выходной, абсолютная тишина.

Прошлые мои безответные заявки к руководству СИЗО так и где-то лежат. Новую газету почему-то опять не несут. После обеда я решил немного отдохнуть. Эдем агъа тоже совместил отдых с написанием писем родным. 17.20 – на ужин, как обычно, пюре и рыба. В последнее время перестали приносить солёную селедку. 18.45 – закат солнца, завершение поста. Я подогрел кипятыльником гороховый суп (остыв, он превратился в холодец). Но я разбавил его кипятком. Короче, потрапезничали. После ужина попили кофе, зафиксировав ещё один день жизни в неволе. 17:20
18:45

Вспомнил старую историю (лет 15-17 назад), которую и рассказал Эдем агъа. Я был старшекласником. В одну из ночей месяца поста Рамадан мы поехали по приглашению в мечеть одного из Бахчисарайских сёл. Сидя в небольшой комнате при мечети, пили чай, обсуждали истории религиозные, читали Коран, молились. С нами был тогда и Сулейман агъа (М. Асанов), который глядя на часы, висевшие напротив него на стене, произнёс фразу, которая, как сегодня, в моей памяти и слуху: «Смотрю на эти часы и, наблюдая за секундной стрелкой, мчащейся только вперёд, понимаю, что каждое её движение вперёд приближает нас к концу жизни, к старости, к неременному суду и встрече с Всевышним».

Эти слова часто вспоминаю, когда смотрю на часы и на всё

время бегущую вперёд секундную стрелку. Вот и сейчас говорю Эдем агъа, что прошёл день, а значит мы на шаг ближе к концу этой чудовищной несправедливости и этих антигуманных условий нашего содержания, мы ближе к свободе. Главное – достойно прожить каждую минуту, не теряя свой человеческий облик, духовные ценности, принципы и правильный образ жизни.

Так, в обсуждениях, рассуждениях мы провели очередной вечер. Я заполнил дневник и написал заявление – запрос по ОНК в РК. Уже снова полночь, надо немного поспать, чтобы завтра с новыми силами противостоять вызовам этой системы, стремящейся ломать в человеке личность...

00:00

Мустафаев Сервер родился 5 мая 1986 года, жил в Бахчисарае, координатор «Крымской солидарности». Под стражей с 21 мая 2018 года. Дома у Сервера остались жена и четверо детей. На момент ареста его младшей дочери Наджие исполнилось 2 месяца.

Серверу вменяют ч. 2 ст. 205.5 («Участие в деятельности террористической организации», до 20 лет лишения свободы) и ч. 1 ст. 30 и ст. 278 УК РФ («Подготовка к насильственному захвату власти», до 10 лет лишения свободы).

Арест Сервера связан с активной ненасильственной правозащитной деятельностью, критикой российских правоохранительных органов и власти. Сервер принимал активное участие в деятельности общественного движения «Крымская солидарность». Это объединение предоставляет правовую, информационную и материальную помощь крымским татарам и мусульманам, которые подвергаются преследованиям со стороны российской власти, а также их семьям.

